

An illustration of a large pyramid with a smaller structure at its base, flanked by two sphinxes. The scene is set against a dramatic, cloudy sky at sunset or sunrise, with birds flying in the air. The entire scene is framed by a decorative, scalloped border.

УИЛБҮР СМІТ

ТРИУМФ СОЛНЦА

Роман

АЗБУКА

Баллантайн

Уилбур Смит
Триумф Солнца

«Азбука-Аттикус»

2005, 2018

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Триумф Солнца / У. Смит — «Азбука-Аттикус», 2005,
2018 — (Баллантайн)

ISBN 978-5-389-21195-7

В конце XIX века в Судане было поднято восстание против англо-египетского владычества. Под знаменами лжепророка Махди собрались воинственные племена пустыни, и угроза исходила от них так же жаростно, как жар от солнца. Суданская столица Хартум – в осаде. Вместе с сотнями других британцев оказались в ловушке генерал Чарльз Гордон, капитан Пенрод Баллантайн, торговец Райдер Кортни, британский консул Дэвид Бенбрук и его дочери. Теперь у них общая судьба и общая цель – ведь тех, кто не успеет покинуть Хартум, ждет ужасная смерть... «Триумф солнца» Уилбура Смита – это эпическая, масштабная книга, в которой оживает сама история: восточное великолепие и коварство, шум и ярость толпы, бой барабанов и звуки битвы, героизм и предательство, мрачные моменты отчаяния и внезапный свет надежды.

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-21195-7

© Смит У., 2005, 2018
© Азбука-Аттикус, 2005, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	93
-----------------------------------	----

Уилбур Смит

Триумф солнца

Wilbur Smith

THE TRIUMPH OF THE SUN

Copyright © Orion Mintaka (UK) Ltd, 2005, 2018

Originally published in the English language in the UK by Zaffre, an imprint of Bonnier Books UK Limited

The moral rights of the author have been asserted

All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© В. М. Заболотный (наследники), перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Уилбур Смит (1933[°]—2021) родился в Северной Родезии (Южная Африка) и получил образование в Университете Родса, который окончил со степенью бакалавра по коммерции. По словам Смита, он начал писать, чтобы забыть о жизненных невзгодах, — ведь выдуманные истории можно полностью контролировать, в отличие от собственной жизни. Первый же роман — «Когда пируют львы» — был настолько успешен, что Смит задумался о карьере профессионального писателя.

Перу Уилбура Смита принадлежит 49 историко-приключенческих и остросюжетных романов. За свои заслуги в области литературы Уилбур Смит удостоен Британской национальной книжной премии.

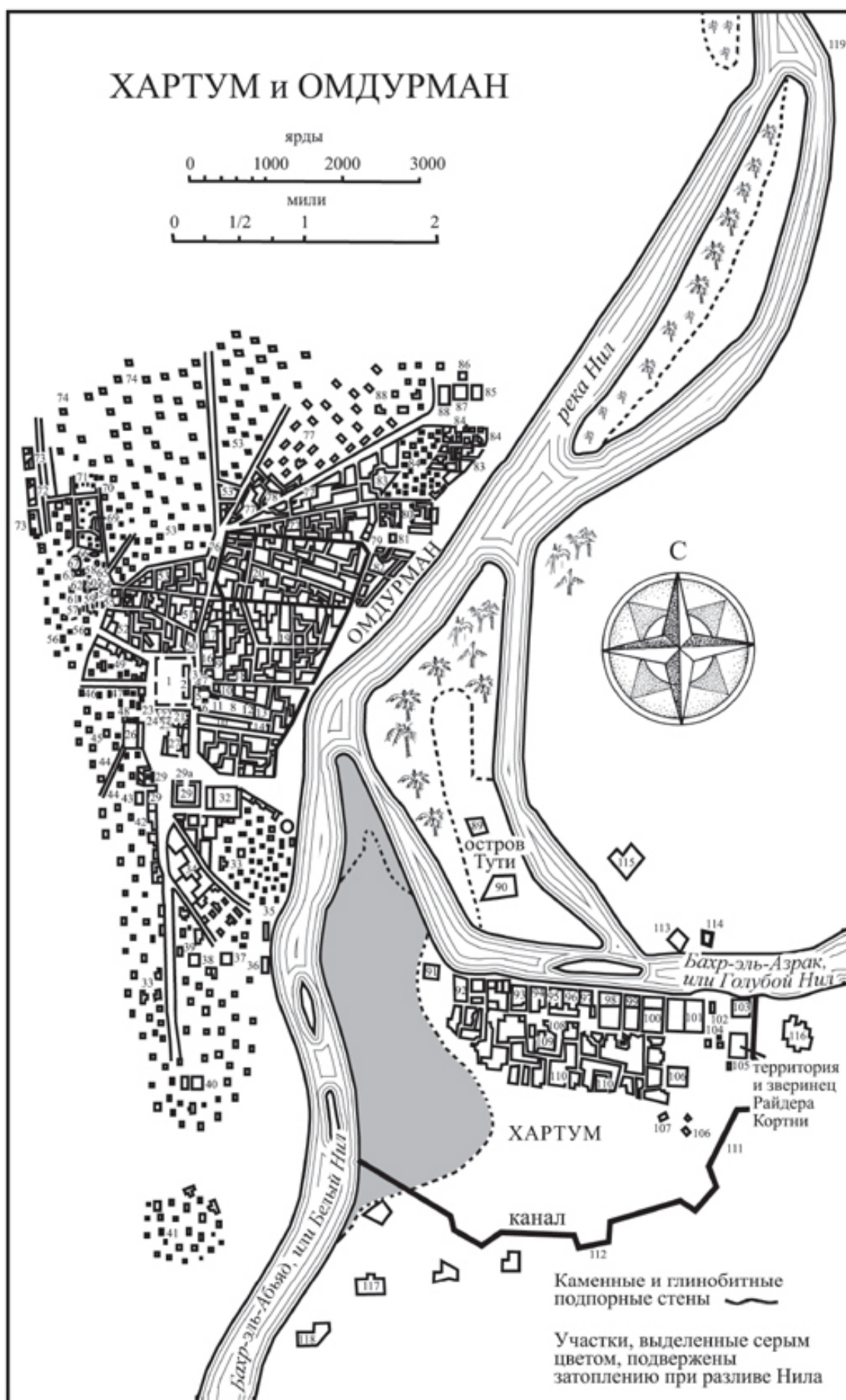
* * *

«Триумф солнца» превзошел все ожидания почитателей Смита...
Мастерское повествование и захватывающие приключения.
Times Record News

Поклонники творчества Уилбура Смита не будут разочарованы.
Publishers Weekly

* * *

Эта книга посвящается моей жене Мохинисо — с ней связано все лучшее, что случилось со мной в жизни

Омдурман

1. Мечеть
2. Михраб
3. Гробница Махди
4. Маленькая мечеть
5. Владения халифа
6. Суд халифа по особым делам
7. Дворец халифа
8. Гарем халифа
9. Школа Корана
10. Дома мулазиминов (телохранителей) халифа
11. Дом преемника Махди
12. Конюшни халифа
13. Кладовые халифа
14. Гарем Махди
15. Дом семьи Махди
16. Дом халифа Али Вад-Хелу
17. Дома мулазиминов и родственников Али Вад-Хелу
18. Дом Османа, сына халифа
19. Большая каменная стена Омдурмана
20. Глинобитная стена Омдурмана
21. Дома родственников халифа
22. Новый дом Слатина
23. Дома кади (судей)
- 24.
25. Старый дом Якуба
26. Лагерь Османа Аталана и его воинов-беджа
27. Дома катибов (писцов)
28. Старый дом Слатина
29. Бейт-эль-Амана
- 29а. Хранилище знамен и барабанов
30. Дома родни халифа
31. Тюрьма
32. Оружейный завод
33. Лагерь европейцев
34. Лагерь борго и такарна
35. Переправа
36. Дом халифа на Ниле
37. Старая крепость Омдурмана
38. Дом главнокомандующего армией джихада
39. Лагерь чернокожих солдат джихада
40. Дом халифа в Дем-Юнес
41. Деревня правоверных арабов
42. Лагерь борну, феллата, гоама
43. Дом Нур-Ангара
44. Лагерь хомр
45. Лагерь кабабиш и других племен, владеющих поголовьем верблюдов

46. Лагерь хамар
47. Лагерь хаббанийя
48. Лагерь ризейкат
49. Лагерь канана
50. Дом Абдуллы Вад-Ахмеда
51. Лагерь дегейм
52. Лагерь племен с Белого Нила
53. Лагерь джаалин
54. Столярные мастерские
55. Рыночные суды
56. Место казни
57. Рынок соли
58. Рынок полотна и прочих тканей
59. Цирюльни
60. Швейные мастерские
61. Овощной рынок
62. Мясные лавки
63. Фуражные ряды
64. Рынок зерна и фиников
65. Хранилище зерна и фиников
66. Рынок древесины
67. Ряды товаров для женщин
68. Лавки продуктов и еды для европейцев
69. Мусульманский квартал
70. Старый дом миссионера Джозефа Орвальдера
71. Кладбище
72. Дома Шерифа Ахмеда и семьи Халифа Шерифа
73. Лагерь кунуз барабра
74. Лагерь данагла
75. Лагерь бени-джаррар
76. Гробницы мучеников за веру
77. Лагеря разных племен
78. Гробницы членов семьи Махди и его родственников
79. Пороховой завод
80. Бейт-эль-Маль
81. Невольничий рынок
82. Продовольственные склады мулазиминов и катибов
83. Лагерь племени фур
84. Лагеря египтян (Ибрагима-паши, Саид-бея, Юсефа Мансура и др.)
85. Дом хиджры халифа
86. Дом хиджры Али Вад-Хелу
87. Мечеть хиджры
88. Лагерь вад эль-безир и хеллавин

Остров Тути

89. Пороховой склад
90. Деревня Тути

Хартум

91. Форт Мукран
92. Консульство Британии
93. Церковь
94. Санитарный департамент
95. Почтовое и финансовое отделения
96. Консульство Австрии
97. Дом правительства (резиденция хукумдара)
98. Дворец губернатора
99. зернохранилище
100. Арсенал
101. Казармы
102. Госпиталь
103. Форт Бурри
104. Стрелковое оружие, склад боеприпасов
105. Склад артиллерийских боеприпасов
106. Патронный завод
107. Святыня
108. Консульство Франции
109. Консульство Италии
110. Дома местного населения
111. Баб-эль-Мессаламия
112. Форт Калакия
113. Восточный дворец
114. Северный форт

115. Ходжали
116. Бурри
117. Калакла
118. Шагарет Маххи Бей
119. Халфайя

*Земля иссушена неуголимой жаждой вечности; в холодно-голубых
небесах нет ни облачка, которое могло бы затмить безжалостный
триумф солнца.*

Уинстон Черчилль. Речная война, 1905

Ребекка сидела, упершись локтями в подоконник широкого, без стекол, оконного проема, и ощущала огненно-жаркое дыхание пустыни. Даже вода в реке, что текла вниз, казалось, кипела, будто в огромном котле. Расстояние до противоположного берега составляло не меньше мили: ежегодно в это время разливался Нил. Сила потока была такова, что на поверхности воды тут и там возникали стремительные водовороты. Белый Нил становился зеленым, исходил зловонием болот, через которые протекал чуть выше и которые превосходили по пло-

щади такую страну, как Бельгия. Эту не имевшую границ трясины арабы называли Бахр-эль-Газаль, англичане же дали ей имя Суд¹.

В последние месяцы предыдущего года Ребекка вместе с отцом побывала в верховьях реки, там, где из бездонных топей вытекал небольшой ручеек. Далее простирались загадочные, не исследованные еще картографами районы Суда: лишь очень искушенный путешественник мог различить под густыми зарослями плавающих островков редкие зеркала воды. Эти места, родина печально известной тропической лихорадки, являлись безраздельной вотчиной крокодилов и гиппопотамов, служили прибежищем крикливому племени пернатых – удивительным, райским созданием и уродливым грозным чудищам. Там же обитала ситатунга – почти мифическое существо, антилопа-амфибия с витыми рогами, густой длинной шерстью и широкими копытами, позволявшими ей чувствовать себя в воде как в родной стихии.

Ребекка чуть повернула голову, отчего на лицо упал длинный белокурый локон. Смахнув его, девушка устремила взор на север, к точке слияния двух великих рек. Зрелище завораживало, хотя и находилось у нее перед глазами изо дня в день уже долгих два года. Посреди ближайшего русла вода несла гигантских размеров плот из стеблей жесткой травы со сросшимися корнями. Где-то в верховьях растения освободились из плена болот и теперь будут дрейфовать на север, пока их не разъединят стремнины встречных водопадов. Взглядом Ребекка проводила островок до места, где два потока соединялись в один.

Другой Нил устремлялся к собрату с востока. Воды его были холодны и прозрачны, поскольку начало свое брали высоко в горах. Лишь в период разлива их окрашивали в серовато-голубой оттенок частицы вымытой из хребтов Абиссинии почвы. Из-за них-то река и получила второе имя. Даже будучи несколько уже своего близнеца, Голубой Нил все равно мог гордиться собственной мощью. Оба потока сливались в вершине треугольника, на котором лежит Город слоновьего бивня – то есть Хартум. Однако единение братьев происходило далеко не сразу. Ребекка видела, что и в далекой дали делившие общее ложе потоки сохраняли присущий каждому цвет – до тех пор пока пороги Шаблука, перегораживавшие русло в двадцати милях к северу, не переплетали их струи в единое целое.

– Ты не слушаешь меня, дорогая, – укоризненно прозвучал за спиной голос отца.

Ребекка с улыбкой обернулась:

– Прости, папа. Я и вправду отвлеклась.

– Знаю. Вижу. Близится время испытаний, моя девочка. Нам нужно быть к ним готовыми.

Ты уже не ребенок, Бекки.

– Еще бы! – значительно подтвердила Ребекка, с детства ненавидевшая нытье. – Неделью назад мне исполнилось семнадцать. В этом возрасте мама вышла за тебя замуж.

– А теперь хозяйкой дома стала ты. – Голос отца дрогнул – перед глазами возникли образ горячо любимой супруги и ужасная картина ее смерти.

– Папочка, дорогой! Ты же сам себе противоречишь! – рассмеялась Ребекка. – Если я хозяйка дома, то как можно настаивать, чтобы я оставила тебя одного?

На мгновение Дэвид Бенбрук смутился, однако тут же взял себя в руки и удовлетворенно хмыкнул. Красавица-дочь выросла такой смышленной, что он редко находил силы отказать ей хоть в чем-то.

– Ты в точности мать.

Обычно эта фраза означала, что отец выбрасывает белый флаг, но сейчас Бенбрука продолжали мучить сомнения. Ребекка вновь отвернулась к окну – не игнорируя дальнейшие слова родителя, однако воспринимая их вполуха. Теперь, когда отец напомнил ей о предстоящих опасностях, девушка ощутила, как в сердце впиваются холодные коготки страха.

¹ Сокр. от «Судан». – Здесь и далее примеч. перев.

Неуклюжие постройки туземного городка Омдурмана, видневшиеся на противоположном берегу реки, серовато-желтые, как и пустыня, которая их окружала, подрагивали в знойном мареве и казались почти игрушечными. Несмотря на очевидную безобидность, от домишек исходила некая угроза, ощутимая так же явственно, как и обжигающе-горячие лучи солнца. Смертельный характер этой угрозы подчеркивал не стихавший ни днем, ни ночью грохот барабанов. Гулкие звуки разносились над водной гладью подобно ударам сердца, бьющего под панцирем ужасного монстра. Он представлялся Ребекке мохнатым пауком, что сидит, поблескивая крошечными глазками, в центре своей паутины, исполненный неодолимой жажды человеческой крови. Осталось совсем немного, и этот монстр вместе с сородичами придет, чтобы пожрать их. Зябко поведя плечами, Ребекка заставила себя вслушаться в голос отца.

– Я еще раз готов подтвердить: да, ты так же отважна, как твоя мать. И так же упряма. Но подумай о малышках, Бекки. Подумай о них, ведь теперь и они стали твоими!

– Свой долг перед девочками я ощущаю ежеминутно, папа. – Ребекка с трудом подавила вспыхнувший в груди гнев и улыбнулась: улыбка всегда смягчала сердце отца. – Однако не могу не думать и о тебе. – Она подошла к креслу, в котором сидел Бенбрук, мягко положила руку ему на плечо. – Если ты поедешь с нами, я буду спокойна.

– Это невозможно, Бекки. Мое место – тут. Я генеральный консул ее величества. Мне доверено слишком многое. Я остаюсь здесь, в Хартуме.

– Значит, я тоже, – спокойно сказала она, проведя пальцами по волосам отца.

В шевелюре Бенбрука, все еще по-юношески жесткой и густой, змеились частые седые нити. Консул ее величества недаром считался очень красивым мужчиной; дочь любила расчесывать щеткой его волосы, заботливо подравнивать и без того аккуратные усы – испытывая ту же гордость, что когда-то наполняла сердце ее матери.

Бенбрук тяжело вздохнул, собираясь продолжить нелегкий спор, но в этот момент за окном послышались детские крики. Отец и дочь замерли. В следующее мгновение Ребекка бросилась к окну, консул же рывком поднялся из кресла. Хвала Господу, в криках звучало не смятение или боль, а восторг.

– Они в сторожевой башне, – сообщила Ребекка.

– Но им туда нельзя! – воскликнул отец.

– Им много куда нельзя, – согласилась Ребекка, – однако именно там ты чаще всего их и находишь.

Распахнув дверь, она быстрым шагом двинулась по выложенному камнем проходу. В дальнем его конце начиналась винтовая лестница в башню. Ребекка приподняла полы длинной юбки и проворно заспешила вверх по ступеням. За ее спиной, сохраняя достоинство, вышагивал отец. На верхней башне в глаза дочери ударил яркий солнечный свет.

Обе девочки находились в опасной близости от невысокого парапета. Поймав их за тонкие ручонки, старшая потянула сестер к себе. С площадки открывался великолепный вид на Хартум: скопище плоских крыш тут и там прорезали острые иглы минаретов; на много миль к югу и востоку уходили рукава Нила.

Сэффрон попыталась выдернуть ручку из крепкой хватки Ребекки.

– «Ибис»! Да посмотри же, там «Ибис»!

Из двух младших сестер Сэффрон была более высокой и смуглой, своевольной и непокорной, как мальчишка.

– «Неустрашимый ибис», – уточнила Эмбер, хрупкое и изящное создание с ангельским даже в минуты волнения голосом. – Это Райдер на «Неустрашимом ибисе».

– Для тебя – мистер Райдер Кортни, – одернула сестру Ребекка. – Дети не должны называть взрослых просто по именам. Повторять, надеюсь, не придется.

Однако девочки, казалось, замечания не услышали. Сестры втроем с нетерпением всматривались в воды Белого Нила, по которым к берегу приближался небольшой пароход.

– Он такой же белый, как кусочек сахара, – тоненьким голоском пропела Эмбер, маленькая фея со вздернутым носиком и широко распахнутыми голубыми глазами.

– Это мы уже слышали. Могла бы придумать что-нибудь поновее, – беззлобно констатировала Сэффрон.

Она ничуть не походила на Эмбер: цвета темного меда глаза, усыпанные крошечными веснушками круглые щеки и пухлые, вечно смеющиеся губы. В ее устремленном на Ребекку взгляде светилось лукавство.

– Райдер – твой кумир, правда?

«Кумир» являлось последним пополнением ее словаря, и, поскольку употреблялось лишь применительно к Райдеру Кортни, Ребекка находила словечко почти вызывающим.

– Ничего подобного! – высокомерно бросила она, пытаясь скрыть досаду. – И вообще, придержите свою дерзость, мисс Острый Язычок!

– Он привез гору еды! – Вытянув руку, Сэффрон указала на четыре вместительные плоскородные баржи, тащившиеся на буксире за «Ибисом».

Ребекка разжала пальцы, стискивавшие запястья сестер, и ладонями прикрыла глаза от ослепительных лучей солнца. Сэффрон оказалась права. По крайней мере две из четырех посудин были нагружены мешками дурры – зерна, служившего жителям Судана главным продуктом питания. На двух других баржах виднелась всякая всячина: Райдер слыл самым удачливым торговцем на берегах обеих рек. Принадлежавшие ему лавки располагались на расстоянии примерно сотни миль одна от другой, начиная от слияния Нила с Атбарой на севере и до Гондокоро и Экваториальной провинции на юге; тянулись они вдоль течения Голубого Нила и к востоку от Хартума – в сторону Абиссинии.

– Слава Господу, он прибыл, – произнес, ступив на площадку, Дэвид Бенбрук. – Для вас, девочки, это последний шанс убраться отсюда. Вместе с вами Кортни сумеет вырвать из дьявольских лап Махди и переправить вниз по реке сотни наших беженцев.

Не успел Бенбрук закончить фразу, как со стороны Белого Нила послышался резкий звук пушечного выстрела. Все четверо обернулись: из жерла германской гаубицы, что входила в батарею дервишей, позиции которых располагались на противоположном берегу, поднималось облачко дыма. Секунду спустя перед носом парохода встал столб воды и пены, окрашенной в желтоватый цвет вследствие сгорания лиддита².

Сдерживая рвавшийся из горла крик отчаяния, Ребекка ладонью зажала рот. Бенбрук сдержанно заметил:

– Будем надеяться, они так и не нашли себе лучших наводчиков.

Одна за другой к обстрелу парохода подключились все гаубицы батареи. Вода вокруг суденышка закипела. Шрапнель падала в реку густым дождем.

Артиллерийская канонада усилилась грохотом барабанов и леденящим душу воем полковых рожков омбейя. Из-за глинобитных построек на лошадях и верблюдах высыпали всадники – чтобы, растянувшись вдоль берега, держаться вровень с «Ибисом».

Ребекка бросилась к отцовской подзорной трубе, стоявшей на треноге у парапета, и направила ее на вражескую цитадель. Поднявшись на цыпочки, она приникла к окуляру и отрегулировала резкость. Кавалерия дервишей едва виднелась сквозь плотные клубы красноватой пыли, взметающейся из-под копыт. Верховые казались такими близкими, что Ребекка могла рассмотреть свирепые выражения их лиц, видела, как шевелятся, выкрикивая проклятия, губы. Над водой повис пронзительный вопль: «Аллах акбар! Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его!»

² Лиддит – взрывчатое вещество на основе пикриновой кислоты. Названо по имени г. Лидд в Великобритании, где оно было впервые произведено.

Эти всадники называли себя ансарами, то есть «помощниками», и являлись отборными телохранителями Махди. За спиной каждого развевалась джибба – «залатанное» одеяние, символизирующее лохмотья нищего и означающее, что до победного конца джихада – войны против безбожников-гяуров – другой одежды воины Аллаха не наденут. Вооруженные лишь камнями и копьями, ансары за минувшие шесть месяцев сумели разгромить три армии неверных, до последнего перебив их солдат. Теперь, взяв в осаду Хартум, они торжествовали, а одежда с нашитыми заплатами стала знаком беззаветной преданности Аллаху и Махди – его посланцу. Размахивая на скаку двуручными мечами, ансары стреляли в воздух из карабинов: и то и другое было захвачено у поверженного противника.

За долгие месяцы осады Ребекка видела подобные представления уже не раз, и они успели ей порядком надоесть. Труба повернулась к реке, туда, где среди фонтанов воды показывался нос «Ибиса». В окуляре возникли четкие линии капитанского мостика. Опершись на поручень, Райдер Кортни с насмешливым удивлением всматривался в допотопные доспехи нападающих. Вот он выпрямился, оторвал от губ черную сигару и сказал что-то боцману. Тот послушно закрутил рулевое колесо. Изящный нос «Ибиса» по широкой дуге начал разворачиваться к хартумскому берегу.

Сэффрон напрасно поддразнивала сестру: глядя на Кортни, Ребекка не испытывала ни малейшего любовного смятения. Улыбнувшись, девушка подумала: «Наверное, мне этого не дано». Она привыкла считать себя неподвластной столь приземленным, столь обыденным эмоциям. Тем не менее в груди вспыхнуло восхищение невозмутимостью Райдера – чувство тем более приятное, что согревала его связывавшая их дружба. «Да, мы друзья», – убеждала себя Ребекка, сознавая, насколько ее тревожит безопасность капитана судна.

– Господи, прошу, сделай так, чтобы Райдер не пострадал, – прошептала она.

И Господь ее услышал.

Заряд шрапнели пробил изрядную дыру в трубе катера прямо над головой Кортни. Из пробоины вырвался черный клуб. Но, даже не взглянув наверх, Райдер вновь стиснул зубами сигару и выдохнул облачко дыма, которое тут же унесло ветром. Капитан был в простой холщовой рубаше с расстегнутым воротом и высоко закатанными рукавами. Большим пальцем правой руки он сдвинул на затылок широкополую, плетенную из пальмовых листьев шляпу. С первого взгляда фигура его могла показаться излишне раздобревшей, однако подобный вывод был явно ошибочен и вызван лишь шириной плеч и накачанными тяжелой работой бицепсами. Узкие бедра и движения Райдера говорили об отсутствии любых излишков.

Взяв младших дочерей за руки, Бенбрук склонился над парашютом, окликнув человека, находившегося во дворе консульства.

– Дорогой генерал! – с максимальной уважительностью прокричал он. – Не сумеют ли ваши артиллеристы отвлечь внимание неприятеля от парохода мистера Кортни?

Ребекка посмотрела вниз: отец обращался к начальнику египетского гарнизона, оборонявшего город. Генерал Гордон, или Китаец, как его звали в войсках, был героем Британской империи и вел победоносные битвы едва ли не во всех уголках мира. Прозвище пристало к Гордону в Китае, где он возглавлял легендарную «армию непобедимых». Во двор генерал вышел после первого же гаубичного выстрела.

– Приказ на батарею уже отдан, сэр! – задрал голову в красной феске, раздраженно крикнул он: вечно эти гражданские лезут не в свое дело!

Ребекка слышала каждое слово. Говорили, что под разрывами снарядов приказы генерала звучали не менее отчетливо.

Несколько минут спустя египетская артиллерия, чьи орудия стояли вдоль берега Нила, открыла беспорядочную стрельбу. Горные крупновские пушки были небольшого калибра и давно устаревшего образца, боеприпасы позеленели от времени и давали множество осечек, однако наблюдатель, знакомый с косоруками египетскими солдатами, вынужден был признать

высокую точность стрельбы. Несколько снарядов со шрапнелью разорвались непосредственно над батареей дервишей: за время осады обе стороны успели пристрелять позиции друг друга. Неприятельский огонь заметно ослаб. Так и не получивший (кроме поврежденной трубы) ни одной пробоины, «Ибис» миновал угол слияния двух рек и уже входил вместе с баржами в устье Голубого Нила, под защиту городских зданий и стоявших на западном берегу пушек. Потеряв из виду цель, артиллерия дервишей смолкла.

– Папочка, можно нам пойти на пристань, чтобы встретить Райдера? – Сэффрон потянула отца к винтовой лестнице. – Ну же, Бекки, – повернулась она к старшей сестре. – Я тоже хочу взглянуть на твоего кумира!

Почти бегом пересекая неухоженный, поблекший под беспощадным солнцем консульский парк, семейство едва не столкнулось с генералом Гордоном – тот тоже спешил в порт вместе с группой египетских офицеров. Сразу за воротами дорогу перекрывал труп лошади: сраженный осколком дервишского снаряда, бедный конь лежал здесь уже десятый день. Живот его раздуло, в рваных ранах кишки толстые белые черви; над тушей густым синим облаком жужжали мухи. Смешанная с запахами осажденного города, вонь разлагающейся плоти была невыносима. При каждом вдохе Ребекке казалось, что ее желудок вот-вот вывернется наизнанку. Она с трудом сдерживала позывы тошноты: ни в коем случае нельзя опозорить ни себя, ни славу британской короны!

Младшие сестры переглянулись с глубоким отвращением.

– Фу! Даже дышать нечем!

И девочки одновременно согнулись, издав характерные звуки, весьма довольные своим актерским мастерством.

– Прекратите, дикарки! – прикрикнул Бенбрук и замахнулся на дочерей деревянной тростью с серебряным набалдашником.

В притворном ужасе те завопили и со всех ног бросились к пристани, перепрыгивая через обломки разрушенных артиллерийскими залпами домишек. Ребекка и отец ускорили шаг – чтобы возле чудом уцелевшего здания таможни слиться с толпой горожан, стремившихся в том же направлении.

Людской водоворот состоял из калек, нищих, рабов, солдат, богатых матрон в окружении слуг, вызывающе одетых портовых проституток, матерей с привязанными к спинам младенцами и цепляющимися чадами чуть старше, правительственных чиновников и жирных работяг с униженными золотом пальцами. Всех их влекло любопытство: что за груз прибыл на баржах и существует ли малейшая надежда выбраться живыми из ада, в который превратился некогда благословенный Хартум?

Догнав девочек, Бенбрук посадил себе на плечи Сэффрон, а Ребекка крепко стиснула ладошку Эмбер. Толпа не сразу, но признала статную фигуру британского консула: люди почтительно расступились. Берега реки семейство достигло всего через несколько минут после генерала Гордона – тот приветственно помахал им рукой.

«Неустрасимый ибис» уже подходил к пристани. Когда буксировочный трос сбросили в воду, баржи одна за другой ткнулись носами в прибрежный песок, позволив волнам Голубого Нила омыwać свою тупо обрезанную корму. На борту каждой посуды Райдер Кортни оставил вооруженных охранников, чтобы толпа не разграбила доставленный товар. Затем встал к рулевому колесу и уверенно направил пароход к дощатому настилу.

Сэффрон и Эмбер восторженно закричали:

– Райдер, это мы! Ты привез нам подарки?

Их тоненькие голоса донеслись до Кортни даже сквозь сдержанный рокот толпы. Подняв голову, он рассмотрел личико Сэффрон. Затем швырнул за борт окурки сигары, потянул веревку гудка, который выбросил вверх последнюю струю пара, и послал ей воздушный поцелуй.

Девочка засмеялась, кружась, как шаловливый котенок.

– Твой кумир, – сообщила она старшей сестре, – самый красивый из всех кумиров на свете!

Ребекка пропустила эти слова мимо ушей: теперь Райдер смотрел прямо на нее. Вот он приподнял шляпу – темные волосы взмокли от пота – и уважительно кивнул. Лицо и руки торговца покрывал темный загар, лишь у кромки волос проходила белая полоса – там, где кожу защищал от солнца головной убор. В ответ Ребекка улыбнулась и сдержанно поклонилась. Сэффрон опять оказалась права: Райдер действительно красив. «Особенно когда улыбается, – подумала девушка. – Но в уголках глаз уже лучатся морщинки. Как же он стар! Наверняка не меньше тридцати».

– Мне кажется, ты ему нравишься, – простодушно поделилась Эмбер.

– Немедленно прекратите эту несусветную чушь, мадемуазель, – строго оборвала Ребекка.

– «Эту несусветную чушь, мадемуазель», – прошептала Эмбер и в уме повторила фразу старшей сестры еще раз, чтобы при первой возможности использовать ее против Сэффрон.

Райдер Кортни лично руководил швартовкой. Нос парохода мягко коснулся кранцев, кто-то из членов команды бросил на берег трос, двое коренастых мужчин ловко притянули судно к пирсу, и Райдер повернул рукоять судового телеграфа, вызывая механика. Из крошечного иллюминатора высунулась голова Джокса Маккрампа, лицо его покрывали пятна машинного масла.

– Да, хозяин?

– Не снижай давление пара, Джокс. Бог знает, когда нам придется поднять якорь.

– Будет исполнено, хозяин. Мне тоже не улыбается приветствовать на борту этих чертовых туземцев. – Джокс небрежно вытер лицо куском ткани сомнительной чистоты.

– Останешься здесь за старшего, ясно?

Райдер спрыгнул на пирс и направился в сторону, где стоял генерал Гордон со своими людьми, однако не успел сделать и десятка шагов, как оказался в гуще толпы.

Окружив торговца плотным кольцом, египтяне и выходцы из различных арабских племен цепкими пальцами хватали его за одежду.

– Эфенди, умоляю! Эфенди! У меня десять детей и четыре жены, позвольте нам пройти на ваш корабль! – звучало из дюжины глоток на арабском и ломаном английском. Перед глазами Райдера мелькали пачки банкнот. – Сто египетских фунтов! Это все, что у меня есть. Возьмите их, эфенди, и я до конца дней буду возносить Аллаху молитвы за вашу милость!

– А вот золотые соверены вашей королевы! – Какой-то египтянин многозначительно потряхнул холщовым мешком. Послышался звон монет.

Женщины срывали с себя украшения: тяжелые браслеты, кольца, цепочки; от блеска камней резало в глазах.

– Меня и моего сына! Возьмите нас, о господин!

Они протягивали Райдеру своих младенцев – крошечные, вопящие на все лады существа со впавшими от голода щеками, покрытые язвами, завернутые в коричневые от холерных испражнений пеленки. Они яростно отталкивали друг друга, чтобы кончиками пальцев коснуться его руки. Одна из них неловко упала на колени, выронив ребенка, который мгновенно исчез под ногами толпы. Пронзительный детский крик с каждой секундой слабел и, наконец, совсем стих, когда чей-то грубый деревянный башмак раздавил хрупкие кости еще неокрепшего черепа. Безжизненное тельце напоминало забытую в дорожной пыли куклу.

Объятый животной яростью, Кортни бешено заработал огромными кулаками. Прямым ударом в челюсть он уложил похожего на набитый салом курдюк турка, затем развернул плечи,

опустил голову и зашагал, неподвижным взглядом сверля толпу. Перепуганные люди бросились врассыпную, кто-то побежал на пирс и попытался взобраться на борт «Ибиса».

Джок Маккрамп был готов к этому. Рука его сжимала тяжелый разводной ключ, рядом стояли пятеро матросов, вооруженных баграми и пожарными топорами. Первого же вторгшегося Джок с размаху ударил ключом в висок: мужчина камнем упал в воду.

Осознав серьезность положения, Райдер Кортни решил вернуться на судно, однако пробраться сквозь охваченную паникой толпу не смог.

– Джок, снимайся с якоря и уходи к баржам! – прокричал он.

В знак того, что расслышал приказ, механик взмахнул ключом, поднялся на мостик и отрывисто пролаял матросам команду. Чтобы не терять время на распутывание узлов, швартовы перерубили точными ударами топора. «Ибис» уже отошел от пирса, но несколько беженцев предприняли отчаянную попытку прыжком преодолеть все увеличивавшийся разрыв между бортом судна и причалом. Четверо упали в воду и были тут же унесены мощным течением на середину реки. Пятому повезло больше: одной рукой он сумел ухватиться за металлический поручень судна и теперь висел за бортом, умоляя команду помочь ему взобраться на палубу.

Но Башит, боцман-араб, взмахом топора отсек четыре пальца несчастного. Упавшие на палубу, они походили на коричневые сосиски. Жертва испустила душераздирающий вопль и ушла в воду. Пинком ботинка Башит скинул пальцы за борт, вытер об рубаху лезвие топора и проследовал на нос парохода, чтобы поднять якорь. Джок включил двигатель, и «Ибис» двинулся к баржам.

Толпа на берегу разочарованно охнула, однако Райдер так и не разжал крепко стиснутые кулаки, и люди испуганно попятились. Тем временем генерал Гордон уже приказал своим солдатам усмирить волнение. Взвод выстроился в линию и с примкнутыми штыками пошел на роптавшее сборище, ударами прикладов сбивая наземь тех, кто осмеливался встать на его пути. Объятые страхом горожане кинулись искать спасения в лабиринте узких улочек Хартума. Возле пристани осталось лежать лишь тельце ребенка, его окровавленная и стонущая мать да полдюжины мужчин, распростертых в лужах собственной крови. Громко сопел поверженный ударом Райдера турок.

Кортни обвел взглядом пристань в поисках Бенбрука и его дочерей, но при первых признаках беспорядка отцу хватило здравого смысла укрыть семью за стенами консульства. С облегчением переведя дух, Райдер увидел пробиравшегося к нему между телами генерала Гордона.

– Добрый день, генерал.

– Как дела, мистер Кортни? Рад приветствовать вас. Надеюсь, плавание было приятным?

– На редкость, сэр. Мы удачно прошли через весь Суд. В это время года канал обычно хорошо вычищен, поэтому двигались без задержек.

Мужчины обошли молчанием артиллерийскую перестрелку и стычку возле пристани.

– Я вижу, у вас немалый груз, сэр?

Будучи ниже Райдера не меньше чем на шесть дюймов, Гордон сверлил собеседника своим знаменитым взглядом. Глаза генерала были прозрачно-голубыми – цвета раскаленного солнцем неба над бескрайней пустыней. Немногие из тех, кто когда-либо смотрел в эти глаза, могли впоследствии забыть их. Неподвижные зрачки гипнотизировали, без остатка подчиняя себе чужую волю. Вот почему Гордон всегда казался исполненным ироничной веры в себя и своего собственного бога.

Райдер мгновенно осознал всю значимость вопроса.

– На баржах лежат полторы тысячи мешков дурры, каждый весом в десять кантаров.

Один арабский кантар составлял примерно сто килограммов.

Сапфировые глаза Гордона удовлетворенно сверкнули, генерал легонько хлопнул тонкой бамбуковой тростью себя по бедру.

– Превосходно, сэр. И местный гарнизон, и население города испытывают крайнюю нужду в продовольствии. Доставленные вами мешки помогут нам продержаться до прихода помощи из Каира.

Не ожидавший столь оптимистической оценки, Райдер удивленно заморгал. В городе находилось около тридцати тысяч жителей. Даже если держать такое количество людей на самом скудном рационе, в день потребуется не менее сотни мешков дурры. Согласно последнему сообщению, полученному незадолго до того, как дервиши перерезали телеграфную линию, связывавшую Хартум с севером страны, спасительная колонна все еще формировалась в дельте Нила и выйдет только через несколько недель. После чего ей придется преодолеть более тысячи миль, несколько водопадов и выжить в каменной пустыне. Затем отряду предстоит вступить в ожесточенную борьбу с ордами дервишей, которые патрулируют оба берега Нила и держат в кольце осады город. Полутора тысячами мешков зерна никак не прокормить даже гражданское население Хартума.

Но тут Кортни понял: оптимизм – лучшее оружие генерала. Человек с его характером никогда не позволит себе погрузиться в пучину безнадежности и отчаяния.

– Значит, вы даете мне разрешение открыть торговлю зерном, генерал?

В Хартуме было введено чрезвычайное положение. Продукты питания распределялись исключительно по команде Гордона.

– Сэр, не в моей власти разрешить вам это. Население города голодает. Открытие торговли наполнит зерном закрома спекулянтов, а бедняки останутся ни с чем. Необходимо позаботиться, чтобы каждый получил справедливый паек. Я лично прослежу за распределением и вынужден реквизировать весь ваш груз. Разумеется, вы получите за него достойную цену.

На мгновение Райдер потерял дар речи. Пауза затянулась.

– Достойную цену, генерал?

– После сбора прошлогоднего урожая цена на мешок дурры составляла в городе шесть шиллингов. Я и сейчас считаю ее вполне достойной, сэр.

– После сбора прошлогоднего урожая здесь не было ни войны, ни осады, – резко возразил Райдер. – Шесть шиллингов, генерал, не покроют мои убытки. Ведь я-то покупал зерно по грабительским расценкам! А расходы на доставку его сюда? А законная прибыль, которую я должен получить?

– Уверен, мистер Кортни, что эти шесть шиллингов принесут вам изрядный доход. – Гордон не сводил с собеседника холодных, стальных глаз. – По законам военного времени, сэр, всякая спекуляция и укрывательство продовольствия считаются тягчайшими уголовными преступлениями.

Райдер отлично знал, что слова генерала не пустая угроза. Много раз ему приходилось видеть, как принародно порют розгами, а затем и казнят мужчин, пренебрегших исполнением своего долга либо нарушивших декреты этого невысокого человека. Расстегнув вторую пуговицу форменного кителя, Гордон достал из внутреннего кармана записную книжку, черкнул в ней пару строк, вырвал листок и протянул его Райдеру.

– Вот мое личное долговое обязательство на сумму четыреста пятьдесят египетских фунтов. Его вам оплатят в казначействе хедива в Каире, – сухо произнес он. Хедивом местные жители называли правителя Египта. – А что представляет собой остальной ваш груз, мистер Кортни?

– Слоновая кость, образчики пойманных в пути сюда животных и птиц, – с досадой ответил Райдер.

– Что ж, можете отправить это на свой склад. В данный момент они меня не интересуют, хотя со временем, вероятно, придется заколоть животных, чтобы обеспечить население мясом. Как скоро вы сможете подготовить пароход и баржи к отплытию, сэр?

– К отплытию? – Догадавшись, что последует дальше, Райдер побледнел.

– Ваши суда конфискованы для перевозки беженцев в более безопасное место, вниз по реке, – объяснил генерал. – Можете подать заявку на древесный уголь. Издержки будут компенсированы из расчета два фунта за пассажира. Полагаю, вы сумеете взять на борт пятьсот мужчин, женщин и детей. Я лично отберу тех, кто отправится в первую очередь.

– Компенсация последует в виде еще одного векселя? – с плохо скрытой иронией поинтересовался Райдер.

– Именно так, мистер Кортни. В Метемме вы дождетесь высланный нам в поддержку отряд. Мои собственные суда уже там. Ваша репутация опытного речного штурмана весьма пригодится при проходе через пороги Шаблука, мистер Кортни.

Гордон с величайшим презрением относился к любым проявлениям жадности и поклонению мамоне. Когда хедив предложил ему награду в десять тысяч фунтов за немыслимую операцию по вывозу мирных жителей Судана, генерал без колебаний урезал баснословную цифру до двух тысяч, твердо придерживаясь собственных представлений о долге офицера перед своими подчиненными и Всевышним.

– Прошу подвести баржи поближе к пирсу. Мои люди будут охранять их во время разгрузки, пока последний мешок зерна не окажется на таможенном складе. Ответственность возьмет на себя мой начальник штаба майор аль-Фарук.

Гордон кивнул в сторону стоявшего чуть поодаль офицера. Темноглазый египтянин непроизвольно салютовал Райдеру. В ноздри Кортни ударил тяжелый аромат бриолина: волосы начальника штаба были тщательно напомажены.

– А сейчас вы должны извинить меня, сэр. Дела.

Как фактическая хозяйка генерального консульства ее величества в Судане, Ребекка несла на своих плечах всю ответственность за внутреннюю жизнь великолепного особняка. Этим вечером под ее строгим присмотром слуги накрыли стол на обращенной к Голубому Нилу террасе – чтобы гости отца могли насладиться легким бризом, веявшим от реки. Перед заходом солнца в бронзовых курильницах зажгли тонкие веточки эвкалипта с листьями; ароматный дымок разогнал надоедливых mosquitos. Развлекать гостей должен был любезно предоставленный генералом Гордоном духовой квартет. Вообще-то, военные играли в городе каждый вечер, а не реже двух раз в неделю по приказу генерала устраивались красочные фейерверки: таким образом Гордон надеялся поднять дух измученных осадой жителей Хартума.

Стол поражал своим убранством: на белоснежной хлопковой скатерти торжественно сверкало начищенное серебро и высокие хрустальные бокалы. Лишь кухня, к досаде хозяйки, не соответствовала этому великолепию. В качестве первого блюда гостям подали суп из семян лотоса и лепестков роз, которые умудрились выжить в консульском парке, затем последует паштет из отваренной мякоти пальмового ствола и тщательно размолотых зерен дурры, а в раскаленной духовке ждал своего часа главный кулинарный шедевр ужина – грудка пеликана.

Обычно Дэвид Бенбрук проводил вечера, устроившись на террасе с отличной двустволкой «парди», ожидая, когда над головой зашелестят крылья бесчисленных водоплавающих птиц. За спиной отца стояли девочки, готовые в нужный момент передать стрелку новое заряженное ружье. Троица давно понимала друг друга без всяких слов. Бенбрук полагал, что каждая женщина, если она живет в Африке, в окружении диких животных и еще более диких людей, должна разбираться в огнестрельном оружии. Под руководством отца Ребекка действительно научилась мастерски обращаться с револьвером. Из тяжелого шестизарядного «уэбли»

она легко сбивала пять пустых консервных банок, расставленных по верху каменной стены, висевшей в десяти шагах от террасы.

Сэффрон и Эмбер были еще слишком малы, чтобы справиться с отдачей, поэтому для начала Бенбрук поручил дочкам просто заряжать и подавать ему ружья, и очень скоро девочки набили в этом деле руку. Как только отец спускал оба курка, Сэффрон забирала у него оружие, а Эмбер тут же вкладывала в ладонь другую, уже заряженную двустволку. Пока Дэвид выбирал жертву и прицеливался, дочери проворно вставляли в пустой магазин патроны и вытягивались наготове. Темп стрельбы у этого трио был довольно высокий.

Консул пользовался славой отличного стрелка и промахивался чрезвычайно редко. Пока дочери ободряли отца восторженными криками, Бенбрук меткими выстрелами снимал из летевшей высоко над головой стаи пять-шесть чирков. В первые недели осады над террасой частенько появлялись дикие утки и другие, более экзотические птицы: египетский гусь, гарганий, даже вальдшнеп. Вся эта дичь служила приятным дополнением к оскудевшему меню консульского повара. Однако утки довольно быстро распознали опасность и спустя месяц уже по широкой дуге облетали террасу. Теперь стол разнообразили лишь самые глупые представители пернатых: последними жертвами опытного охотника стали несколько жирных пеликанов.

В качестве гарнира Ребекка намеревалась предложить гостям сваренные без соли листья и стебли священной для египтян водной лилии. Рассказал ей об этом деликатесе Райдер, пояснив, что ботаники называют сей цветок *Nymphaea alba* – «белая нимфа». Кортни вообще оказался тонким знатоком всего связанного с природой. Ребекка готовила из нежных лепестков салаты – их слегка перечный аромат помогал облагородить провонявшее рыбой пеликанье мясо. Прекрасные цветки в изобилии росли в канале, отделявшем город от континентальной суши. Когда река разливалась, вода в канале доходила до пояса, в периоды засухи дно его обнажалось. По приказу генерала Гордона солдаты расширили и углубили естественную протоку – фортификационное сооружение должно было укрепить оборону города. К великой досаде Ребекки, лилий в результате стало гораздо меньше.

Консульские винные подвалы почти опустели – если не считать последнего ящика с шампанским. Им Бенбрук намеревался отпраздновать прибытие отряда поддержки. Однако, отправляя Башита в консульство за официальным приглашением на ужин, Райдер распорядился доставить в особняк три огромные бутылки из тыквы, полные теджа – крепкого местного пива, по вкусу напоминавшего дешевый сидр. Ребекка собиралась разлить пиво в массивные кувшины для кларета, надеясь, что прозрачный хрусталь придаст вульгарному напитку хотя бы внешнюю изысканность.

Сейчас она занималась последними приготовлениями к ужину – расставляла на столе вазы с цветущим олеандром. Через час появятся гости, а отец еще не вернулся с ежедневного совещания от генерала Гордона. Ребекка переживала: опоздав, Дэвид наверняка нарушит уютную атмосферу. Узнав об отказе Гордона от приглашения, она втайне даже обрадовалась – герой Британской империи слыл человеком, начисто лишенным светского лоска. Разговоры его пронизывал дух елейной набожности и мистицизма, а чувство юмора, мягко говоря, почти отсутствовало.

В этот момент на лестнице послышались знакомая отцовская походка и высокий голос: консул подзывал кого-то из слуг. Ребекка бросилась навстречу. На пороге Бенбрук обнял дочь, но как-то рассеянно, небрежно. Отступив на шаг, девушка заглянула ему в глаза.

– Что-нибудь случилось, отец?

– Завтра вечером мы покидаем город. Генерал Гордон приказал эвакуировать из Хартума всех граждан Великобритании, Франции и Австрии.

– Значит, и ты отправишься с нами, папочка? – В последние дни Ребекка избегала ласковых обращений.

– Значит.

– Как же мы поедем?

– Гордон конфисковал пароход и баржи Райдера Кортни. На них мы спустимся вниз по реке. Я пытался спорить с генералом, но безуспешно. Он непробиваем. Если решение принято – уже не отступит. – Улыбнувшись, Бенбрук обхватил дочь за талию и закружил по залу. – По правде говоря, я очень рад, что решение это пришлось принимать не мне. Как бы то ни было, ты вместе с девочками скоро окажешься в безопасности.

Часом позже консул и Ребекка стояли в просторной прихожей под бронзовым канделябром, принимая первых гостей. Почти все приглашенные были мужчинами. Несколько месяцев назад большую часть женщин переправили на север, в дельту, используя для этого игрушечные канонерки Гордона. Сейчас утлые суденышки ожидали в Метемме отряд поддержки. Ребекка и ее сестры остались в Хартуме в числе немногих европейек.

За спиной отца с притворной скромностью стояли девочки. Ценой пролитых слез Сэффрон и Эмбер убедили Ребекку разрешить им присутствовать в зале, когда туда войдет Райдер, и полюбоваться фейерверком – прежде чем нянька Назира уложит их в постель. Назира, нянчившая еще Ребекку, считалась в семействе Бенбрука родным человеком. Сейчас она крепко держала малышей за руки, готовая ровно в девять увести их в спальню. К глубокому огорчению девочек, Райдер Кортни появился последним. Увидев его статную фигуру, сестры, хихикая, зашептались.

– Он такой красавец! – прикрыла глаза Сэффрон.

Подтолкнув ее коленом, Назира негромко заметила на арабском:

– Если тебе и не суждено стать настоящей леди, то попробуй хотя бы вести себя как положено, Сэффи.

– Я тоже ни разу не видела его при полном параде, – поддержала сестру Эмбер.

Плечи Райдера обтягивал новый сюртук, недавно введенный в моду принцем Уэльским: узкая талия и блестящие шелковые лацканы. Портной-армянин в Каире скопировал фасон с рисунка в одном из номеров «Лондон иллюстриейтед ньюс». Двигался Кортни с непринужденной грацией, незаметной в будни, когда он расхаживал в куртке из потертого молескина. Лицо молодого мужчины было гладко выбрито, волосы поблескивали в свете свечей.

– Ага! Смотри, он принес нам подарки! – с чисто женской наблюдательностью заметила Эмбер выпирающий внутренний карман на левом борту сюртука.

Обменявшись рукопожатием с Бенбруком, Райдер отвесил Ребекке вежливый поклон. Целовать девушке руку он не стал: Кортни претила бытовавшая в среде дипломатов французская галантность. Затем он подмигнул девочкам, и те тут же зажали рты ладошками, чтобы не рассмеяться.

– Будет ли мне предоставлена честь проводить двух сиятельных леди на террасу? – галантно поклонился он.

– Безусловно, месье, – благосклонно протянула Сэффрон, а Эмбер едва не задохнулась от сдерживаемого смеха.

Райдер подхватил девочек под руки и направился к высокой, распахнутой на террасу стеклянной двери. Слуга в белоснежной робе и с огромным тюрбаном на голове принес им стаканы с приготовленным из свежих фруктов лимонадом. Кортни вручил сестрам подарки – ожерелья из крошечных, вырезанных из слоновой кости львов, обезьянок и жирафов. Сэффрон и Эмбер были очарованы.

С небольшой площади, на которой раньше торговали рабами, донеслись звуки музыки – то играл духовой квартет. Свой обычный репертуар, состоявший из полек, вальсов и военных маршей, музыканты разнообразили тягучими восточными мелодиями.

– Спой нам, Райдер, ну пожалуйста! – умоляюще протянула Эмбер, а когда Кортни рассмеялся и покачал головой, повернулась к отцу: – Папочка, пусть он споет.

– Моя дочь права, мистер Кортни. Поверьте, ваш баритон доставит всем нам неизъяснимое удовольствие.

Поколебавшись, молодой мужчина затянул песню, и минуту спустя гости стали дружно прихлопывать в такт. Несколько голосов поддержали певца, и над террасой мягко зазвучал целый хор, с чувством выводящий слова известного сонета «В небесах над равниною моря».

Внезапно, разорвав сумерки, вспыхнули огни фейерверка. Посланные с катера сигнальные ракеты осыпали уже потемневший небосклон синими, зелеными и красными звездочками. В парке слышались восхищенные восклицания. Кто-то из дервишей, находившихся на противоположном берегу реки, решил послать заряд картечи в то место, откуда, по его расчетам, поднимались в воздух ракеты. Как обычно, выстрел оказался совершенно безвредным, никто из гостей и не подумал искать укрытие.

Когда девочек, несмотря на пылкое возмущение, отвели в спальню, стройный слуга-араб принялся пальцами выбивать на небольшом барабане дробь, приглашая взрослых к столу. Это было воспринято с воодушевлением: жившие в Хартуме если не голодали, то, во всяком случае, не могли пожаловаться на отсутствие аппетита. Порции оказались почти детскими, однако австрийскому консулу герру Шифферу хватило и малости, чтобы объявить суп из семян лотоса «божественным», пашет – «нежным и на редкость питательным», а грудку пеликана – «просто необыкновенной». Ребекка не без труда убедила себя, что слова эти должны означать комплимент.

Банкет близился к концу, когда Райдер Кортни еще раз подтвердил свое право на звание героя вечера. Хлопнув в ладоши, он позвал к террасе Башита, который с ухмылкой горгульи поставил на стол серебряный поднос. Перед изумленными взглядами гостей предстали толстого стекла бутылка коньяка «Хайн» и деревянный ящичек, полный гаванских сигар. Наполнив драгоценной влагой бокалы и раскурив сигары, мужчины блаженно откинулись на спинки стульев. Завязалась неспешная беседа ни о чем, прерванная, впрочем, почти в самом начале возгласом меэе Ле Блана:

– Поразительно! Что могло заставить Китайца Гордона отказать себе в таком удовольствии? – Он усмехнулся. – Ведь нельзя же спасать Британскую империю двадцать четыре часа в сутки. Даже Геракл иногда отдыхал от своих подвигов!

Ле Блан являлся главой бельгийской делегации, направленной королем Леопольдом к Махди с целью завязать дипломатические отношения. Так и не достигнув успеха, бельгиец надолго застрял в осажденном городе. Сидевшие за столом англичане смотрели на него с жалостью: «Иностранец! О чем он может рассуждать? Простим ему недостаток хороших манер!»

– Генерал отверг приглашение на банкет, потому что простые горожане недоедают, – защитила Гордона Ребекка. – По-моему, это очень благородно с его стороны. Но не считайте, будто я считаю свое скромное застолье настоящим банкетом.

Следуя примеру дочери, Дэвид Бенбрук произнес спич в честь нестигаемого мужества и военных талантов соотечественника. Молчал лишь Райдер Кортни, успевший на себе испытать твердость генеральского характера.

– Среди подчиненных Гордон пользуется авторитетом посланца Господня, – начал свою речь Бенбрук. – Солдаты последуют за ним в огонь и в воду, иначе генерал потащит их туда за косички, как делал в Китае, или же наподдаст ногой под зад – как поступает сейчас с египетскими вырожденками, навязанными ему для защиты города.

– Что за язык, отец!.. – негромко упрекнула Ребекка.

– Извини, дорогая, но это правда. Гордон абсолютно лишен страха. Один, в полной форме, верхом на верблюде прибыл в лагерь этого бандита Сулеймана, чтобы напрямую обратиться к его мятежникам. И вместо того чтобы тут же изрубить смельчака, Сулейман распустил свое войско!

– То же самое было и с зулусами в Южной Африке, – добавил кто-то. – Когда Гордон в полном одиночестве проходил через их походный импис – лагерь, – сверля воинов своим знаменитым взглядом, те смотрели на него как на бога войны. А местного колдуна, который не вышел ему навстречу, генерал обвинил в богохульстве.

Говорившего поддержал сосед по столу:

– Правители многих народов спорят между собой за честь принять его к себе на службу: император Китая, король Бельгии, египетский хедив и премьер нашей колонии в Кейптауне.

– Своим господином Гордон считает только нашего общего Создателя, – заключил Бенбрук. – Мирская суeta ничего для него не значит, и прежде чем принять решение, он обязательно испросит совета у Бога.

«Неужели это Бог посоветовал ему украсть мои мешки дурры?» – с горечью подумал Райдер. Кошунственная мысль осталась невысказанной – Кортни предпочел резко сменить направление беседы:

– Интересно другое: человек, который в данную минуту противостоит генералу на том берегу Нила, обладает теми же чертами характера, что и его противник.

Над столом повисла тишина. Фраза прозвучала не менее дерзко, чем развязное замечание Ле Блана, и не подходила столь достойному и обычно сдержанному джентльмену, как Райдер Кортни. Даже Ребекку ужаснула попытка сравнить окруженного ореолом святости Гордона с чудовищным монстром. И все же девушка заметила, что слова молодого человека выслушаны с напряженным вниманием. Хотя по возрасту остальные гости годились Райдеру в отцы, его мнение давно считалось весьма авторитетным. Кортни бесстрашно разъезжал по таким местам, куда до него лишь немногие рисковали ступить. Он карабкался по склонам Лунных гор, поднимал свой парус на величайших озерах африканского континента. Иоанн – император Абиссинии – называл его личным другом, его закадычными приятелями были Мутеса и Камраси – правители Буганды и Буньоро. В их землях Райдер пользовался исключительными правами.

Арабский язык стал для него почти родным: на нем Райдер мог часами обсуждать с дотошным муллой суры Корана. Владел он и десятком местных наречий, на которых ожесточенно торговался с племенами динка и шиллук. В саваннах Экваториальной провинции он отлавливал самых экзотических животных, чтобы продавать их потом королевским зверинцам и зоологическим садам старушки Европы.

– Это крайне необычное высказывание, Райдер, – осторожно произнес Бенбрук. – По моему, бешеный Махди и генерал Чарльз Гордон находятся на противоположных полюсах. Может, вы поясните нам, в чем заключается их сходство?

– Прежде всего, Дэвид, оба – аскеты, исповедуют полное самоотречение и отказ от привычных для нас удобств, – живо откликнулся Кортни. – К тому же безраздельно принадлежат Богу.

– Различным богам, – поправил его Бенбрук.

– О нет, сэр! Бог един. Иудеи, мусульмане, христиане и другие монотеисты бьют поклоны одному и тому же Богу, разнятся лишь слова их молитв.

Консул широко улыбнулся:

– Мы обязательно обсудим это, но чуть позже. А пока скажите, что еще у них общего?

– И тот и другой верят, что напрямую общаются с Господом и поэтому не могут ошибаться. Вот в чем кроется причина их убежденности в собственной правоте и нежелания вступать в споры. И оба, подобно многим великим мужчинам и ослепительным красавицам, оказались жертвами непоколебимой веры в силу собственной личности. Один считает залогом всемогущества пару своих голубых глаз, второй – широкую щель между верхними резцами.

– О голубых глазах мы слышаны, – усмехнулся Бенбрук. – Но у кого в зубах щель?

– У Мухаммеда Ахмеда. У Махди – ведомого Господом, – ответил Райдер. – Клиновидная щель называется «фалья», ансары считают ее печатью божественности.

– Вы говорите так, будто хорошо с ним знакомы, – заметил Ле Блан. – Вы и в самом деле встречались с Махди?

– Да, – подтвердил Райдер.

Гости смотрели на рассказчика так, будто он признался в дружеских связях с Сатаной. Первой дар речи обрела Ребекка:

– Прошу вас, мистер Кортни, поведайте – где? Когда? Как он выглядит?

– Наше знакомство произошло в прибрежной пещере на острове Аббаса, это примерно в сорока милях отсюда, вверх по Голубому Нилу. Впоследствии я несколько раз, проплывая мимо, сходил на берег, чтобы поговорить с Махди о Боге и деяниях простых смертных. Не могу сказать, что мы стали друзьями или я хотя бы стремился к этому. Однако какие-то черты его характера меня очаровали. Я кожей чувствовал: это совершенно другой, непохожий на окружающих человек. Меня приводили в восхищение его благочестие, спокойное осознание собственной силы и мягкая улыбка. Он истинный патриот, как и генерал Гордон. Это тоже роднит обоих...

– Достаточно о Гордоне, – перебила Ребекка. – Его добродетели нам хорошо известны. Лучше расскажите подробнее об этом ужасном Махди. Из ваших слов следует, что в нем присутствует благородство?

– Все знают, что правление египетского хедива в Судане незаконно и отличается чрезмерной жестокостью. За имперским фасадом процветают продажность и коварство. Народ страдает от притеснений жадных, бессердечных пашей и сорокатысячной оккупационной армии, силами которой собираются подати. Хедиву в Каир поступает лишь половина налогов, другая идет в карманы пашей. Правосудие вершится штыком и курбашом – длинным хлыстом из кожи гиппопотама. Изнеженный нынешний правитель Хартума развлекается тем, что ежедневно придумывает все новые казни и пытки. Армия стирает с лица земли целые деревни, их обитателей живьем бросают на съедение крокодилам. Арабы и чернокожие в равной мере ненавидят проклятых турок, однако ни один человек до сих пор не решился поднять голову.

Крича о приходе цивилизации, египтяне на деле поощряют работорговлю, за счет которой и полнится государственная казна. Собственными глазами мне приходилось видеть такое, что в голову поневоле закрадывалась мысль о самоубийственном долготерпении местных жителей. Обо всем этом я и говорил с обитателем пещеры на берегу Голубого Нила. Тогда мы оба были еще юношами, хотя я на несколько лет моложе Махди. Мы пытались понять, почему ситуация не меняется, ведь арабы – гордый народ. И пришли к выводу: для революции недостает двух очень важных моментов. Прежде всего знания, что существует иная, лучшая жизнь. Восполнить этот пробел помог губернатор Судана генерал Чарльз Гордон. Второй момент – отсутствие катализатора. Но пришло время, и им стал Мухаммед Ахмед. Махди повел за собой всю нацию.

Наступила тишина. Нарушил ее чисто женский вопрос Ребекки, которую мало волновали политические, религиозные и военные заслуги Махди.

– Но на кого он похож, мистер Кортни? Как выглядит, как себя держит? Как звучит его голос? А еще мне не терпится побольше узнать о щели между верхними зубами.

– Махди обладает той же харизмой, что и Чарльз Гордон. Среднего роста, довольно хрупкого сложения. Одевания всегда белоснежны – ни пятнышка даже в те времена, когда он жил в пещере. На правой щеке – родинка, по форме напоминающая птицу или ангела, – как хотите. Она тоже воспринимается его последователями как прикосновение руки Господа. Стоит Махди заговорить, и вы невольно обращаете внимание на довольно широкую щель между верхними резцами. Махди – прирожденный оратор. Голос мягкий, завораживающий – до того мгновения, пока его владельца не охватит гнев. Тогда в нем звучит сила библейских пророков, но даже в эти минуты Махди улыбается. – Райдер вытащил из кармана тяжелые золотые часы. – До полуночи остался всего час. Боюсь, я утомил высоких гостей. Всем необходимо хорошенько

отдохнуть. Думаю, вы знаете о поручении, данном мне генералом Гордоном. Я должен проследить, чтобы никому из вас не пришлось этой ночью слушать голос Мухаммеда Ахмеда. Осмелюсь напомнить: не позже завтрашней полуночи все вы подниметесь на борт моего парохода, который стоит у пристани в старой части города. Я намерен воспользоваться темнотой и отчалить до того, как дервиши поймут, что происходит. Возьмите с собой лишь самое необходимое. Если удача не отвернется, мы окажемся в безопасности, прежде чем прозвучит хотя бы один выстрел.

Бенбрук усмехнулся:

– Это станет большим везением, мистер Кортни, поскольку Хартум наводнен шпионами. Махди раньше нас узнает, когда и что именно мы попытаемся сделать.

– Может, на этот раз мы все же перехитрим его. – Поднявшись, Райдер отвесил Ребекке церемонный поклон. – Извините, мисс Бенбрук, если злоупотребил вашим гостеприимством.

– Но сейчас еще слишком рано, никто не собирается спать, мистер Кортни. Садитесь, пожалуйста. Вам нельзя так просто взять и уйти. Вы разожгли наше любопытство – так утолите же его!

Райдер протестующе взмахнул рукой, но в следующее мгновение покорно опустился на стул.

– Могу ли я воспротивиться вашему приказу, мисс? Опасаюсь лишь одного: конец истории всем известен, ее рассказывают здесь очень часто. Не хочу наскучить достойной компании.

Над столом пронесся негромкий шепоток:

– Будьте добры продолжить, сэр. Мисс Бенбрук права. Вы должны до конца изложить свою версию. Похоже, она очень отличается от тех, что мы слышали.

Райдер Кортни признательно кивнул.

– Мы, жители Европы, – заговорил он, – привыкли гордиться славными традициями и высокими стандартами морали. Однако и невежество диких племен служит туземцам надежным источником духовного здоровья. Оно, это невежество, наградило аборигенов удивительным фанатизмом. Восстание здесь, в Судане, прошло через три гигантских этапа. На первом, самом долгом, коренные жители страны тонули в жуткой, беспросветной нищете. Второй этап начался, когда они поняли, что главной причиной всех их бед являются ненавистные турки³ – фавориты каирского хедива. От осознания этого факта до мощного всплеска фанатизма оставался лишь шаг. И его без колебаний сделал человек, которого позже назвали Махди.

– Ну конечно же! – вскричал Бенбрук. – Семя упало в благодатную почву много лет назад. Шукри на протяжении поколений свято веруют, что во времена всеобщего позора Аллах пошлет на землю своего второго пророка, который вернет людей в лоно Господа и отстоит заветы ислама.

Ребекка с укором посмотрела на отца.

– Но ведь мы собирались услышать историю мистера Кортни, папа! Позволь ему закончить.

Сидевшие за столом мужчины не сдержали улыбок. Бенбрук покаянно опустил голову.

– Я вовсе не хотел занять ваше место, Райдер. Прошу вас, продолжайте, сэр.

– Но вы сказали истинную правду, Дэвид. Сотни лет народ Судана с надеждой вглядывался в каждого безусловно преданного собственным идеям лидера. Когда слава того, о ком мы говорим, разнеслась по всей стране, на остров Аббаса потянулись тысячи пилигримов. Они приносили с собой ценные дары, и Мухаммед Ахмед распределял их среди неимущих. Паломники внимали его проповедям и, возвращаясь домой, дословно пересказывали их друзьям и родственникам. Вскоре весть о новом пророке донеслась до ушей человека, который всю жизнь страстно ожидал второго пришествия посланца Господня. Абдуллахи, четвертый и

³ Турки – так в Судане называли не только турецких феодалов, но также феодалов египетского происхождения и англичан.

самый младший из сыновей почти необразованного муллы, счел своим долгом поспешить на остров Аббаса. Прибыв туда верхом на дряхлом ишаке, он с первого взгляда узнал в молодом затворнике посланца Аллаха.

– Или же Абдуллахи узнал оружие, которое вознесет его к вершине власти и богатства? – опять не сдержался Бенбрук.

– Это, пожалуй, точнее, – рассмеялся Райдер. – Как бы там ни было, мужчины заключили между собой союз. Через некоторое время до Рауфа-паши, египетского губернатора Хартума, дошли слухи, будто некий выживший из ума мусульманский святоша решил бросить вызов самому хедиву. Тогда Рауф-паша направил на остров своего чиновника, чтобы тот убедил Мухаммеда Ахмеда приехать в город. Внимательно выслушав слова везира, отшельник громовым голосом воскликнул: «Милостью Аллаха и его пророка, хозяин этой земли – я! И от имени Аллаха объявляю туркам священную войну – джихад!»

Везир отбыл к своему повелителю, а Абдуллахи собрал вокруг себя отряд оборванцев, вооружил их камнями и палками. Для поимки беспокойного служителя культа Рауф-паша снарядил пароход с двумя отборными ротами солдат. Намереваясь укрепить боевой дух подчиненных, он обещал щедрую награду и продвижение по службе тому командиру, чья рота первой захватит бунтовщика. Глубокой ночью капитан парохода высадил солдат на остров. Оба подразделения разными тропами наперегонки устремились к поселку, где, как доносили шпионы, скрывался Мухаммед Ахмед. Было новолуние. В кромешной тьме солдаты не признали друг друга и открыли огонь. Несколько человек пали на землю убитыми, а оставшиеся в живых бросились назад, к пароходу. Но перепуганный капитан отказался пристать к берегу и сказал, что возьмет лишь тех, кому хватит сил добраться до судна вплавь. Таких отыскалось немного: большинство солдат не умели плавать, а те, кто мог держаться на воде, больше смерти боялись крокодилов. Словом, капитан почел за благо унести ноги, а Мухаммед Ахмед и Абдуллахи, возглавив своих оборванцев, наголову разбили египтян.

Весть о неслыханной победе с поразительной скоростью облетела страну. Всем стало ясно, что теми, кто камнями и палками обратил в бегство жестокосердных турок, мог командовать лишь один человек. Зная о намерениях властей послать против него еще большую армию, Мухаммед Ахмед назвал себя посланцем Аллаха и объявил хегиру – массовый исход местных жителей, подобный тому, что за тысячу лет до него возглавил в Мекке другой пророк – истинный. Но прежде чем оставить родные земли, он назначил преданного Абдуллахи своим халифом – заместителем.

Это полностью соответствовало древнему предсказанию. Через весьма короткое время исход обратился в триумфальное шествие. Махди повсюду опережали слухи о сотворенных им чудесах, о множественных сопутствующих ему знаках божественного благорасположения. В одну из ночей яркий диск Луны – олицетворения Египта и Турции – затмила огромная тень. Каждому жителю Судана была ясна воля Всевышнего. Прибыв в расположенную далеко к югу от Хартума горную цитадель, Махди, согласно завету пророка, дал ей новое имя – Джебель-Маса. Непрístupная твердыня казалась ему надежной защитой от преследований Рауфа-паши. Но неподалеку находился город Фашода, чей правитель, Рашид-бей, слыл куда более храбрым и энергичным, нежели большинство египетских чиновников. Во главе полторатысячного войска он отправился в поход на Джебель-Масу. Уверенный в превосходстве собственных сил, Рашид-бей позволил себе излишнюю беспечность. Получив сведения о готовящемся нападении, Абдуллахи устроил неприятелю засаду. Отряд Рашида-бея без малейших колебаний шагнул в расставленную ловушку и был полностью уничтожен, включая самого предводителя. Недостаток вооружения ансарам восполнила ненависть к врагу.

Сигара Райдера потухла. Он вытащил из курильницы тлеющую ветвь эвкалипта и через мгновение с наслаждением выпустил струю табачного дыма.

– Теперь, захватив оружие противника, склады с амуницией и казну Фашоды, где хранилось около миллиона египетских фунтов, Абдуллахи представлял собой значительную военную силу. Хедив отдал приказ о формировании здесь, в Хартуме, новой армии, возглавить которую было поручено отставному британскому офицеру, генералу Хиксу. Армия оказалась, наверное, самой небоеспособной из всех, что выходили на поле брани. Авторитет и полномочия Хикса подрывались неумным честолюбием Рауфа-паши, фактического виновника двух предыдущих неудач. – Райдер плеснул в бокал остатки коньяка и горестно качнул головой. – Два года назад генерал Хикс выступил из Хартума во главе семитысячного отряда пехотинцев и пятисот кавалеристов. Лошади тащили легкие горные пушки и пулеметы Норденфельдта. Солдаты, почти все поголовно мусульмане, уже успели наслушаться легенд о Махди. Армейская колонна не прошла и пяти миль, как появились первые дезертиры. Расчет артиллерийской батареи Хикс приказал заковать в цепи, но бедняги умудрились бежать и в оковах.

Запрокинув голову, Кортни расхохотался. Смех его, несмотря на трагизм повествования, был столь заразителен, что Ребекка прыснула.

– Хикс кое-чего не знал. Информации же своего разведчика, лейтенанта Пенрода Баллантайна, он не поверил. Оказывается, под зеленым флагом Махди собралось уже более сорока тысяч воинов. Всех своих людей привел к нему Осман Аталан, старейшина племени беджа.

Услышав это имя, гости возбужденно зашушукались. С человеком, его носившим, нельзя было не считаться. Беджа называли самым яростным из всех арабских племен, а пугающая слава эмира Османа Аталана гремела и за пределами Среднего Востока.

– Третьего ноября тысяча восемьсот восемьдесят третьего года разношерстное войско генерала Хикса вступило в бой с армией Махди и было разбито наголову. Сам Хикс, командовавший каре своих солдат, получил смертельную рану. Когда генерал упал, ансары бросились в атаку и вырезали противника до последнего человека. Пенрод Баллантайн своими глазами видел, как от удара кривой сабли покатилась голова Хикса. Непосредственный начальник Баллантайна, майор Адамс, лежал с простреленными ногами, а вокруг него арабы добивали раненых. Баллантайн вскочил в седло, сумев при этом перебросить через круп коня неподвижное тело Адамса. Обоим удалось спастись. Лейтенант присоединился к арьергарду египетских войск, которые двигались на Хартум. Оказавшись единственным оставшимся в живых офицером-европейцем, он принял командование на себя. Под его началом было не более двухсот человек – и это из семи с половиной тысяч, вышедших в поход с генералом Хиксом. Словом, поведение Баллантайна хотя бы отчасти скрасило бездарно проваленную операцию. Таким образом, Махди и его халиф стали полноправными правителями Судана. В Хартум ступила сорокатысячная армия, и сейчас мы на себе испытываем силу захваченного ею у противника оружия. Горожан мучает голод, они умирают от чумы и холеры, с ужасом ожидая участи, которой Махди удостоит Хартум.

Райдер смолк; в глазах потрясенной Ребекки стояли слезы.

– Этот Пенрод Баллантайн – настоящий храбрец, – промолвила она. – Вы встречались с ним, мистер Кортни?

– С Баллантайном? – Рассказчика удивил интерес девушки к далеко не главному герою его повествования. – Да, я как раз был здесь, когда он возвратился с поля брани.

– Прошу вас, сэр, вспомните какие-нибудь подробности.

Кортни пожал плечами:

– Почти все леди, с которыми мне приходилось общаться, уверяли меня, что он бравый солдат и весьма галантный кавалер. Особое впечатление производили на них его грозно торчащие усы. Думаю, капитан Баллантайн полностью разделяет мнение, сложившееся о нем у прекрасных дам.

– Позвольте, но вы же называли его лейтенантом?

– Желая хоть как-то поднять боевой дух армии, командующий британскими войсками в Каире безмерно раздул роль Баллантайна. Лейтенант числился в Десятом гусарском полку. Лорд Уолсли, его командир, известен своим стремлением продвигать однополчан по служебной лестнице. Баллантайна произвели в чин капитана и к тому же наградили крестом Виктории⁴.

– Капитан Баллантайн вызывает у вас антипатию, сэр? – спросила Ребекка.

Дэвид Бенбрук искренне удивился: впервые в голосе старшей дочери прозвучала явная холодность. С чего вдруг Ребекка так близко приняла к сердцу рассказ о каком-то незнакомце? И тут отца озарило: да ведь юный Баллантайн был в консульстве за две-три недели до того, как корпус генерала Хикса двинулся в поход на Эль-Обейд! Лейтенант привез депешу от Эвелина Беринга, консула ее величества в Каире: донесение носило слишком конфиденциальный характер, чтобы его можно было доверить обычному телеграфу, хотя бы и зашифрованное. Отец понял, что Баллантайн – офицер разведки, а его назначение в отряд Хикса – всего лишь прикрытие.

«Черт побери, ну конечно же! Все возвращается на круги своя», – подумал Бенбрук. Ребекка заходила в кабинет отца, пока тот разговаривал с Баллантайном. Молодые люди обменялись парой учтивых фраз, и дочь вышла. Но позже, уже провожая гостя до двери, консул заметил, что Ребекка заботливо переставляет в коридоре горшки с цветами. Минут десять спустя, когда Бенбрук взглянул в окно, девушка медленно вышагивала бок о бок с лейтенантом к воротам консульства. Держал себя Баллантайн безупречно. Все складывалось! Видимо, дочь с умыслом задержалась в коридоре, чтобы дожидаться момента, когда молодой человек выйдет из кабинета. При мысли о наивной хитрости дочери, поинтересовавшейся у Райдера его мнением о Баллантайне, консул улыбнулся.

До чего же Бекки похожа на мать! И коварства в ней не меньше, чем во дворце египетского паши!

Между тем Кортни уже подыскал нужные слова:

– Баллантайн вел себя как настоящий герой, я уверен. И растительность на его лице действительно впечатляет. К сожалению, мне не удалось рассмотреть в нем хотя бы следов скромности. Но видите ли, мисс, я вообще не люблю военных. Что им? Громят язычников, грабят города, захватывают чужие владения, а потом удаляются, гордо бряцая саблями и позвякивая медалями. Все остальное они предоставляют чиновникам, которые, подобно вашему отцу, пытаются навести порядок в сотворенном ими хаосе, и людям дела, восстанавливающим, подобно мне, нормальную жизнь местного населения. Нет, мисс Бенбрук, я никогда не ссорился с капитаном Баллантайном, однако меня не приводит в восторг та часть нашей государственной машины, чьей деталью он является.

Райдер поднялся и зашагал к выходу. Провожая его отстраненным взглядом, Ребекка не сделала ни малейшей попытки остановить Кортни.

На склад у пристани Райдер прибыл после полуночи. Через несколько часов Башит разбудил своего хозяина. Сидя на палубе, Кортни позавтракал лепешками из муки дурры и парой кусков солонины и при свете масляной лампы принялся заполнять судовой журнал. Лежавшая рядом приходная книга наполняла его душу тоской: бизнес нес неисчислимые убытки.

Если не считать шести тысяч фунтов, хранившихся в каирском отделении банка «Бэрингс», почти все состояние торговца заключалось в товарах, доставленных в осажденный город. На складе покрываются пылью восемнадцать тонн слоновой кости: пять шиллингов за фунт, но лишь после того, как груз доставят в Каир. В Хартуме за него не выручить и мешка дурры. То же и с полутора тоннами камеди – липкими черными кирпичиками высушенного

⁴ Крест Виктории – высший военный орден Великобритании; учрежден королевой Викторией в 1856 году.

сока акации. Камедь служила весьма ценным сырьем при производстве предметов искусства, косметических средств и типографской краски. В Каире эти полторы тонны принесли бы их владельцу несколько тысяч фунтов. Четыре складских помещения до потолка набиты тюками шкур, выменянных у опытных скотоводов, племен динка и шиллук. Еще одну огромную комнату заполняли товары, пользующиеся особым спросом на местном рынке: мотки медной проволоки, бусы из венецианского стекла, топоры, подковы, ручные зеркальца, старые мушкеты, бочонки дешевого пороха, штуки коленкора и хлопка из Бирмингема плюс прочая мелочь, так радовавшая сердца туземных князьков и их подданных.

В просторных клетках у задней стены склада Райдер держал диких животных и птиц – они тоже сулили хороший доход. Эту живность ловили в саваннах Экваториальной провинции, а затем переправляли на баржах в Хартум. Здесь добыча ловцов отдыхала, набирала потерянный вес, привыкала к людям. Те, в свою очередь, изучали привычки животных, чтобы довести их в целости и сохранности до Каира, где и продать на аукционах. За редкими, наиболее интересными созданиями природы приезжали дельцы из Рима и Неаполя – и уж они-то не скупились. Европейские зверинцы платили по сотне фунтов за особь.

Но самое ценное имущество Кортни хранил за стальной дверью, прикрытой пушистым персидским ковром: сто тридцать холщовых кошельей, полных серебряных талеров – желанной на всем Среднем Востоке валюты. На каждой монете красовался профиль пышногрудой богемской королевы Марии Терезии. Для абиссинцев в их горах и для других, более искушенных торговых партнеров, таких как Мутеса в Буганде, а также племен хадендова и саар из восточных пустынь, серебряный талер служил единственным средством денежного обращения. Но сейчас особой торговли с ними не предвиделось: старейшины этих отдаленных племен почти всех своих сородичей привели под зеленое знамя джихада.

Райдер невесело усмехнулся. Интересно, согласится ли Махди на сделку со сребролюбой Марией Терезией? Скорее всего, нет. Говорят, он уже нагреб себе не менее миллиона фунтов.

Помимо кошельей с монетами, в комнате имелись и другие сокровища: пятьдесят мешков дурры, два десятка ящиков с кубинскими сигарами, шестьдесят бутылок «Хайна» и полсотни фунтов абиссинского кофе.

«Китаец Гордон расстреливает спекулянтов? Надеюсь, что, поставив к стене, он не забудет завязать мне глаза и предложить последнюю затяжку», – подумал Кортни, но тут же посерьезнел. Пока генерал не конфисковал «Ибис», Райдер рассчитывал переправить большую часть своих грузов в Каир. А самые громоздкие и менее ценные вещи Башит доставит на верблюдах в Абиссинию, а может быть, даже дальше, в какой-нибудь порт на побережье Красного моря. Хотя армия Махди перекрыла дороги, пролегавшие по берегам Голубого Нила, в блокаде имелось достаточное количество брешей. Самая широкая из них находилась на границе пустыни, рядом с местом слияния двух рек, где стоял Хартум. Город здесь защищал лишь узкий канал. Люди Гордона зачем-то усердно расширяли и углубляли протоку, за которой на сотни миль простирались барханы с редкими акациями. Даже дервиши обходили эти места стороной.

Саид Махтум, один из немногих эмиров, еще не пришедших под знамена Махди, уже договорился с Райдером о цене, по которой подгонит к городу верблюдов – почти вплотную, под прикрытие невысокой скалистой гряды. Там Башит погрузил бы товар и доставил его через суданскую границу в предгорья Абиссинии.

Но теперь эти планы рухнули. Кортни оставалось только одно: бросить все ценности в Хартуме и заняться перевозкой беженцев.

– Будь проклят этот чертов Китаец, этот Гордон! – вскричал он, стремительно поднявшись и зашагав по комнате.

Если не считать капитанской каюты на «Ибисе», домом ему служил склад. И отец, и дед были неутомимыми странниками. От них он еще юношей перенял тягу к беспокойной жизни.

Но склад дарил ему чувство крыши над головой; не хватало лишь доброй хозяйки, которая навела бы тут порядок.

Перед глазами возник образ Ребекки Бенбрук, и Райдер скорбно улыбнулся. Что-то подсказывало ему: парень, ты сам сжег свои мосты. Приблизившись к паре массивных слоновьих бивней, что стояли возле каменной стены, поддерживаемые бронзовыми кольцами, Кортни бездумно провел рукой по желтоватой кости. Прикосновение успокоило. Самца, чью голову украшали эти бивни, Райдер уложил единственным выстрелом – в Карамоджо, за тысячу миль от Хартума.

Лаская пальцами гладкую поверхность, он обратил взгляд на выцветший дагеротип, висевший рядом. Из черной рамки на Кортни смотрело семейство, запечатленное у фургона на фоне неясного, но явно африканского пейзажа. В фургон были впряжены шестнадцать буйволов, с опаской косивших глазом на чернокожего погонщика. Тот поднял хлыст, готовясь послать животных в туманное марево саванны. В центре снимка находился отец Райдера: верхом на сером мерине по кличке Фокс. Отец был крупным, атлетического сложения мужчиной с окладистой темной бородой. Умер он так давно, что без дагеротипа сын уже не вспомнил бы черты его лица. На снимке отец придерживал шестилетнего Райдера за лямки штанишек: мальчик сидел на луке седла, свесив худенькие голые ноги. Рядом стояла мать, левая рука ее покоилась на шее лошади; женщина со спокойной усталостью смотрела в камеру. Правой рукой она держала за локоть дочь: Элис была на несколько лет старше Райдера. Чуть позади высилась фигура старшего брата, бережно обнимавшего мать за плечи. В тот день Уайту Кортни исполнилось шестнадцать. Родившись на десять лет раньше, он стал Райдеру больше отцом, нежели братом, – после того как главу семьи ударом рога убил раненый бык.

Последний в своей жизни раз Райдер плакал, когда из Лондона получил от сестры телеграфное сообщение о гибели Уайта: брат пал в стычке с зулусами где-то в богом забытой Южной Африке, у подножия холма Изандлвана, что на местном наречии означало «маленькая рука». Его жена Ада стала вдовой, сыновья Шон и Гаррик – сиротами. Слава Господу, мальчики уже выросли и вполне могли позаботиться о матери.

Райдер со вздохом отогнал печальные воспоминания и громко подозвал Башита. Хотя уже опустились сумерки, предстояло сделать очень многое – если, конечно, они намеревались до полуночи сняться с якоря.

Мужчины прошли к загородке, за которой содержались животные, и Али, пожилой, вечно ворчавший араб, встретил их сухим покашливанием.

– Да благословит тебя Аллах! – произнес Райдер. – Да пребудут плодовитыми все твои юные жены! Да укрепит их страсть твои чресла!

Али с трудом сдержал усмешку: его три жены – других никогда не было – давно превратились в выживших из ума мегер. Когда с губ араба сорвалось все же нечто похожее на хихиканье, Али натужно закашлял и сплюнул в пыль сгусток желтоватой мокроты. В его обязанности входило присматривать за животными – хотя казалось, что старик ненавидит в душе весь человеческий род, он легко находил общий язык с бессловесными созданиями дикой природы.

Следом за Али Райдер двинулся по проходу между вольерами, в которых кривлялись обезьяны. Клетки были чистыми, вода и фрукты в оловянных мисках – свежими. Стоило Кортни войти в жилище своего любимца Калабуса, как макака ловко вспрыгнула ему на плечо, в радостной ухмылке оскалив острые клыки. Райдер нащупал в кармане несколько кусочков лепешки – остатки завтрака, скормил их обезьяне и зашагал дальше, время от времени проводя ладонью по шелковистой шерсти Калабуса.

В вольерах содержались пять разновидностей приматов, включая грозных на вид бабуинов и молодых шимпанзе. Последние пользовались огромным спросом у состоятельных европейцев и жителей Азии; в Каире, несомненно, они быстро нашли бы себе покупателя. Со всяче-

скими ужимками два шимпанзе забрались на спину Али, один, еще почти детеныш, принялся сосать ухо старика. Низким голосом араб пробурчал ему что-то ласковое.

За вольерами потянулись клетки с птицами: скворцы, чье оперение отливало серовато-стальным блеском, гордые орлы, угрюмые круглоголовые совы, длинноногие аисты, суровые грифы.

– Где ты находишь для них корм? – поинтересовался Райдер, указывая на хищников.

Али что-то хмыкнул. За него ответил Башит:

– Из живых тварей в городе остались только крысы. Мальчишки таскают их сюда по два медных гроша за штуку.

Старик бросил на боцмана негодующий взгляд: с чего этот коротышка сует нос не в свое дело?

В просторном загоне резвились антилопы, за прочной загородкой степенно расхаживала пара буйволов – эти тяжеловесные гиганты были слишком свирепы, чтобы содержать их рядом с более миролюбивыми животными. У антилоп едва начали прорезаться рога: телята куда спокойнее переносили длительный переезд до Каира. Двух молоденьких самочек Райдер лично отловил во время своей последней экспедиции; их пушистая, медового цвета шерсть пестрела узкими белыми полосами, огромные выпуклые глаза с любопытством смотрели на мир, задорно торчали аккуратные ушки. Достигнув зрелости, каждая телочка станет размером с пони. Надо лбом у обеих уже вспухли желваки: спустя несколько недель здесь появятся тонкие винтообразные костяные наросты. Хотя выделанные шкуры рогатых красавиц хранились на складе в изобилии, живую антилопу бонго еще не видел, насколько было известно Райдеру, ни один европеец. Пара достигших брачного возраста животных пойдет в зоопарке – скажем, Милана – за бешеные деньги. Кортни протянул телочкам ладонь с остатками крошек, и обе благодарно слизнули угощение шершавыми языками.

Двигаясь по проходу, Райдер серьезно обсуждал с Али, как добыть необходимое количество фуража, чтобы их питомцы безбедно дожили до отъезда. Бонго питались преимущественно молодыми побегами, и буквально на днях Али обнаружил, что они с охотой поедают скудную листву акации. В обмен на пригоршню серебряных талеров людям аль-Махтума предстояло наладить еженедельный подвоз из пустыни свежесрезанных веток.

– Вскоре придется подогнать к берегу какой-нибудь плавучий островок, – озабоченно заметил Али. – Если этого не сделать, другие животные начнут голодать.

Когда зеленые подушки болотных растений и тростника отрывались от нильских берегов, течение несло их вниз по реке. Временами размеры таких плотов оказывались настолько значительными, что плотно сросшиеся корнями растения увлекали на себе даже крупных животных. Невзирая на отчаянные попытки дервишей помешать им, люди Райдера при помощи веревок с крючьями подтягивали островки к суше. Там два-три работника резали и прессовали густую массу стеблей в подобие брикетов, которые затем укладывались в русло канала: вода помогала сохранить зелень свежей.

Солнце давно клонилось к закату. Когда оно почти скрылось за горизонтом, Райдер с Башитом вышли из города и направились к старой пристани. Из трубы катера поднимались клубы дыма: Джок Маккрамп держал суденышко под парами.

Кортни спиной ощущал сотни тревожных глаз, которыми жители Хартума наблюдали за погрузкой на баржу последних корзин древесного угля для парового котла. Сумерки упали часа за два до того, как приготовления к отплытию были закончены, но город все еще задыхался в раскаленном полуденным светилom воздухе. Небо на востоке озарил призрачный свет луны; уродливые постройки окутал романтический ореол.

Воспользовавшись ласковым вечерним бризом, скромная фелука, ничем не примечательная на фоне весьма редких в это время суток других посудин, неторопливо удалялась от

Омдурмана вниз по течению. Под покровом темноты нос ее бесшумно скользнул мимо старой хартумской пристани. Устроившись на кормовой банке, капитан фелуки тревожно вглядывался в длинный язык пирса. Там мерцали фонари, а появившаяся на небе луна позволила рассмотреть, что вокруг парового катера ференгов всюду кипела непонятная работа. Слышался загадочный перестук, звучали чьи-то пронзительные голоса. Капитана предупреждали: ференги явно намеревались покинуть город. Шевельнув румпелем, араб негромко свистнул, и команда из трех мужчин принялась споро поднимать парус. По пологой дуге фелука развернулась, чтобы лечь на обратный курс. Когда суденышко, так и не пересекши водную границу Омдурмана, подошло к западному берегу Нила, капитан свистнул вновь, уже громче. В то же мгновение из мрака ночи донесся строгий окрик:

– Именем пророка и божественного Махди – говори!

Поднявшись во весь рост, капитан раздельно произнес:

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его. У меня важные вести для халифа Абдуллахи.

«Неустрашимый ибис» по-прежнему прижимался бортом к деревянной стенке пристани. Джок Маккрамп и Райдер проверяли стоявшие в шкафу на мостике семизарядные винтовки «мартини-генри»: оружие должно быть заряжено, пачки патронов сорок пятого калибра⁵ – лежать под рукой, на случай, если, выйдя из города, пароход столкнется с засадой дервишей.

Не успели они закончить проверку, как на борт в сопровождении Башита поднялся самый главный их пассажир. «Ибис» располагал всего четырьмя каютами: одна по праву отводилась Кортни, но, несмотря на резкие протесты боцмана, Райдер решил передать ее семейству Бенбрука. В крошечном помещении было лишь две узкие койки, зато имелась собственная уборная с душем. По крайней мере даже на переполненном судне дочери консула получают какое-то подобие уединенного уголка. Одна из девочек ляжет спать рядом с отцом, ради второй потеснится Ребекка. Трое коллег Бенбрука займут оставшиеся каюты; другим беженцам, а их не менее четырех сотен, придется довольствоваться открытыми палубами либо разместиться на трех пустых баржах. Четвертая была загружена углем: Райдер не собирался лишний раз приставать к берегу.

Он взглянул на восток. В свете почти полной луны канал просматривался до самых порогов; к несчастью, сиявший на небе яркий диск превращал пароход в идеальную мишень для дервишей. Свою меткость артиллеристы противника совершенствовали изо дня в день, захваченных в Эль-Обейде боеприпасов им вполне хватало.

Повернув голову к пирсу, Райдер ощутил легкое раздражение. Рота солдат майора аль-Фарука по периметру оцепила пристань: примкнутые штыки должны были сдерживать толпы беженцев, которым генерал Гордон отказал в пропуске. Доведенные до отчаяния жители Хартума были готовы на любые безумства, лишь бы покинуть город. Особую досаду вызывало у Кортни то, что аль-Фарук разрешил своим подчиненным зажечь фонари: без них проверка бумаг у пассажиров оказалась бы невозможной. Но подходы к пирсу лежали для дервишских стрелков как на ладони.

– Ради бога, майор, пусть ваши солдаты погасят фонари! – прокричал Райдер.

– У меня приказ генерала Гордона: пропускать на борт лишь тех, у кого оформлены соответствующие документы.

– Но свет фонарей привлекает к нам внимание врага!

– Я выполняю приказ, капитан.

Пока они перекрикивались, количество желавших попасть на пароход быстро увеличилось. Плечи беженцев гнулись от тяжести пожитков, многие прижимали к себе детей. Услы-

⁵ Речь идет о 0,45 английского дюйма, что примерно соответствует калибру 11,43 мм.

шав, что на борт допустят далеко не всех, толпа заволновалась. Послышались возгласы возмущения, кто-то начал размахивать пропусками. Несчастные, у которых их не было, с понурыми лицами упрямо выжидали снисхождения.

– Да позвольте же пассажирам пройти! – крикнул Райдер.

– Не раньше, чем проверю их бумаги, – отрывисто бросил аль-Фарук и повернулся к Кортни спиной.

Райдер беспомощно повел плечами. Сломить упорство вояки не представлялось возможным: дальнейшая перебранка только задержит отплытие. Зоркий глаз капитана выделил из толпы рослую фигуру Дэвида Бенбрука; за отцом следовали дочери. Кортни с облегчением заметил, что аль-Фарук, узнав консула, взмахом руки приказал кордону пропустить семейство. Все четверо быстрым шагом направились к сходням. Сэффрон прихватила с собой маленький мольберт, Эмбер зажала в кулачке парусиновый узел с любимыми книжками. Девочек подталкивала Назира – используя все свое влияние, Бенбрук добился пропуска и для няньки.

– Добрый вечер, сэр. Вам с детьми приготовлена моя каюта, – приветствовал Райдер дипломата, когда тот ступил на борт.

– Нет, дорогой друг, мы не можем лишить вас крова, – попробовал отказаться Бенбрук.

– Пока пароход в пути, я и шагу не ступлю с мостика, – уверил его Райдер. – Добрый вечер, мисс Бенбрук. Особых удобств, боюсь, вы там не обнаружите, но это лучшее, что у меня есть. Вашей няне придется искать место на барже.

– Добрый вечер, мистер Кортни. Назира для нас – член семьи. Она ляжет на одну койку с Эмбер. Сэффрон будет спать с отцом, а я устроюсь на полу. И поверьте, все будут довольны, – не допуская возражений тоном произнесла Ребекка.

Прежде чем Райдер успел возразить, со стороны ворот, которые вели на пристань, донесся грозный ропот толпы. Шум не позволил капитану вступить в спор с девушкой; глаза Ребекки вызывающе поблескивали.

– Вы должны извинить меня, Дэвид. Располагайтесь сами. Мне необходимо быть в тысяче мест сразу.

Кортни решительно устремился к сходням. Приблизившись к аль-Фаруку, он увидел, что от солдатских штыков толпу отделяло не более полуметра. Через гущу людей пробивался месье Ле Блан – последний прибывший на пристань член дипломатического корпуса. Костюм его смотрелся дико: черная мантия, наводившая на мысль о театральной постановке, и шляпа тирольского охотника с приколотым к тулье пучком перьев. За Ле Бланом тянулась процессия слуг, каждый держал по фибровому чемодану размером с саркофаг.

– На борту парохода, месье, ваш хлам не поместится, – твердо сказал Райдер, когда охрана позволила дипломату пройти.

Желтой кожаной перчаткой Ле Блан смахнул со лба капли пота.

– Этот «хлам», как вы его назвали, месье, – весь мой гардероб. Без него мне не обойтись.

Было совершенно ясно: объяснить что-либо подобному человеку не удастся. Кортни молча уступил пассажиру дорогу и тут же, перегородив путь его носильщикам, по-арабски скомандовал:

– Весь багаж – на землю!

Слуги недоуменно остановились.

– Не обращайтесь внимания! – завопил Ле Блан, размахивая перчатками. – За мной, мои храбрецы, за мной!

Цепочка пришла в движение, однако Райдер уже выбрал себе жертву. Кулак капитана с размаху впечатался в подбородок тучного араба, явно старшего из слуг. Ноги толстяка подломились, и он рухнул на колени, будто сраженный пулей. Выпавший из руки чемодан упал на булыжную мостовую и раскрылся, из нутра его хлынул поток рубашек, флакончиков с духами,

бритвенных принадлежностей. Остальные слуги, не желая разделить участь первого, побросали огромные саквояжи и кофры и бросились прочь от сумасшедшего ференги.

– Да что вы себе позволяете?! – прокричал Ле Блан, опускаясь на корточки, чтобы собрать предметы своего туалета.

Толпа за его спиной потеснила солдат.

Кортни грубо схватил дипломата за руку.

– Встаньте, антверпенский безумец!

– Если я безумец, – огрызнулся, поднимаясь, Ле Блан, – то вы – просто варвар!

Правая его рука мертвой хваткой сжимала ручку чемодана, и Райдер при всем желании не смог заставить бельгийца разжать пальцы.

Пущенный кем-то из толпы в затылок аль-Фарука камень пролетел мимо цели, задев щеку Ле Блана. Дипломат зашелся истошным воплем, выронил чемодан и обеими руками прикрыл лицо.

– Меня ранили! Я смертельно ранен!

По булыжнику застучал каменный град. Сержант-египтянин, выпустив из руки винтовку, затряс окровавленной головой. Солдаты подались назад, оглядываясь в поисках укрытия. Толпа приблизилась еще на пару шагов, кто-то подобрал упавшую винтовку, прицелился в аль-Фарука и нажал курок. Пуля чиркнула майора по виску, тот пошатнулся и опустился на землю. Его подчиненные тут же обратились в беспорядочное бегство. Райдер подхватил Ле Блана на руки и бросился к сходням; бельгиец в его объятиях бился, словно избалованный ребенок.

Взбежав на борт парохода, Кортни опустил Ле Блана на палубу и двумя гигантскими прыжками взлетел по трапу на мостик.

– Отдать концы!

В этот момент к борту подкатила первая волна беженцев, половину из которых составляли тщедушные египетские аскеры. Палубы были настолько переполнены пассажирами, что команда не имела ни малейшей возможности подойти к швартовым линиям. По пирсу к судну устремились десятки людей, многие прыгали в баржи. Счастливики, которым удалось занять места законным образом, яростно отталкивали их от бортов; на палубах царил чудовищная неразбериха из человеческих тел.

Высунувшись по пояс из иллюминатора, Сэффрон с интересом наблюдала за происходящим. Райдер подхватил девочку под мышки, вручил старшей сестре и бесцеремонно затолкал обеих в каюту.

– Не вздумайте выйти! – бросил он, громко хлопнув дверью, и схватил висевший на пожарном щите топор.

Судя по доносившимся из вечерней тьмы голосам, толпа на берегу продолжала расти. Палуба перегруженного парохода ходуном ходила под ногами капитана.

– Джок! – отчаянно крикнул Райдер. – Из-за этих скотов мы вот-вот опрокинемся! Нужно отходить!

Вместе с механиком они локтями проложили себе путь через густую массу пассажиров, чтобы ударами топоров перерубить швартовы. Отделившись от пирса, «Ибис» неуверенно закачался на слабой речной волне.

Когда Райдер, вновь поднявшись на мостик, поворотом рычага дал ход пару и судно тронулось с места, стало ясно, насколько тяжелы баржи. Капитан обернулся, чтобы посмотреть на ближайшую: от верхней планки борта до воды оставались жалкие два фута. Кортни решительно направил судно к середине реки.

Вперед «Ибиса» толкал мощный трехцилиндровый двигатель системы Купера – последняя модель, оснащенная промежуточным резервуаром для пара, обеспечивающим более высокое давление, нежели предыдущие образцы. Чтобы провести за собой четыре баржи с их непо-

мерным грузом через пороги и водопады, «Ибису» потребуется вся его мощь. Катер начал набирать скорость; носы барж вздымали фонтаны воды, временами перехлестывавшей через борт. Послышались отчаянные крики пассажиров, и капитану пришлось сбросить давление пара. «Ибис» вошел в фарватер, получив достаточно широкое пространство для маневра – хотя боковая волна усилила качку.

Райдер еще раз сократил подачу пара в цилиндры; отдав караван на волю течения, буксировочные тросы, соединяющие баржи, провисли. Минута-другая, и нос первой тяжело ударил в корму «Ибиса». Пароход вздрогнул.

– Рубите их! – дрожащим от ужаса голосом выкрикнул Ле Блан. – Ну же! Иначе мы все пойдем ко дну!

Но вот последние городские постройки остались позади, и суда подхватил величественный поток двух слившихся воедино рек. Скоро капитан понял: чтобы баржи покорно следовали за буксиром, необходимо бросить якорь – течение само выстроит караван в должном порядке. Кроме того, Райдер намеревался высадить на берег безбилетных пассажиров: в противном случае баржи ни за что не преодолеют пороги Шаблука. Даже если им удастся уцелеть в бешеных водоворотах, люди вряд ли выдержат: значительная часть пути проходит через адское пекло пустыни, которую местные жители называют «Матьер камней». Поскольку пароход еще находился под прикрытием артиллерии генерала Гордона, Райдер отдал приказ бросить самый тяжелый из якорей.

– Лодки дервишей! Справа! – закричал Башит.

Оглянувшись, Кортни увидел целую флотилию, беззвучно приближавшуюся из темноты со стороны Омдурмана: фелуки, небольшие баркасы и одномачтовые ялики с треугольным парусом. Рядом с капитаном на треноге был закреплен прожектор с лампой в десять тысяч свечей. Райдер направил его ослепительный луч на призрачную армаду: суденышки переполняли вооруженные ансары. По-видимому, дервиши разгадали планы беженцев и заблаговременно устроили засаду. Когда до «Ибиса» фелукам оставалось преодолеть не более шестидесяти ярдов, из глоток ансаров вырвался торжествующий клич; над головами воинов Аллаха засверкали обоюдоострые сабли. Блеск стали наполнил пассажиров парохода леденящим ужасом.

– Все по бортам! – зычно распорядился Райдер. – Приготовиться к бою!

Команда «Ибиса» бросилась исполнять уже привычный приказ. Верховья Нила всегда считались небезопасным местом: жившие там племена отличались необузданной свирепостью. Но сейчас на пути людей Кортни плечом к плечу стояла объятая страхом толпа. На палубе началась давка. Несколько потерявших равновесие пассажиров оказались за бортом. С воплями отчаяния несчастные размахивали руками, пока воды реки не сомкнулись над ними. Молодая женщина, прижимавшая к груди новорожденное дитя, оступилась и упала с палубы, пытаясь удержать ребенка на поверхности воды, но через пару мгновений обоих затянуло прямо под гребной винт парохода.

Попытки спасти кого-либо не имели ни малейшего смысла. Не оставалось даже времени бросить якорь: ансары уже карабкались по низким бортам переполненных людьми барж. С дикой яростью дервиши размахивали саблями, чтобы очистить от беженцев хотя бы кусочек палубы. Баржи заходили ходуном; взметая фонтаны брызг, падали в воду окровавленные тела.

Новый отряд нападавших обогнул пароход с левого борта. Райдер не решился поднять давление пара: от резкого рывка нос ближайшей баржи ушел бы под воду, а это грозило увлечь в пучину и сам буксир. Уйти от схватки Кортни не мог, оставалось вступить в бой.

Джок Маккрамп с Башитом раздавали матросам ружья. Некоторые из взошедших с пассажирами на пароход аскеров захватили с собой карабины и теперь плечом к плечу с командой выстраивались вдоль бортов «Ибиса». Райдер повел лучом прожектора по сторонам: лица ансаров выражали неумолимую жестокость. Дервиши походили на посланцев ада.

– Целься! – громовым голосом крикнул капитан. – Залпом – огонь!

На фелуки обрушился град свинца. Райдер успел заметить, как один из ансаров выронил саблю и рухнул в реку. Вода вокруг его наполовину снесенного черепа окрасилась кровью. На столь близком расстоянии пуля весом четыреста пятьдесят гран⁶ не оставляла шанса выжить.

– Заряжай!

Сухо щелкнули затворы, по палубе с медным перестуком запрыгали пустые гильзы.

– Залпом – огонь!

Не успели дервиши оправиться, как фелуки накрыла еще одна смертоносная волна.

В следующую минуту среди воплей и стонов пассажиров Райдер разобрал уверенный голос Дэвида Бенбрука:

– Я с вами, мистер Кортни!

Держа у груди охотничье ружье, консул высился на крыше капитанской рубки. Рядом с отцом, сжимая в каждой руке по револьверу, стояла Ребекка. За их спинами виднелись девочки, готовые в нужный момент протянуть стрелкам заряженное оружие. Бледные личики Сэффрон и Эмбер были исполнены решимости. Похоже, семейство ничуть не поддалось царившей на борту панике. Выдержка Бенбруков привела Райдера в восхищение.

Дулом ружья консул указал капитану на противоположный борт, и Кортни краем глаза увидел приближавшиеся к «Ибису» лодки дервишей. Было совершенно ясно, что защищавшая правый борт команда не успеет встретить новую опасность. Но в любом случае один фланг все равно оказался бы оголенным. Райдер не успел отдать приказ, как инициативу взял на себя Бенбрук. Приложив дуэльную к плечу и направив ее на ближайший баркас, консул нажал оба курка сразу. Заряд крупной дроби в сложившихся условиях более губителен, нежели пуля-одиночка. Пятеро или шестеро из сидевших в баркасе ансаров забились в предсмертных судорогах, несколько их товарищей свалились за борт.

Пока Эмбер перезаряжала ружье, Сэффрон вложила в руку отца другое. Ребекка вела по фелуке прицельный огонь из револьверов. Отдача при каждом выстреле была такой, что руку девушки подбрасывало выше головы, но результаты стрельбы впечатляли. Бенбрук вновь поднял ружье. Осыпаемые градом дроби и пуль, капитаны баркаса и фелуки решили не искушать судьбу и развернули свои суденышки носом к течению.

– Отлично, Дэвид! – захохотал Райдер. – Вы, юные леди, настоящие героини!

Отказавшись преследовать столь опасную жертву, дервиши сосредоточили свои усилия на беззащитных баржах. Пассажиров ждала страшная участь. На одной из барж люди под натиском ансаров попятились к корме; центр тяжести плоскодонки сместился, и она перевернулась. Явив на пару минут свое поросшее водорослями днище ночному светилу, баржа пошла ко дну.

«Ибис» ощутил чудовищной силы рывок: так встает на дыбы заартачившийся конь. Буксирный канат представлял собой три туго переплетенных пеньковых троса, и порвать его было делом немыслимым. Корму парохода неудержимо потянуло вниз, под воду.

Швырнув свое оружие кому-то из членов команды, Райдер подхватил тяжелый топор и по круто накренившейся палубе с трудом двинулся к корме. Вода доходила ему до колена, еще немного, и потоки хлынут в машинное отделение, зальют топку котла. Стараясь не терять равновесия, капитан ухватился за буксирный канат – в ногу человека толщиной, натянутый как струна.

Хотя топор опустил на пеньковые тросы со всего размаха, лезвие рассекло не более десятка набухших в воде прядей. Новый удар увеличил число еще на десяток. Райдер бил до тех пор, пока канат, несущий на себе вес затонувшей баржи и тягу винта, не заходил из стороны в

⁶ Гран – 0,0648 г; 450 гран – приблизительно 29 г.

сторону. Через мгновение последние пряди со звуком выстрела лопнули; Кортни инстинктивно отпрыгнул – иначе ушедший под воду конец перебил бы ему ноги.

Палуба вновь обретшего свободу «Ибиса» выровнялась. Пароход словно встряхнулся, подобно спаниелю, выбравшемуся на берег с уткой в зубах. Бешено вращавшиеся лопасти винта послали судно вперед. От внезапного рывка Сэффрон пошатнулась и упала с крыши капитанской рубки. Ребекка попыталась подхватить сестру, но девочка выскользнула из ее пальцев. Еще немного, и головка ее со всего маху ударилась бы о стальное покрытие палубы. Трагедию предотвратил Райдер: выпустив из руки топор, он поднырнул под малышку и принял ее в свои объятия.

– Эй, Сэффи, ты все-таки не птичка!

Прижимая к груди драгоценную ношу, капитан зашагал к мостику. Не слушая протестов Сэффрон, он бесцеремонно сунул девочку в руки онемевшей от ужаса Назиры, встал к рулевому колесу и поднял задвижку, открывая путь пару. В звездное небо ударила высокая раскаленная струя. «Ибис» стремительно набирал скорость, у парохода его класса достигавшую двадцати узлов. По крутой дуге капитан развернул судно на сто восемьдесят градусов и направил в самую гущу баркасов неприятеля.

– Что вы собираетесь предпринять? – забросив двустволку за плечо, спросил Бенбрук. – Выловить этих пловцов?

– Нет, – ухмыльнулся Райдер. – Я намерен не сократить, а увеличить их число.

Носовую часть «Ибиса» покрывали стальные листы толщиной не менее полудюйма: металл защищал корпус от ударов о скалы водопадов.

– Иду на таран, – предупредил Райдер консула. – Скажите дочерям – будет сильный толчок, пусть крепко держатся за поручни.

Лодки дервишей, кружившие возле трех барж, напоминали стаю гиен вокруг мертвого слона. Кортни хорошо видел, как ансары распутывают узлы связывавших баржи тросов, явно надеясь оттащить плоскодонки на мелководье, где уже никто не помешает воинам Аллаха свершить долгожданную расправу над пленниками. Другие бандиты ударами клинков добивали тех, кто, упав в воду, продолжал цепляться за борта. Свет прожектора делал картину до жути отчетливой: воды Нила походили на сок тутовых ягод, с палуб в реку текли ручейки крови.

– Грязные убийцы, – прошептала Ребекка и обернулась к Назире. – Уведи девочек в каюту, им не следует смотреть на это.

Старшая сестра прекрасно знала, что ее просьба невыполнима. Назира просто не могла сдвинуть своих подопечных с места. В глазах Сэффрон и Эмбер светился недетский ужас.

Перевернувшаяся баржа еще держалась на плаву, однако нос ее все глубже уходил под воду. Внезапно корма плоскодонки резко поднялась, а затем без единого всплеска скрылась в пучине. Райдер направил пароход в сторону трех фелук, прилепившихся к борту ближайшей из оставшихся барж. Ансары были столь заняты кровавым ремеслом, что на маневр «Ибиса» не обратили ни малейшего внимания. В последний момент капитан одной из фелук поднял голову и издал предупреждающий возглас. Головорезы на борту баржи засуетились, кто-то успел прыгнуть назад, в фелуку.

Удар обшитого сталью носа оказался рассчитан столь точно, что деревянные суденышки разнесло на доски. Хотя пароход не избежал столкновения и с самой баржей, носовая часть его лишь чиркнула по ее борту.

Глядя на искаженные страхом лица пассажиров, Райдер мрачно слушал их мольбы о помощи. Выбор был прост: либо спасти кого-то, либо пожертвовать всеми. Недрогнувшей рукой он развернул пароход и послал его в гущу неприятельских лодок, сгрудившихся вокруг второй баржи.

На этот раз ансары ждали атаки. «Ибис» мчался на всех парах, луч его прожектора слепил противника. Те из дервишей, кому явно отказало мужество, прыгали в воду. Плавать умели

лишь единицы, но и их влекли ко дну тяжелые доспехи. На полной скорости пароход врезался в первую фелуку, буквально раскроив ее пополам. Путь дальше преграждал корпус вместительного яла длиной не меньше «Ибиса». Нос парохода увяз в прочной древесине, от удара ял качнулся, и почти вся его команда очутилась за бортом.

Райдер переложил румпель, дал задний ход и быстрым взглядом окинул место сражения. Лодки дервишей успели подобрать нападавших и теперь, подняв паруса, спешили укрыться от яростного «Ибиса» в тени западного берега. Буксирные тросы, соединявшие баржи, были перерезаны; течением реки плоскодонки медленно сносило туда же, на запад. Поведя прожектором, Кортни увидел, что на том берегу собралась жаждавшая крови толпа ансаров. В голову пришла мысль: не удастся ли выловить из воды какой-нибудь трос?

Когда пароход повернулся носом к баржам, Райдер рассмотрел, что одна из них, груженная древесным углем для котла, двигалась куда медленнее, чем две ее соседки. Палубы их были завалены окровавленными трупами и телами раненых пассажиров, под лучом прожектора поблескивали багровые лужи. Обе плоскодонки уже покачивались на мелководе и стали недостижимы.

Каждую заводь, каждый поворот реки Райдер знал так же хорошо, как пылкий любовник знает изгибы тела своей возлюбленной. Сузив глаза, капитан быстро прикинул порядок смены румбов и сравнительную скорость судов. От осознания, что спасти все три баржи не удастся, в душе похолодело. Так и не сбросив скорости, «Ибис» неся вниз по течению, но смысла в этом не было никакого. Вот заскребло по песку дно первой баржи, а потом и второй. С берега бросились десятка три дервишей и побрели к ним по грудь в воде. Закусив от бессилия губу, Кортни смотрел, как бандиты взбираются на палубы, чтобы закончить свою жуткую работу. Приказ открыть стрельбу по толпе на берегу результатов не дал: на таком расстоянии ружейные пули теряли убойную силу.

Глаза Райдера невольно устремились на баржу с древесным углем. Если не терять времени даром, ее еще можно догнать. Поддав пару, «Ибис» рванулся на перехват. Топливо для котла имело первостепенную важность. С углем пароход мог достичь первых порогов, не приставая к берегу для заготовки древесины. Капитан приказал Джоку Маккрампу держать наготове буксирный канат. Теперь оставалось, осторожно подведя «Ибис» вплотную к барже, на холостом ходу удерживать судно у ее борта до тех пор, пока механик со своими подчиненными не закрепит новый трос.

– Торопись, Джок! – прокричал Райдер. – Винт вот-вот ударится о дно!

В эту секунду что-то заставило его обернуться. Теперь «Ибис» был на ружейный выстрел от западного берега. Сгустившуюся над ним ночную тьму разорвали яркие вспышки: дервиши открыли огонь. В поручень мостика ударила пуля и рикошетом прошла так близко от уха Райдера, что тот инстинктивно пригнул голову. Смущенный этим невольным движением, он повернулся к Ребекке и отрывисто бросил:

– Немедленно уведите сестер в каюту и оставайтесь там, пока я не разрешу вам выйти.

Ребекка знала: когда Кортни говорит таким тоном, с ним лучше не спорить. Схватив девочек за руки, она решительно потащила их за собой. Благоразумная Назира возглавила шествие.

Райдер медленно повел лучом прожектора по берегу: если это и не испугает ансаров, то, во всяком случае, позволит команде «Ибиса» ответить на их огонь. Хотя Джока Маккрампа никогда не приходилось подгонять, до момента, когда прозвучал его бодрый голос, прошла, наверное, вечность.

– Готово, капитан!

Кортни подал пароход чуть назад с таким расчетом, чтобы через образовавшуюся между судами щель люди механика смогли перепрыгнуть на борт «Ибиса». Как только последний из них ступил на палубу, Райдер скомандовал:

– Отходим!

Заслонка была поднята, пар устремился по трубам, и пароход тронулся с места. Баржа следовала за ним, как послушный пес на поводке у хозяина. «Ибис» уже почти вошел в фарватер, когда ночную тишину разорвал резкий вой и над мостиком пронесся мощный порыв ветра, сорвав с головы капитана шляпу. Мгновение спустя прозвучал безошибочный звук артиллерийского выстрела.

– Ага! Они подтащили пушки, – спокойно заметил Дэвид Бенбрук. – Странно только, почему для этого им потребовалось столько времени?

Капитан тут же погасил прожектор.

– Боялись попасть в собственные лодки. – Последние слова утонули в грохоте второго выстрела. – Но пока нам везет.

Хотя заслонка была открыта полностью, вес груженной углем баржи уменьшил скорость по крайней мере на три узла.

– Вы правы, однако ничто не мешает им стрелять прямой наводкой, – сказал консул. – Что тогда?

– Будет и прямая наводка, не сомневайтесь. – Райдер взглянул на луну: как назло, в чистом небе ярко сияли звезды, местность вокруг реки походила на театральную декорацию. В серебристой речной глади «Ибис» представлялся мрачным гранитным утесом.

Очередной пушечный снаряд упал так близко, что мостик окатило водой, одежда стоявших на нем мужчин промокла. Разрывы за кормой участились: дервиши выкатили на берег новые орудия, и теперь «Ибис» оказался под перекрестным огнем.

– Джок, если мы не хотим превратиться в неподвижную мишень, придется обрезать буксир! – прокричал Райдер механику.

– Понял вас, капитан! Я ждал этого приказа! – Подхватив топор, Маккрамп зашагал на корму.

Конной упряжкой дервиши доставили к берегу еще одну пушку, причем лошади остановились чуть впереди двигавшегося по середине реки катера. Ни Кортни, ни Бенбрук понятия не имели, что командовал расчетом ансар, которому консул дал прозвище Рехнувшийся Бедуин.

Спешившись, Рехнувшийся Бедуин пролаял подчиненным приказ снять орудие с передка. Второй и третий номера расчета опустили тяжелые станины на податливую почву. Командир пушки ощущал необыкновенный подъем: впервые ему предстояло поразить такую завидную цель – пароход проклятых ференгов! К тому же «Ибис» был обращен к берегу беззащитным бортом, откуда слышались перепуганные вопли пассажиров и отрывистые распоряжения капитана на варварском языке неверных.

С помощью деревянного шеста, засунутого в жерло пушки, Рехнувшийся Бедуин направил ее ствол на судно, покрутил колесо вертикальной наводки, сквозь открытую казенную часть удовлетворенно посмотрел на цель и прорычал:

– Во имя Аллаха – заряжай!

Двое ансаров подтащили деревянный ящик и сорвали с него крышку – четыре стальные головки угрожающе блеснули. Наводчик-самоучка не постиг еще секретов стрельбы на упреждение. Убежденный, что это придаст разрыву максимальную убийную силу, он поставил регулировочный винт взрывателя в крайнее правое положение. От берега «Ибис» отделяло не более трехсот ярдов. Взрыватель был установлен на две тысячи.

– Во имя Всевышнего! Приступим!

– Во имя Всевышнего! – пробормотал второй номер, отводя планку затвора.

– Во имя Всевышнего! – Третий номер с лязгом дослал снаряд в магазин, и напарник тут же хлопнул затвором.

– Аллах велик! – сквозь зубы произнес Рехнувшийся, склонясь к прицелу и вращая колесико горизонтальной наводки – так, чтобы дуло орудия смотрело в основание трубы парохода. Затем подхватил с земли спусковой шнур и отступил на пару шагов. – Аллах всемогущ!

– Нет Бога, кроме Аллаха! – поддержал командира хор голосов.

– Да пребудут Мухаммед и Махди – его пророки – во веки веков!

Он резко дернул шнур. Пушка подпрыгнула. Звук выстрела оглушил орудийную прислугу, поднявшаяся пыль запорошила ансарам глаза.

Снаряд прошел «Ибис» насквозь на два фута выше ватерлинии с легкостью стилета, пронзающего человеческую плоть. Взрыватель, установленный на две тысячи ярдов, не сработал.

Окажись пробоина тремя дюймами выше или ниже, она не причинила бы особого ущерба – во всяком случае, такого, с каким за несколько часов не справился бы Джок Маккрамп. Но судьба распорядилась иначе. Артиллерийский снаряд перебил трубу главного паропровода. Из отверстия с рваными краями под давлением триста фунтов на квадратный дюйм вырвалась раскаленная белая струя, вдвое превосходящая температуру кипения воды, и сбила с ног кочегара – тот как раз собирался бросить в топку очередную порцию угля. В пекле кочегарки на несчастном была лишь набедренная повязка. Пар безжалостно содрал с тела кожу и мышцы. В жуткой агонии мужчина не успел издать и звука: рот его раскрылся, ноги нелепо подвернулись, и матрос рухнул, потеряв человеческий облик.

Машинное отделение заполнили клубы густого пара. Вырываясь сквозь вентиляционные шахты наверх, он окутал судно непроницаемым облаком. Двигатель смолк, и «Ибис» безвольно заскользил по течению. Орудийный расчет Рехнувшегося ликовал. Из деревянного ящика тут же извлекли второй снаряд – хотя цель теперь скрывала плотная завеса. Другие пушки продолжали вести с берега огонь, вода вокруг «Ибиса» вскипала, однако новых повреждений пароход не получил.

В момент, когда судно прошел снаряд, Маккрамп стоял на мостике рядом с Райдером. Схватив из шкафчика возле лебедки пару грубых перчаток и натягивая их на ходу, Джок бросился к трапу, ведущему в машинное отделение. Лицо механика обжег пар, но давление уже упало. Маккрамп сорвал тяжелую парусиновую занавеску, прикрывавшую вход, и прокричал:

– Капитан, заверните меня поплотнее!

Кортни мгновенно понял, что намеревался сделать его помощник, тщательно расправил полотно и обмотал им Джок с головы до ног, оставив свободными только руки.

– Банку с тавотом! – глухо прозвучало из-под парусины.

Райдер, сняв ее с полки, принялся пригоршнями наносить жирную темно-коричневую массу на голые предплечья и локти механика.

– Хватит. – Маккрамп дернул головой, скидывая угол ткани, набрал в легкие побольше воздуха и, вновь укрывшись парусиной, нырнул вниз по трапу. Глаза непроизвольно закрылись. Под действием горячего пара густая смазка, покрывавшая его руки, разжижилась и крупными каплями стекала на металлические ступени.

Свободно ориентироваться в тесном пространстве машинного отделения Джок сумел бы и с закрытыми глазами. Едва касаясь перчатками механизмов, он ловко продвигался вдоль трубы паропровода. От рева, с которым из пробоины вырвалась горячая струя, барабанные перепонки готовы были лопнуть. Нестерпимым жаром жгло локти. «Вот так чувствует себя брошенный в кипяток морской рак», – подумал Маккрамп, едва сдержав стон боли. Споткнувшись о тело кочегара, Джок умудрился не упасть и вновь нащупал пальцами паропровод. Толстая труба была запеленута в несколько слоев асбеста, предотвращавшего потери тепла. Скользя рукой по шероховатой поверхности, механик добрался до клапана, контролирующего подачу пара, и принялся бешено вращать вентиль. В ту же секунду рев стал на октаву выше,

затем послышалось отвратительное шипение, и мгновение спустя все стихло. Клапан был перекрыт.

Выдавить слезу из Джока Маккрампа могла лишь пытка, однако, когда механик заставил себя подняться по трапу, грудь его содрогалась в рыданиях. Ступив неверными ногами на палубу, Джок покачнулся и, если бы Райдер не поддержал смельчака, наверняка бы рухнул. Капитан, с ужасом глядя на свисавшие с локтей Джока лохмотья кожи, потянулся к банке тавота, чтобы хоть чем-то смазать чудовищные раны, но тут к трапу приблизилась Ребекка.

– Это дело женщины, мистер Кортни. Займитесь вашим судном, а механика предоставьте мне.

Она зажгла керосиновый фонарь и в его свете, поджав губы, внимательно осмотрела обожженные локти Маккрампа. Затем, поставив фонарь на палубу, начала обрабатывать раны. Прикосновения Ребекки были нежными, почти неосозаемыми.

– Господь еще воздаст тебе, Джок, за спасение моего «Ибиса», – проговорил Райдер. – Дервиши не оставляют нас в покое.

Как бы подтверждая его слова, еще один посланец Рехнувшегося Бедуина взметнул фонтан воды из-под днища парохода.

– Интересно, насколько серьезны повреждения? – спросил Кортни, обращаясь неизвестно к кому. – Сумеем мы запустить второй двигатель и выйти из-под обстрела?

– Я н-н-ничего толком не успел рассмотреть т-т-там, внизу. – Язык плохо повиновался Джоку. – Но похоже, давление пара не выше, чем в попке девственницы. – Механик бросил взгляд на Ребекку и ухмыльнулся. – Вы уж меня извините, мэм.

Лицо Ребекки вспыхнуло, пальцы дрогнули, и обожженный застонал от боли.

– Ради бога, простите, мистер Маккрамп!

– Ничего, милая, ничего. – Он скрипнул зубами. – Не обращайтесь внимания. Может, капитан, мне удастся пропустить пар к цилиндрам в обход. Все зависит от того, сильно ли разбит котел. Но и в лучшем случае сомневаюсь, чтобы давление превысило десяток фунтов на дюйм.

Райдер оглянулся, осматривая местность. Вниз по течению, на расстоянии не более кабельтова, темнел массив острова Тути, к которому катер медленно дрейфовал, абсолютно беззащитный под огнем дервишей. Недостаток меткости ансары восполняли обилием выпущенных снарядов – при таком их количестве очередное попадание, пусть даже и случайное, было неизбежно.

Несколько мгновений капитан внимательно изучал неясные очертания острова.

– Течение сносит нас к Тути, – медленно проговорил он. – Если чуть дальше удастся встать на якорь, остров прикроет от обстрела. – Пробираясь между взволнованными пассажирами, он крикнул Башиту и его напарнику Абу Сину: – Расчистите палубу и будьте готовы по моей команде бросить якорь!

Мужчины растолкали обескураженных беженцев, освобождая себе место для работы. Башит снял с лапы тяжелого якоря бухту троса, Абу Син держал в руке молоток, готовый в нужный момент выбить клин, блокирующий цепь.

Кортни вновь оглянулся на берег, где то и дело вспыхивали звездочки артиллерийских выстрелов. Увлекаемый водным потоком, «Ибис» через пару минут оказался в восточной части острова, так что снаряды дервишей были ему уже не страшны.

– Якорь! – Райдер взмахнул рукой, и ударом молотка Абу Син освободил цепь.

Раздался громкий всплеск, сопровождаемый грохотом металла. Когда якорь лег на дно, Абу Син вновь забил клин. Пароход вместе с баржей развернуло носом против течения. Пушечная канонада смолкла: теперь ансары не видели свою цель.

Джока Маккрампа капитан нашел в каюте на узкой койке в окружении дочерей консула и озабоченно спросил:

– Как самочувствие?

– Неплохо, кэп. – Механик поднял над головой руки. – Эти маленькие леди славно над ними потрудились.

Ребекка перевязала его полосками, на которые ее сестры разорвали тонкую простыню, из того же материала была сделана болтавшаяся на шее Джок лямка. Сейчас, стоя у крошечной плиты за переборкой, девушка заваривала Маккрампу чай. Джок улыбнулся:

– Дома я терпеть его не мог. Поэтому в конце концов и сбежал.

– Не хочется отвлекать тебя от приятных мыслей, дружище, но, может, ты взглянешь на двигатель?

– Дьявол, я только начал погружаться в блаженство! – буркнул механик, поднимаясь с койки.

– Я принесу вам туда кружку с чаем, мистер Маккрамп, – трогательным голосом пропела Эмбер.

– А я – вам, Райдер, – добавила Сэффрон.

Мужчины покинули каюту. Башит и Абу Син уже вынесли из машинного отделения труп кочегара, и теперь, при свете двух керосиновых ламп, капитан вместе с механиком могли оценить нанесенный катеру ущерб. Расхаживая вокруг двигателя, Джок покусывал губы, чтобы не выдать охватившее его облегчение.

– Подонки! Гореть им в аду! – бормотал он. – Сотворить такое с бедняжкой «купером»!

К счастью, снаряд пробил только паропровод – ни цилиндры, ни кожух не пострадали.

– Что ж, без моего верстака в Хартуме залатать трубу не удастся. Думаю, смогу соорудить из каких-нибудь кусков обходную линию и пустить пар к цилиндрам. Но имейте в виду, Райдер, рекорда скорости наша старушка уже не поставит, – качнул головой Джок. – Вам тоже предстоит грязная работенка, капитан.

– Не мне одному. Сейчас отправлю Башита, пусть гонит всех безбилетных пассажиров на баржу. Это уменьшит осадку и придаст большую маневренность, да и команде станет проще.

Пока часть беженцев перебиралась на баржу, Кортни вместе с механиком приступили к починке. Стараясь работать быстро, но аккуратно, они стравили из котла остатки пара, выгребли тлевшие на колосниках угли. Когда с этим было покончено, настал черед заняться обходной линией. Предстояло тщательно вымерить ее длину, нарезать ножовкой необходимые куски трубы, зажать каждый в стареньких тисках и нанести в местах соединений резьбу. Для большей герметичности резьба прокладывалась асбестовой нитью. Колена трубы Джок гнул на тех же тисках. Результатом объединенных усилий стало невзрачное подобие паропровода.

Работа заняла всю ночь. Когда Маккрамп объявил, что линию можно испытать в деле, за иллюминатором робко брезжил рассвет. Примерно час ушел на то, чтобы разжечь топку и нагреть воду. Но вот стрелка манометра пересекла красную черту, и Джок осторожно повернул вентиль запорного клапана. Потирая перепачканные маслом, исцарапанные руки, Кортни затаил дыхание. Оба не сводили глаз с циферблата второго манометра. Стоило задрожать и его стрелке, как механик тут же перевел взгляд на колена обходной линии. Выдержат?

– Всё в норме! – Расплывшись в улыбке, он протянул забинтованную руку к главной заслонке.

С низким шипением пар ударил в головки поршней, и те размеренно заходили в своих цилиндрах; тяги сгибались и разгибались, напоминая ноги марширующего солдата; провернулась и начала вращаться винтовая ось.

– Давление растет, – заметил Джок. – И все же я не рискнул бы открыть заслонку полностью. Будем довольствоваться тем, что имеем, капитан. Да и за это не мешает поблагодарить Бога – вместе с вашим покорным слугой!

– Ты кудесник, Джок. Твоя мать, наверное, всегда гордилась своим сыном. – Райдер рассмеялся и тыльной стороной ладони смахнул со лба пот, оставив на коже коричневую полосу тавота. – Я подниму якорь и заставлю «купера» показать, на что он способен.

Капитан двинулся к трапу. Абу Син ждал его на палубе возле паровой лебедки.

Цепь с лязгом начала наматываться на барабан. Когда лапы якоря высвободились из донного песка, «Ибис» дрогнул, и Райдер еще на дюйм приоткрыл заслонку. Пароход реагировал на это крайне неохотно, нос его едва преодолевал сопротивление потока, скорость которого не превышала четырех узлов. В груди Кортни шевельнулось разочарование. Он обернулся, бросил взгляд на баржу. Глубоко осевшая под грузом угля и людей плоскодонка повиновалась буксиру с упрямством местного ишака. На обращенных к Райдеру лицах беженцев читалась обреченность.

«Господи, – подумал он, – что мне мешает перерубить канат и оставить их на милость Махди?» Прогнать искушение удалось с трудом. Капитан повернулся к Бенбруку – бесшумно поднявшись на мостик, тот уже минут пять стоял рядом.

– Пороги Шаблука нам не пройти. Скорость реки в каменной теснине составляет около десяти узлов. С двигателем, который работает вполовину своей мощности, «Ибис» просто не удержится на поверхности. Поток либо перевернет нас, либо разобьет о скалы.

– Есть какой-то другой выбор?

– Довольно убогий: возвратиться в Хартум.

Консул встревожился:

– А мои девочки? Неужели они вновь окажутся в этой чертовой мышеловке? Как долго продержится там Гордон?

– Будем надеяться, что за это время Джок отладит двигатель, тогда предпримем вторую попытку. Но сейчас наш единственный шанс – вернуться на пристань.

Райдер развернул судно и направил его к восточному берегу, стараясь не выходить из-под прикрытия острова, и не успел «Ибис» преодолеть и половины пути, как над рекой опять зазвучали резкие звуки пушечных выстрелов. Но артиллеристы Рехнувшегося Бедуина не могли поразить маленький пароход, отделенный от них пространством в целую милю, – разве что благодаря прямому вмешательству Аллаха. Однако в тот день молитвы ансаров остались неслышанными. «Ибису» удалось достичь середины реки, свернуть к югу – к городу – и войти в устье канала.

Полдюжины фелук ринулись было от западного берега наперерез, но солнце стояло уже высоко. Пушки генерала Гордона повели яростный и устрашающе точный обстрел флотилии неприятеля. На глазах Райдера прямыми попаданиями разнесло в щепы четыре ялика: желтые клубы сгоревшего лиддита вознесли к небу оторванные головы, руки и ноги ансаров. Это зрелище несколько охладило пыл нападавших, и почти все лодки повернули назад.

Лишь три фелуки не оставили своих попыток перехватить «Ибис» – наперекор сильному южному ветру и встречному течению. Две из них поток неудержимо сносил вниз, зато третья упрямо приближалась к носу парохода. Хвала Господу, Райдер успел подготовиться к встрече с противником. Под правым фальшбортом на корточках прятались Башит и Абу Син.

– Подпустите их поближе! – предупредил их с мостика капитан и, выждав момент, крикнул: – Давай!

Вскочив, оба направили на сидевших в фелуке ансаров медные брандспойты, которыми заканчивались два рукава, тянувшиеся из люка машинного отделения. В следующую секунду из брандспойтов под давлением ударила струя пара. Раскрытые в готовности издать грозный воинственный клич глотки ансаров исторгли вопль ужаса и боли. Раскаленный пар срывал с лиц кожу, проникал под одежду, отчего тела вздувались пузырями. Нос фелуки со всего маху ударился о стальную борт «Ибиса», от чудовищного толчка сломалась и рухнула в воду деревянная мачта. Суденышко потеряло управление, и течением реки его понесло прямо под тяжелую баржу. Ничего этого ослепшие ансары не видели. Баржа накрыла хрупкую фелуку, и все было кончено. На поверхности воды не появилось ни одной головы.

– Каждому – свое, – с удовлетворением истинного философа прошептал Райдер и вымученно улыбнулся Ребекке: – Простите меня, что я лишаю вас удобной каюты. Эту ночь вам придется провести в собственной постели, в особняке господина консула.

– Обещаю стоически выдержать очередное испытание, мистер Кортни.

По губам Ребекки скользнула улыбка, такая же неуверенная, как и у него. Мужчина поразился, насколько свежей и очаровательной выглядела девушка на краю этой разверзшейся преисподней.

* * *

Стоя на верхней ступени лестницы, ведущей к пристани, Чарльз Гордон следил, как «Ибис» швартуется у пирса. Даже с капитанского мостика Райдер видел: холодное, не улыбающееся лицо генерала было лишено и тени сочувствия. Когда пароход пришвартовался, Гордон исчез.

Изможденных и понурых пассажиров приветствовал на берегу майор аль-Фарук. С белой повязкой на голове, он пристально всматривался в лица солдат, которым не хватило мужества остаться рядом с командиром. Каждого проходившего мимо дезертира майор наотмашь бил тяжелым хлыстом. За сходнями отступников хватали аскеры и тут же надевали на них кандалы.

Позже, во второй половине дня, когда Райдера вызвали в кабинет генерала, Гордон держался на редкость отстраненно. Он без единого вопроса выслушал рассказ капитана, как бы осуждая его своим молчанием. Затем безразлично кивнул:

– Я сам виноват. Возложил на ваши плечи слишком большую ответственность. В конце концов, вы же не солдат – всего лишь маркитант. – В его голосе звучало презрение.

Райдер чуть было не дал волю своему возмущению, но в этот момент во дворе консульского особняка раздался ружейный залп. Капитан невольно повернулся к окну.

– Это аль-Фарук разбирается с дезертирами, – пояснил неподвижно сидевший в кресле Гордон.

За окном с десятков солдат небрежно опирались на свои ружья. У высокой стены, окружавшей двор, в нелепых позах лежало несколько трупов; руки мертвецов были связаны за спиной, лица скрыты под грязными повязками; на груди каждого расплывалось кровавое пятно. Перед строем, сжимая правой рукой револьвер, расхаживал майор аль-Фарук. У тела, которое еще содрогалось в предсмертной конвульсии, он остановился, приложил к голове раненого пистолет и нажал спусковой крючок. Обойдя строй, майор кивнул второму отделению: те сноровисто уложили трупы в поджидавшую рядом повозку. Затем из подвала вывели новую группу осужденных и расставили вдоль стены. Пока сержант завязывал им глаза, солдаты первого отделения встали на изготовку.

– Надеюсь, генерал, дочерей консула предупредили о казни? – с горечью спросил Кортни. – Подобного зрелища молодым леди лучше не видеть.

– Я посоветовал Бенбруку держать детей подальше от окон. Такая забота о чувствительных девочках делает вам честь, мистер Кортни. Но вы оказали бы семейству куда большую услугу, доставив его в безопасное место.

– Не сомневайтесь, генерал, так и будет – как только я почию двигатель.

– Боюсь, на это не остается времени, сэр. Пару часов назад весьма надежный источник известил меня: эмир Осман Аталан уже ведет сюда своих людей, которые вольются в отряды Махди.

Гордон резким жестом выбросил вперед руку, указывая на видневшийся за окном противоположный берег Нила, где просматривались строения Омдурмана.

Райдер не смог скрыть охватившей его тревоги. Если в осаде города примет участие пресловутый Осман Аталан, обстановка здесь изменится далеко не в лучшую сторону. Любая попытка оставить Хартум обрекалась на неудачу.

Новый ружейный залп подчеркнул мрачность ситуации. В наступившей затем тишине Кортни услышал мягкие звуки, с которыми падали на землю безжизненные тела.

Эмир Осман Аталан, возлюбленный божественным Махди, находился в пути. Утомительный переход его армии от берегов Красного моря к Хартуму длился уже несколько недель. Неспешная монотонная поступь множества скаковых и выючных животных раздражала эмира. Колонна, состоявшая из верблюдов, ишаков, рабов, слуг, женщин и детей, растянулась более чем на двадцать лиг⁷. Во время ночевки лагерь представлял собой огромный палаточный город. Жены эмира следовали в занавешенных паланкинах, каждая на своем верблюде, спали они в собственных шатрах, окруженные десятками прислужниц. В авангарде и арьергарде колонны двигались сорок тысяч воинов.

Алое с черным знамя Аталана позвало на священную войну представителей трех крупнейших племен: хамран, горцев руфар и жителей побережья Красного моря – хадендова. Именно эти нестигаемые защитники веры за предыдущие годы смогли уничтожить две египетские армии. Разгромив у Токара и Эль-Теба превосходящие силы Бекера-паши⁸, они усыпали пустыню человеческими костями, белевшими теперь под лучами солнца. Когда поднимался западный ветер, обитатели Суакина, расположенного в двадцати милях от поля битвы, явственно ощущали тяжелый смрад, исходивший от непогребенных тел.

Эти племена сыграли важную роль и в сражении под Эль-Обейдом, где сложило свои головы семитысячное войско генерала Хикса. Но, будучи цветом мусульманской армии, сейчас, собранные воедино, они, на взгляд Османа Аталана, продвигались вперед поистине черепашьими темпами.

Эмира неодолимо влекла к себе пустыня, околдовывая суровым молчанием бескрайних просторов. Предоставив гигантской колонне самой добираться до города неверных, Аталан вместе с небольшой группой доверенных воинов – агтагиров – устремился вперед.

Мчась верхом на фоне зеленых зарослей, окаймлявших крутую излучину реки Атбара, Осман Аталан казался героем древних сказаний, существом почти мифическим. Голова всадника была непокрыта, длинная коса блестящих черных волос то взлетала, то падала на платок синего шелка, опоясывавший прихотливо расшитую золотом джиббу. Правая рука эмира сжимала ножны широкого меча, лежавшего поперек седла. Эфес его был вырезан из бивня носорога, а на лезвии полуизвлеченного клинка поблескивали золотые нити. Скрытое тонкой тканью джиббы тело обвивали жгуты мышц.

Остановив коня на полном скаку, Аталан выпрыгнул из седла, встал рядом с умным животным и внимательным осмотрел горизонт. Большие черные глаза его обрамляли густые, как у девушки, ресницы, но лицо эмира было лицом воина: исполненные неколебимой решимости черты напоминали неподвижную маску. Солнце и ветры сделали бронзовой его кожу. Да, Осман Аталан мог по праву считать себя истинным сыном пустыни.

Эмира окружили спешившиеся спутники. Давно привыкнув охотиться на самую опасную дичь с одним лишь коротким мечом, все они покрыли себя славой отчаянных храбрецов, вырезанные из того же камня, что и их предводитель. Мужчины ослабили подпруги, отвели коней в тень деревьев, напоили водой из кожаных бурдюков и отсыпали каждому скакуну по

⁷ 1 лига – около 5 км.

⁸ *Бекер-паша* (1827–1887) – Валентин Бейкер, англичанин, генерал-лейтенант оттоманской службы, младший брат исследователя Африки Сэмюэла Бейкера.

полной мере дурры. Сами всадники не испытывали ни жажды, ни голода: суровые условия жизни приучили их к воздержанию.

– Если воин будет часто и помногу пить, он не сможет противостоять зною песков, – учили старейшины племен.

Пока животные отдыхали, аггагиры сняли притороченные к седлам щиты и мечи. Усевшись в кружок под палящими лучами солнца, они принялись править широкие лезвия о жесткую шкуру жирафа, которой были обтянуты их щиты. Более прочного материала в пустыне не существовало: хотя шкуры буйвола или гиппопотама не уступали ему по жесткости, для щитов они не годились – чересчур тяжелы. Округлые и чуть выпуклые, щиты эти были напрочь лишены какого-либо орнамента; единственным украшением служили отметины вражеского клинка или клыков разъяренного зверя. Свое недолгое свободное время аггагиры почти целиком отдавали заботе об оружии – занятию куда более важному, нежели еда и питье.

– Дичь появится завтра, еще до полудня, – сказал Хасан бен Надир, копыеносец эмира. – Если Аллах захочет.

– Хвала Аллаху! – поддержал его хор голосов.

– Мне ни разу не приходилось видеть таких огромных следов буйвола, – проговорил Хасан негромко, боясь вызвать гнев своего повелителя или всемогущих джиннов.

– Этот бык у них за жоака, – согласились остальные. – Нас ждет хорошее развлечение.

Воины уважительно покосились на Аталана. Подперев чисто выбритую щеку, эмир пребывал в глубоких раздумьях.

Тишину нарушал лишь шорох стали о грубую шкуру. Время от времени кто-то пробовал ногтем большого пальца остроту лезвия. Каждый обоюдоострый клинок имел длину около трех с половиной футов и представлял собой почти точную копию тех мечей, которые столетия назад вызвали безмерное уважение сарацин под стенами Акры и Иерусалима. Больше всего ценились клинки, выкованные из золингеновской стали, – они переходили от отца к сыну. Качество металла поражало: лезвие меча, подобно хирургическому скальпелю, легко рассекало подброшенный в воздух тончайший платок – не говоря уже о человеческой плоти. Удар, нанесенный с плеча, разрубал врага до пояса. Рукояти изготавливались из двух кусков мягкой древесины мимозы, обтянутых выделанной кожей слоновьего уха.

Пока аггагиры отдыхали, солнце медленно двигалось по небосклону. Но вот эмир пружинисто поднялся, и воины безмолвно вскочили на ноги, подошли к коням, начали затягивать подпруги. Небольшая кавалькада устремилась по склону холма в просторы саванны, где вдоль русла Атбары раскинули свои плоские кроны акации. Возле довольно глубокого озера всадники спешили; примерно за час до них на песке оставили свои следы три слона. Утолив жажду, люди с наслаждением бросились в воду. Затем, уже на берегу, покрыли головы и спины жирной донной глиной, которая хорошо предохраняла кожу от лучей солнца и укусов насекомых. Несмотря на испепеляющий зной, отпечатки слоновьих ног были еще влажными. Массивные фигуры животных виднелись у горизонта. Аггагиры взволнованно зашептались. Лишь двумя сложенными вместе ладонями Осман Аталан смог прикрыть округлую вмятину.

– Аллах всеблагий! – с изумлением протянул кто-то. – Этот самец – достойный противник!

– Зверя крупнее я еще не встречал, – сказал Хасан бен Надир. – Вот кто здесь настоящий владыка!

Они наполнили водой кожаные бурдюки, напоили коней и вскочили в седла. В морды слонов дул легкий ветерок, предупреждая животных о малейшей опасности. Аггагиры бесшумной трусцой последовали за ними.

Замерев, головной слон уронил на землю тяжелый ярко-желтый окатыш. Когда воины приблизились, стало видно, что он состоит из полупереваренной коры акации и похожих на крупную гальку плодов пальмы. Над кучкой помета кружили бабочки. Запах был настолько

резким, что чей-то конь нервно фыркнул. Его наездник ласково провел рукой по шее лошади, ободряя скакуна.

Кавалькада продолжила путь. Слоны на ходу срывали со стволов акаций полоски коры; раны дерева исходили густым соком, который, высыхая, превращался в драгоценную камедь.

Приподнявшись в стременах, Осман Аталан окинул взглядом местность. На расстоянии примерно мили от них над низкорослой растительностью саванны высилась раскидистая пальма. Хотя ветер почти не ощущался, верхушка ее ходила из стороны в сторону, словно сотрясаемая порывами урагана.

Эмир удовлетворенно кивнул своим попутчикам. Аггагиры улыбались, отлично понимая, что происходит. Один из слонов уперся мощным лбом в похожий на бутылку ствол и всей своей массой раскачивал дерево, будто травинку. На голову его с мягким стуком падали созревшие орехи.

Повинуясь всадникам, кони перешли на шаг. Умные животные уже прониклись азартом погони, инстинкт подсказывал им, что последует дальше; мышцы под мокрыми от пота шкурами возбужденно играли. Внезапно Осман Аталан опустил ладонь на холку своей медово-золотистой кобылы. Чистокровный арабский скакун удивленно повел широкими ноздрями и замер. Звали кобылу Хулумайя – Прохладная Вода – самое ценное, что можно встретить на этой измученной вековой жаждой земле. На шестом году жизни Хулумайя по гибкости не уступала пантере, обладала мягким характером и сердцем львицы. Ни в пылу битвы, ни во время охоты она еще ни разу не подвела своего хозяина.

Лошадь смотрела туда же, куда и всадник. Один из слонов, чуть меньший по размерам, отошел от своих собратьев и улегся под ветвями мимозы. Тень, хотя и не очень густая, размыла его очертания.

Осман взмахнул правой рукой, и группа медленно двинулась вперед; кони ступали осторожно, словно меж их копыт извивался клубок змей. Из густого, пропитанного зноем воздуха возникли силуэты еще двух слонов. Один тряс головой – похоже, его замучили оводы. Бивни животного тускло поблескивали в тени; пораженные их размерами, аггагиры радостно зашептались. Третьего слона почти скрыли заросли колючего кустарника.

Теперь, когда местоположение животных было установлено, Осман Аталан мог рассчитывать каждый шаг своих людей. Сначала они нападут на ближайшего, чтобы случайный порыв ветра не спугнул его прежде времени. Стоит слону почуять запах коней, как он тут же подаст сигнал тревоги и вся троица устремится прочь. Едва шевеля губами, эмир отдал краткие распоряжения; долгий опыт подсказывал аггагирам, что каждый из них должен делать.

Описав широкий полукруг, Аталан обогнул мимозу справа и остановил лошадь прямо позади слона. По сравнению с другими жителями саванны – бабуинами или гиенами – слоны видят довольно плохо, но если с трудом различают формы предметов, то малейшее движение фиксируют почти мгновенно.

Приблизиться к огромному животному верхом эмир не посмел. Спешившись, он подоткнул под пояс полы джиббы, чтобы освободить ноги в спускавшихся чуть ниже колена холщовых штанах, затянул ремешки сандалий и вынул из ножен меч. Большой палец левой руки инстинктивно коснулся лезвия. Аталан слизнул с подушечки каплю крови, передал поводья Хасану и на цыпочках двинулся к серому бугру, возвышавшемуся в тени мимозы. Слон ничего не подозревал. Казалось немыслимым, что такого гиганта можно победить с помощью изящного клинка.

Сжимая в правой руке меч, эмир двигался с грацией танцора. Лезвие на ширину ладони от эфеса тоже было обтянуто кожей – чтобы при необходимости усилить хватку левой рукой.

До уха Османа донеслось низкое урчание: слон явно испытывал сытое удовлетворение. Животное плавно покачивало головой, ленивыми взмахами отгоняя надоедливых мух. Пучок жестких волос на кончике хвоста выглядел изрядно поредевшим. Длинные, толщиной едва ли

не в ногу человека бивни упирались в твердую землю. Меж них расслабленно свисал морщинистый хобот. Кончиком его слон играл с побелевшей от времени берцовой костью буйвола – то перекатывая ее перед собой, то поднося к ноздрям и принюхиваясь. Похожие манипуляции совершали в древности коптские колдуны, на закате священнодействуя с костяными четками.

Изготовившись к удару, Аталан сжал эфес обеими руками и шагнул вперед. Теперь он мог острием меча коснуться массивного слоновьего зада. Серая кожа по бокам и под коленями животного свисала складками, словно халат с тела старика, ставшего слишком тщедушным для своего одеяния.

Аггагиры в немом восхищении следили за эмиром. Неопытный воитель наверняка напал бы на свою жертву сзади, чтобы перерезать под ее коленями важнейшие артерии и сухожилия. Такие раны дали бы охотнику возможность отступить и не позволили бы слону подняться. На землю хлынет, унося с собой жизненные силы, густая кровь, но смерть придет не скоро – может, через час, а то и два. Атаковать с головы – что и намеревался сделать Осман Аталан – было в тысячу раз опаснее. Слон вполне мог достать эмира хоботом, один удар которого переломал бы человеку все кости. Огромные уши улавливали самый тихий звук, даже выдох, а небольшие красные глаза фиксировали на таком расстоянии шевеление пальца.

Стоя в отбрасываемой гигантом тени, Осман Аталан смотрел на слона. Маленькие глаза животного почти скрывались под тяжелыми веками, хобот покоился меж толстыми бивнями. Охотнику требовалось, чтобы слон выпрямил хобот, а еще лучше – направил на него мощный отросток. Задача предстояла не из легких: одно неверное движение, тревожный звук – и последует чудовищной силы удар. Слону ничего не стоит раздавить человека массивной пятой или пронзить острым бивнем.

Эмир чуть повернул рукоятку меча – так, чтобы на отполированный металл лезвия упал солнечный луч, – и направил зайчик на едва заметно колыхавшееся ухо, затем перевел его в полуприкрытый глаз. Животное повело головой, веки его поднялись, круглые зрачки с недоумением обвели пространство. Вокруг все было неподвижным – не считая яркого солнечного пятна. Опасности оно, по-видимому, не представляло, и слон из любопытства потянулся к нему хоботом.

Осман взмахнул мечом. Закаленная сталь не встретила никакого сопротивления.

От пронзившей мозг острой боли слон вскочил. В то же мгновение Аталан отпрыгнул назад. Заметив движение, гигант тряхнул головой, но хобот его лежал на земле. Из раны фонтаном била кровь, капли ее красными пятнами расплзались по джиббе эмира.

Дернув обрубок, слон издал жуткий, исполненный предсмертного ужаса рев и устремился в заросли. Страшный звук вывел из блаженной дремы его товарищей, и они тут же последовали за предводителем.

К Осману приблизился Хасан бен Надир с кобылицей эмира на поводе. Не выпуская из правой руки меча, Аталан ухватился левой за гриву и вскочил в седло.

– Гнаться за зверем не стоит, – сказал он.

Аггагиры знали: на бегу сердце слона мощным насосом выкачает из перерезанных артерий всю кровь и самое большее через милю животное упадет. Они вернутся за добычей позже. Приподнявшись в стремени, Осман направил кобылу по следу двух других животных. Судя по вмятинам, те устремились в сторону холмов, где пути их разошлись. Один свернул на юг, к лесу, другой же тяжелым галопом продвигался вверх по склонам. Поскольку определить, кто из них крупнее, не представлялось возможным, Аталан принял единственно верное решение.

Повинуясь взмаху его меча, аггагиры разделились на две группы. Человек пять поскакали к холмам, оставшихся эмир повел за собой. Поднятая слонем пыль безошибочно указывала преследователям путь. Когда Хулумайя стрелой промчала всадника чуть более мили, ярдах в четырехстах от себя Осман увидел темную тушу, напоминавшую в зеленых зарослях резвяще-

гося на волнах кита. Теперь добыча была рядом, и эмир осадил лошадь, чтобы та приберегла силы для последней схватки. Расстояние между аггагирами и слоном медленно сокращалось.

В скором времени о щит эмира застучали мелкие камешки, вылетающие из-под ног животного. Чуть смежив веки, Осман еще ближе подобрался к слону. Почувяв человека, тот развернулся со скоростью, которой нельзя было и предположить в таком, казалось бы, неуклюжем создании природы. Всадники мгновенно рассыпались, но один из аггагиров замешкался. В следующую секунду тело его, обвитое слоновым хоботом, вылетело из седла. Выпавший из руки меч сверкнул в воздухе и вонзился в землю, покачиваясь подобно стрелке метронома. Слон шагнул к ближайшей пальме, хобот его взвился и впечатал человека в ствол дерева. Удар был такой силы, что с плеч несчастного сорвалась голова; в дикой ярости животное растоптало изуродованное тело ногами.

Осман дернул поводья. Хотя грива кобылы встала дыбом от ужаса, лошадь покорилась воле всадника. Проскакав ярдах в двадцати от хобота, эмир прокричал:

– Ха! Ха! Ну давай же, порождение Сатаны! Возьми меня, посланец преисподней!

Поддев бесформенную грудку человеческих останков бивнем, слон повернулся к новому противнику и тряхнул головой. То, что минуту назад было телом аггагира, упало на землю, и животное бросилось в сторону Аталана.

Хулумайя резко отпрянула, понеслась прочь, но эмир тут же успокоил кобылу:

– Не пугайся, моя красавица. Нам нужно измотать этого шайтана.

Топоча, словно эскадрон тяжелой кавалерии, слон приближался. Осман сдавил коленями круп лошади, и та полетела птицей. Расстояние не больше протянутой руки, отделявшее ее хвост от кончика слоновьего хобота, начало увеличиваться. Слон еще прибавил скорости, однако наездник вновь послал Хулумайю вперед. Склонившись к уху кобылы, Аталан прошептал:

– Так, малышка, так! Еще немного, они уже рядом!

И скосил глаз: за спиной в облаке поднятой слоном пыли мчались аггагиры. Эмир сознательно делал себя приманкой, чтобы позволить своим людям догнать слона и нанести ему решающий удар. Разъяренный тем, что враг ускользает, слон не замечал ничего вокруг. Краем глаза Аталан увидел, как Хасан бен Надир выпрыгнул из седла почти вплотную к опустившейся рядом с ним задней ноге гиганта и ловко, не выпуская из рук поводьев, перекувырнулся через голову. В этот момент слон перенес тяжесть тела на переднюю ногу, сухожилие задней ослабло под серой шкурой. Неуловимым движением Хасан выхватил из ножен меч; сверкнувшая на солнце сталь рассекла заднюю ногу животного до самой кости. В то же мгновение охотник вновь вскочил в седло, а умный конь пустился галопом. Хватило всего трех скачков, чтобы наездник оказался на безопасном расстоянии от хобота и бивней слона.

Когда раненый гигант попытался сделать следующий шаг, лишенный поддержки сухожилия сустав не выдержал и сломался. В отличие от многих других четвероногих, бежать на трех ногах слоны не могут. С ревом, полным боли и ярости, обреченное животное рухнуло на землю. Наблюдавший за этим эмир развернул Хулумайю, заставив кобылу приблизиться к дергавшемуся хоботу. Слон вскочил было, но лишь затем, чтобы грузной тушей в ту же секунду тяжело осесть на твердую почву.

Тем временем Хасан сделал круг и спешил к хвосту. Зверь бился в агонии. Выждав момент, когда слон попробовал опереться на неповрежденную заднюю конечность, бен Надир ударом меча перерезал его подколенную мышцу. Серая гора беспомощно распласталась на земле: теперь единственной опорой животного остались бивни. От жуткого стога, казалось, дрогнули небеса.

Отвернувшись от поверженного противника, Хасан неторопливо направился к лошади. Эмир выпрыгнул из седла и крепко обнял смельчака.

– Вот настоящий мужчина! – рассмеялся он. – С сегодняшнего дня мы братья, Хасан!

– Эта честь слишком высока для меня, – прошептал бен Надир, опустившись на колени. – Я навсегда останусь вашим рабом, мой повелитель.

Отведя коней в тень и напоив их водой из бурдюков, они молча следили, как вместе с кровью из туши вытекает жизнь. Земля вокруг превратилась в бурое месиво. Было ясно, что агония продлится недолго. Вот могучие легкие опали, глотка исторгла последний стон, и животное завалилось на бок.

– Через пять дней, бен Надир, вернешься сюда с пятью десятками воинов, чтобы забрать бивни. – Осман Аталан похлопал ладонью по желтовато-белому костяному выросту.

За это время хрящи, удерживавшие бивень, размягчатся под действием разложения и позволят извлечь драгоценный материал без помощи топоров – один неосторожный удар мог испортить богатую добычу.

Оседлав коней, они по собственным следам направились к месту схватки Аталана с первым слоном. Отыскать его не представляло особого труда: кровь из чудовищной раны хлестала потоком.

Когда позади осталось около лиги, эмир вдруг вскинул правую руку и прислушался. Из-за гряды невысоких холмов, за которой скрылась первая группа аггагиров, доносились тревожные звуки. Опытный охотник распознал бы их без ошибки: так кричит разъяренный слон, не успевший еще получить серьезной раны.

– Похоже, аль-Нур сплоховал, – бросил Осман Аталан. – Нужно спешить на выручку.

Охотники устремились вверх по склону холма. Когда гребень его остался позади, звуки стали отчетливее. Проскакав около трехсот ярдов, Аталан увидел труп лошади: животное лежало, настигнутое ударом слоновьего хобота. Крупом лошадь придавила аггагира – тот тоже был мертв. Чуть дальше на земле распростерлись неподвижные тела еще двух мужчин. Перед глазами эмира встала четкая картина происшедшего: зацепившись за острые колючки киттара, первый упал с коня, а второй, приходившийся ему родным братом, кинулся на помощь. Слон растоптал обоих. Братья погибли бок о бок, как и жили; слившаяся кровь объединила их и после смерти. Потеряв всадников, кони разбежались.

Внезапно из густых зарослей киттара раздался леденящий душу рев. Аггагиры развернули своих скакунов и галопом помчались в высокий кустарник. Спустя мгновение навстречу им вылетел аль-Нур, его покрытый клочьями пены серый жеребец едва держался на ногах. Наездник был почти обнажен: джиббу сорвали колючки, тело испещрили глубокие, кровоточащие царапины, какие вполне могла бы оставить когтистая лапа свирепого хищника. Усталый конь почти ничего не видел. Копыто передней ноги провалилось в нору муравьеда, и жеребец, споткнувшись, чуть было не упал. Резкий толчок выбросил аль-Нура из седла. Даже не почувствовав этого, конь пронесся мимо и оказался на пути выступившего из зарослей слона. Это был тот самый патриарх, следы которого так поразили аггагиров. По его правой задней ноге обильно струилась кровь, но рана была нанесена слишком высоко, чтобы перерезать сухожилие. Неточный удар аль-Нура пришелся в мышцу и лишь еще более разъярил слона. Животное резко дернуло головой, освобождая бивни от болтающихся на них жестких плетей киттара. У основания они толщиной превосходили женское бедро.

– По десять кантаров каждый, не меньше! – пробормотал изумленный Хасан бен Надир.

С трудом поднявшись, аль-Нур ошеломленно осмотрелся; лицо его покрывала корка из запекшейся крови и пыли. Сзади к потерявшему свой меч аггагиру приближался слон. Почуввав перед собой врага, он затрубил и в следующую секунду обвил мощным хоботом грудь охотника. Аль-Нуру еще хватило сил обернуться, воздеть правую руку с поднятым указательным пальцем и прокричать:

– Аллах акбар!

Смерть не страшна, когда Господь раскрывает тебе свои объятия.

– Во имя Аллаха! – шепнул Осман Аталан на ухо кобыле, и Хулумайя поняла, чего ждет от нее хозяин.

Лошадь стрелой пронеслась под слоновыми бивнями; всадник плотно приник к ее шее. Он не мог нанести удар по хоботу, который стискивал грудь аль-Нура. Оставалось лишь попытаться отвлечь внимание животного. Но слон был слишком увлечен своей жертвой. Лишь когда плечо Аталана на всем скаку задело чудовищный бивень, удивленный гигант отступил на шаг и ослабил хватку. Всадник, дерзкий и подвижный, показался слону более достойным противником.

– О возлюбленный Аллахом! – выкрикнул аль-Нур вслед своему спасителю. – Да простит Господь все твои грехи!

Слова эти, донесшиеся сквозь гулкий топот, заставили Аталана улыбнуться.

– Аллах не будет против, если до смерти я еще пару раз согрешу, – бросил он, увлекая за собой гиганта.

Хасан бен Надир вместе с товарищами устремился вдогонку. На скаку аггагиры свистели и выпускали воинственные вопли, однако слон по-прежнему видел перед собой только одну цель. Хулумайя неслась во весь опор, силы еще не оставили ее. Обернувшись, эмир понял: времени на маневр у него нет – слон слишком близко, и даже мчащийся в клубах пыли бен Надир не в состоянии дотянуться мечом до сухожилий его задней ноги. Аталан вновь устремил взор вперед. «Аллах всеблагий, да ведь мы в ловушке!»

С обеих сторон от всадника стеной высились плотные заросли киттара, а единственный узкий проход между ними перегородил немыслимых размеров куст. Осман почувствовал, как по шкуре лошади прошла волна дрожи. На скаку Хулумайя скосила черный глаз, словно испрашивая совета у любимого хозяина. С губ кобылы летела белая пена.

Без всяких раздумий всадник направил лошадь в зеленую гущу. Упругие ветви поддались, чтобы тут же вновь сомкнуться за спиной человека. Подобно когтям орла в шкуру Хулумайи и одежду Аталана впились сотни колючек. Теперь кобыла двигалась уже не галопом, а робким шагом, будто копыта ее ступали по зыбучим пескам. Для их преследователя-слона заросли киттара преградой не являлись.

– Что ж, пора заканчивать, – произнес Осман Аталан, отпуская поводья и высвобождая ноги из стремян. Затем он встал в седле, выпрямился в полный рост и впился взглядом в быстро приближавшегося слона. – Ну же, возьми меня, если сможешь! – Эмир отлично знал, как его голос подействует на животное.

Слон прижал к голове плоские уши и сделал то, чего от него так ждал охотник, – вытянул хобот, чтобы схватить ненавистного врага.

Балансируя на спине кобылы, Аталан крепко сжимал в руке длинный меч. Когда хобот почти уже охватил его, Осман нанес удар. Сталь клинка рассекла кожу и мышцы с такой легкостью, будто это облачко тумана. Так падает нож гильотины, обезглавливая осужденного.

В первое мгновение не было даже крови – ровный срез обнажил лишь розовую плоть и белые нити сухожилий. Затем она хлынула потоком. Слон заревел, и это была агония. Секунду спустя тяжелая туша, нелепо загребая ногами, завалилась на бок.

Осман опустил в седло и, сдавив круп кобылы коленями, направил Хулумайю в сторону от головы животного. Спешившийся Хасан бен Надир подкрался к слону сзади, резким движением перерезал под коленом его левой ноги сухожилие и вновь вскочил в седло. С другого бока то же самое проделал и эмир.

Мощное сердце толчками гнало кровь к ужасным ранам; жить слону оставалось не дольше, чем мулле прочесть суру Корана. Стоя рядом с лошадьми, аггагиры не сводили глаз с поверженного гиганта и возносили в душе хвалу силе и храбрости своего предводителя. Когда огромная голова животного запрокинулась, Аталан прокричал:

– Аллах всемогущ! Да пребудет его слава во веки веков!

Узенькие улочки Хартума полнились слухами, страшную весть выкрикивали муэдзины с высоких минаретов. В городе установилась тяжелая, мрачная атмосфера; жители, казалось, пребывали в ожидании похорон. Тут и там группы озабоченно переговаривающихся горожан торопились к берегу Нила, чтобы занять местечко, откуда открывался вид на противоположную сторону реки.

Райдер Кортни находился в небольшой мастерской, располагавшейся позади больницы, за красными глинобитными стенами форта Бурри. Именно туда гонец принес ему записку от Дэвида Бенбрука – вырванный из консульского блокнота листок с несколькими строками. В мастерскую Райдер пришел еще на рассвете, чтобы вместе с Джоком Маккрампом продолжить ремонт парового двигателя. Разобрав сплетение труб, они обнаружили, что ущерб от прямого попадания снаряда куда более значителен, нежели предполагалось. Паром в цилиндры занесло мельчайшие осколки металла, полированные поверхности поршней покрылись бороздами и царапинами. Черт побери, «Ибису» здорово повезло, что он вообще смог добраться до берега!

– Благодарение Всевышнему, я не позволил открыть заслонку полностью, – пробормотал Джок. – Иначе мы бы просто взлетели на воздух.

Тяжелый двигатель пришлось снять и вытащить на каменный парапет. Оттуда его погрузили в запряженный двумя буйволами фургон и доставили в мастерскую. Ремонт длился десять дней, и сейчас работа близилась к концу. Вытерев ветошью покрытые маслом руки, Райдер пробежал глазами записку и передал ее Джоку.

– У тебя нет желания посмотреть?

Механик усмехнулся, длинными щипцами вытащил из горна добела раскаленный лист металла, положил его на наковальню.

– А не слишком ли много чести этому азиатскому джентльмену Осману, дьявол бы его побрал, Аталану?

Маккрамп поднял молот и с размаху отпустил его на край листа, затем еще раз и еще. Не обращая внимания на Кортни, он щипцами поднял заготовку и окунул в чан с холодной водой. Раздалось шипение, к потолку мастерской взлетело облачко пара. Джок скептически осмотрел лист, который должен был прикрыть пробоину в борту катера. Явно недовольный результатами, Маккрамп вновь сунул заготовку в горн. Пряча улыбку, Райдер вышел из кузни и направился в конюшню.

На противоположном берегу канала собрались сотни горожан. Конь Райдера с трудом прокладывал через толпу путь к воротам британского консульства. Кортни не очень-то хотел встречаться с генералом Гордоном и испытал облегчение, увидев его затянутую в хаки фигуру на парапете форта Мукран в окружении пяти или шести офицеров-египтян. Военные смотрели в полевые бинокли, направленные на северный берег Голубого Нила, что позволило Райдеру незамеченным добраться до консульства. Поручив коня заботам стоявшего возле ворот грума, он направился к дверям особняка. В вестибюле двое стражей отдали ему честь.

Лицо египтянина-секретаря, который торопливо вышел из кабинета навстречу гостю, нервно подергивалось.

– Консул поднялся на башню, мистер Кортни, и рассчитывает, что вы присоединитесь к нему.

Когда Райдер вышел на открытую площадку, семейство Бенбрук заметило его не сразу. Все четверо сгрудились вокруг громоздкой подзорной трубы на треноге. У окуляра находилась Эмбер, взобравшись на высокий, с плетеной спинкой стул. Заслышав шаги, Сэффрон оглянулась и вскрикнула от удивления.

– Райдер! – Девочка бросилась к мужчине и крепко сжала его руку. – Ты только посмотри!

Кортни невольно взглянул на Ребекку. В лице девушки не было и следа переживаний, которые ей пришлось испытать на борту парохода, – наоборот, весь облик Ребекки, одетой в

темно-зеленое платье с кринолином, дышал горделивой сдержанностью. Из-под соломенной шляпки с ярко-желтой лентой на плечи падали аккуратные белокурые локоны.

– Не позволяйте этой упрямце докучать вам, мистер Кортни, – застенчиво улыбнулась Ребекка. – Ее вечно тянет командовать.

– Повелевать означает держать себя царственно, – невозмутимо откликнулась Сэффрон.

– Ничего подобного! – повернулась от окуляра Эмбер. – Это означает надменную заносчивость.

– Да будет вам! – хмыкнул Райдер. – Сестрам следует любить друг друга.

– Рад видеть вас, капитан. – Дэвид Бенбрук приветственно поднял руку. – Простите, что отрываю от дела, но зрелище того заслуживает. Слезай, Эмбер, уступи место мистеру Кортни.

Райдер шагнул к подозрной трубе и, прежде чем приникнуть к окуляру, пристально оглядел противоположный берег. Увиденное действительно завораживало: казалось, вся саванна охвачена пожаром. Лишь через мгновение Кортни понял, что солнечный диск затмевают не клубы дыма, а пыль, поднятая огромным скоплением живых существ, надвигавшихся из-за горизонта.

Даже на таком расстоянии воздух содрогался от низкого гула, какой издает рой потревоженных пчел – или море, когда над его просторами гуляет ветер. Но сейчас этот гул исходил от тысяч и тысяч животных; в нем смешивались пронзительные крики ишаков, мычание коров, блеяние овец, перестук копыт, поступь верблюдов и скрип колесных повозок. В грозном стакато ухо Райдера различило сухие удары древков копий по обтянутым кожей жирафа боевым щитам, бряцание мечей, лязг огнестрельного оружия.

Издалека доносился вибрирующий плач омбейи – вырезанного из слоновьего бивня рожка суданских воинов. Фоном ему служил рокот сотен барабанов. Племена аборигенов двигались на восток, каждое возглавлял вождь или эмир, вместе с отрядом знаменосцев, барабанщиков и трубачей. Эмира тесным кольцом окружали мулазимины, его кровные братья и побратимы – телохранители. За ними следовали аггагиры. Хотя сейчас все это немыслимое скопище людей свел воедино объявленный божественным Махди джихад, испокон веков враждовавшие меж собой племена так и не научились доверять друг другу.

На боевых знаменах блестели вышитые золотом суры Корана и славословия Аллаху. Некоторые полотнища были так велики, что несли их, взявшись за углы, четыре человека. Тяжелая яркая ткань знамен и пестрые джиббы воинов резко выделялись на сером, безликом пространстве саванны.

– Какова, по-вашему, их численность? – спросил Бенбрук голосом завсегдатая скачек в Эпсоме.

– Это известно лишь Сатане, – покачал головой Райдер. – Отсюда им не видно ни конца ни края.

– Ну, скажем, тысяч пятьдесят?

– Больше. Куда больше.

– А где сейчас, интересно, сам Аталан?

– В каком-нибудь фургоне, думаю. – Кортни наклонился к подозрной трубе и всмотрелся в гущу алых и черных стягов. – Да вот же он, прямо перед нами!

– По-моему, вы говорили, что ни разу не встречались с ним лицом к лицу, – удивленно заметил Бенбрук.

– Это вовсе не обязательно. Смею вас уверить, я не ошибаюсь.

И действительно, горделивая стройная фигура на палевом коне не могла принадлежать никому другому.

В темной массе, перемещавшейся по противоположному берегу, внезапно произошло резкое движение. Сквозь мощную оптику Райдер видел, как Осман Аталан, приподнявшись в стременах, размахивает мечом. Вот он пустил лошадь в галоп, и мулазимины устремились за

эмиром навстречу небольшой группе всадников, приближавшихся к войску со стороны Омдурмана. На скаку телохранители восторженно палили в воздух из своих ружей. В облачках голубоватого дыма подобно звездам сверкали клинки и наконечники копий.

– Кому они так обрадовались? – озабоченно спросил консул.

Райдер чуть шевельнул колесико резкости и, узнав двух мужчин под зелеными тюбанами, воскликнул:

– Будь я проклят, если это не Махди и его халиф Абдуллахи! – Голос Кортни прозвучал почти пренебрежительно, однако его насмешка никого не обманула.

– Та-а-ак, – протянул Бенбрук. – С этой бандой головорезов дорога на север для нас закрыта. – В устремленном на дочерей взгляде консула светилась тревога. – Боюсь, выбраться отсюда уже не удастся.

Райдер понял, что спорить бессмысленно. Собеседники молча взирали на тех, в чьих обогранных человеческой кровью руках находилась судьба Хартума со всеми его жителями.

Воздев к небу обнаженный меч, Осман Аталан на полном скаку приближался к неподвижно сидевшему в седле Махди. Посланец Аллаха со спокойным величием взидал на мчащегося в облаке пыли всадника. Халиф Абдуллахи на белом жеребце держался чуть позади пророка.

Когда копыта Хулумайи вросли в землю, за несколько шагов до верховых, Аталан грозно потряхнул клинком.

– Во имя Аллаха и его пророка!

Лезвие, без счета разившее врагов и свирепых животных, покачивалось в дюйме от лица Махди. Тот безмятежно улыбнулся; меж верхних резцов обозначилась черная щель – фальшь.

Осман натянул поводья, заставив лошадь сделать круг, и умчался. За эмиром последовали его телохранители – паля в воздух из ружей. Ярдах в трехстах от пророка наездники перегруппировались, чтобы через мгновение вновь устремиться галопом к двум фигурам. За секунду до казавшегося неизбежным столкновения Аталан резко осадил кобылу.

– Нет Бога, кроме Аллаха! – вскричал он громовым голосом. – И Мухаммед – пророк его!

Всадники повторили свой маневр – раз, другой, третий. На пятом Мухаммед Ахмед поднял руку и негромко произнес:

– Господь милостив!

В то же мгновение Аталан соскочил с лошади, упал на колени и благоговейно поцеловал сандалию на ноге божественного посланца. Поступок этот означал, что теперь душа эмира полностью принадлежит высшему существу. Губы Махди растянулись в улыбке. От пророка исходил явственный аромат сандала и розового масла – этот запах называли «дыхание Махди».

– Рад, что ты решил привести своих аскеров и присоединиться к священной войне против турок. Поднимись же, Осман Аталан. Будь уверен, это зачтется. А сейчас мы вместе ступим в город Аллаха – Омдурман.

Скрестив ноги, божественный Махди сидел на плоской крыше своего дома, на низенькой кушетке, покрытой тканым из шелковых нитей ковром с раскиданными по нему подушками. От лучей солнца террасу защищал легкий навес, позволявший прохладному ветерку с реки обдувать крышу, откуда открывался великолепный вид на Нил и город Хартум. Над городскими постройками мрачно высилась уродливая громада форта Мукран.

Осман Аталан расположился напротив пророка, а возле кушетки на коленях стояла служанка с чашей воды, где плавали цветки олеандра. Разбрызгав вокруг себя несколько капель, Аталан произнес слова молитвы и скупым жестом отпустил невольницу. Тут же появилась вторая, поставив между мужчинами поднос с тремя серебряными кубками на высоких ножках – потиры эти аггагиры захватили в храме римской католической церкви в Эль-Обейде.

– Не хочешь ли утолить жажду, Осман? Ты проделал долгий путь, – низким голосом произнес Махди.

Эмир сдержанно улыбнулся:

– Благодарю за гостеприимство, но я вволю ел и пил на рассвете и теперь до захода солнца не приму больше пищи.

Пророк понимающе кивнул. Умеренность Аталана была ему хорошо известна. Махди особо ценил в людях преданность идеалам веры и чувства, заставляющие человека подавлять позывы своей плоти. В памяти его еще были слишком свежи воспоминания о времени, проведенном на острове Аббаса, хотя с той поры миновало уже три года. Подняв кубок, Махди сделал небольшой глоток. Разумеется, возлюбленный Аллахом не мог осквернить свои уста хотя бы каплей спиртного: освежающий напиток для него готовили из сока фиников и молотого имбиря.

Когда-то пророк был таким же стройным и мускулистым, как и сидевший напротив него воин. Но отшельничество давно закончилось. Теперь Махди стал духовным вождем нации, избранником Аллаха. Прежде он не признавал обуви и сознательно лишал себя мирских удовольствий. Всего годом ранее жители Судана с восхищением шептались, что Мухаммед Ахмед еще ни разу в жизни не испытал тех радостей, что дарит мужчине женское тело. Сейчас Махди никто не назвал бы девственником: его гарем состоял из сотен красавиц, добытых в результате многочисленных побед на поле брани. К нему первому приводили прекрасных пленниц. Эмиры и шейхи слали пророку в дар очаровательных в своей наивности девушек, и в силу высших политических соображений Мухаммед Ахмед никогда не оскорблял дарителей отказом. Количество жен и наложниц пророка перевалило за тысячу, но каждый день в гарем прибывали новые. Женщины завораживали, в их обществе Махди проводил почти все свободное время.

Наложницы теряли голову от его статной фигуры и тигриной грации, с которой Махди двигался, от исполненного внутренней силы лица, знаменитой фальши и улыбки, способной скрыть любые эмоции этого незаурядного человека. Женщинам нравился исходящий от пророка запах, их завораживало похожее на птицу родимое пятно на щеке пророка и заставляло трепетать его могущество и богатство: сокровищница в Бейт-эль-Мале была полна золотых слитков, драгоценных камней и банковских билетов чужестранцев. В гареме часто звучала песня: «Наш Махди – это солнце в небесах, это вода, струящаяся меж берегов Нила».

Отставив кубок, Махди протянул руку. Тут же одна из невольниц преклонила колени, чтобы вложить в нее горячую влажную салфетку. Мухаммед Ахмед приложил ее к губам, удаляя остатки шербега.

Позади него на такой же точно кушетке сидел халиф Абдуллахи – красивый мужчина с тонкими чертами и орлиным носом. Лицо его чуть портило множество мелких вмятинок, следов перенесенной оспы. Характером Абдуллахи походил на леопарда: натуре его были свойственны жестокость и коварство. Эмир Осман Аталан не боялся ни свирепых хищников, ни людей – за исключением тех двоих, что видел перед собой. Они заставляли его душу трепетать от благоговейного ужаса.

Поведя изящной, почти как у женщины, кистью, Махди указал на противоположный берег Нила. Одинокую стоявшую на парапете форта Мукран фигуру мог различить даже невооруженный взгляд.

– Это Гордон-паша, – процедил пророк. – Живое воплощение Сатаны.

– Я принесу вам его голову еще до начала праздника Рамадан, – отозвался халиф Абдуллахи.

– Если только тебя не опередят неверные. – Голос Махди звучал мягко и вкрадчиво. Повернув голову к Аталану, он добавил: – По докладам лазутчиков, армия неверных уже вышла в поход. Флотилия их судов движется по реке на юг в расчете спасти осажденного противника от моей справедливой кары.

– Но пока они вынуждены ползти со скоростью хамелеона, – уточнил Абдуллахи. – А вот стоит им миновать пороги, достичь излучины под Абу-Хамедом, и ветер станет для них попутным, да и встречное течение ослабнет. Тогда суда прибавят хода, раз, я думаю, в шесть. К Хартуму они подойдут еще до спада воды в реке, мы же не сможем атаковать город, пока Нил не отступит, чтобы открыть нам линию обороны Гордона-паши.

– Пошлешь половину своих воинов под водительством наиболее доверенных шейхов на север. Пусть остановят неверных на подходе к Абу-Клеа. – Махди в упор посмотрел на Аталана, и лишь усилием воли тот заставил себя выдержать пронизывающий взгляд. – Сумеешь доставить сюда уши моего врага, эмир?

– Он целиком будет в ваших руках, о благословенный Аллахом! Именем Всевышнего клянусь низвергнуть к вашим стопам Хартум со всеми его обитателями.

Глаза троих мужчин устремились через реку. Так охотящиеся львы смотрят на стадо мирных газелей.

Капитан Пенрод Баллантайн уже сорок восемь минут ждал в приемной консульства ее величества в Каире. Стрелки часов над дверью в кабинет генерального консула, казалось, застыли на месте. Слева от тяжелой двери на стене висел портрет королевы Виктории – августейшая особа была запечатлена в полный рост в день своей помолвки: цветущая юная женщина, увенчанная короной Британской империи. Справа от двери на посетителя смотрел портрет ее супруга Альберта, герцога Саксен-Кобург-Готского.

Баллантайн бросил взгляд в огромное, от пола до потолка, зеркало в золоченой раме, украшавшее стену напротив. Сходство собственного лица с чертами молодого принца-консорта наполнило душу гордостью, вполне естественной еще и потому, что герцог давно уже оставил юдоль мирской скорби, а сам Пенрод ощущал себя полным сил. Новенькие эполеты на плечах офицера и пуговицы его мундира значительно поблескивали золотом, высокие ботинки для верховой езды сияли, ноги обтягивали белоснежные лосины. На поясе – сабля, с левого плеча свисает доломан, перехваченный золотой цепью, под мышкой правой руки зажат высокий гусарский кивер. На груди пурпурная шелковая лента с орденом «За доблесть» – бронзовым крестом, на чеканку которого пошел металл, выплавленный из захваченных под Севастополем российских пушек. Более высокой воинской награды в империи не было.

В приемную неслышно ступил секретарь сэра Эвелина Беринга.

– Генеральный консул ждет вас.

Боясь нарушить великолепие мундира, все сорок восемь минут ожидания Пенрод стоял; складок на рукавах кителя и бриджах почти не было видно. Капитан надел кивер, еще раз взглянул в зеркало и, убедившись, что кокарда расположена прямо над переносицей, переступил порог кабинета.

Сэр Эвелин Беринг восседал за массивным рабочим столом, перебирая доставленные курьерской почтой депеши. Пенрод молодцевато отдал консулу честь. Занятый корреспонденцией, Беринг кивком подозвал офицера к столу. Секретарь бесшумно закрыл резную дверь.

Дипломат был официальным представителем интересов британского правительства в Египте и наделенным чрезвычайными полномочиями генеральным консулом ее величества в Каире. Фактически Эвелин Беринг являлся вице-королем, руководившим действиями верховного правителя Египта. Поскольку именно английские армия и флот спасли хедива в Александрии от полчищ разъяренных мятежников, древняя страна на деле перешла под протекторат британской короны.

По молодости лет хедив Тауфик-паша не мог противостоять консулу Берингу и могущественной империи, которую тот представлял. Уступив англичанам право властвовать, хедив

получил в обмен мир и спокойствие, напроочь забытые жителями Кемта⁹ со времен фараона Птолемея. В министерстве по делам колоний Эвелин Беринг считался одним из наиболее одаренных чиновников. Британский премьер Уильям Гладстон и его кабинет по заслугам ценили удивительную работоспособность и выдающиеся личные качества консула. Подчиненных Беринг держал в строгой узде и относился к ним со снисходительной покровительственностью. За глаза его именовали не иначе как Венценосцем.

Именно поэтому он подчеркнуто игнорировал Пенрода, пока тот читал донесения, делая пометки на полях своим золотым пером. Наконец он встал из-за стола и, оставив Пенрода в позе услужливого подчиненного, медленно приблизился к окну, откуда через реку открывался вид на Гизу и мрачные силуэты трех величественных пирамид, возвышавшихся на противоположном берегу.

«Чертов идиот, – подумал Беринг. – Втянул нас в эту вонючую дыру с протухшей рыбой». Он с самого начала противился назначению Китайца Гордона на должность, желая видеть на этом посту Сэма Бейкера, но Гладстон и военный министр лорд Хартингтон в конце концов одолели его. «В природе Гордона изначально заложена способность провоцировать всевозможные конфликты. Судан давно следовало оставить. Главная задача Гордона заключалась в том, чтобы поскорее вывести наших людей из этой обреченной земли, а не вступать в бессмысленную борьбу с сумасшедшим Махди и его дервишами. Я неоднократно предупреждал Гладстона о подобном исходе событий, но Гордон диктовал свои условия и фактически принудил премьер-министра и его кабинет повторно оккупировать Судан. Если бы не эти несчастные жители, которых он фактически загнал в ловушку, и не честь империи, нам следовало бы оставить Китайца Гордона в этом котле, чтобы он варился там в собственном соку».

Отвернувшись от окна и прервав размышления, которые навевали бессмертные пирамиды на другом берегу Нила, Беринг взглянул на лондонскую «Таймс», лежащую на его рабочем столе перед любимым креслом. С другой стороны, приходится учитывать мнения насмерть перепуганных сентиментальных обывателей, которыми так ловко манипулируют хитроумные представители прессы.

Он уже на память мог процитировать передовицу из этой газеты: «Нам известно, что генерал Гордон со всех сторон окружен враждебными племенами и напроочь отрезан от какого бы то ни было сообщения с Каиром и Лондоном. Учитывая эти обстоятельства, палата общин имеет все основания спросить правительство ее величества, намерено ли оно предпринять хоть какие-то меры по его спасению. Или будет и впредь равнодушно взирать на судьбу человека, призванного решить все его проблемы и брошенного на произвол судьбы. Неужели оно не в состоянии предпринять хотя бы какие-то шаги во спасение этого человека?» Именно так высказался 16 марта 1885 года Рэндолф Черчилль в палате общин. Чертовы демагоги! Беринг недовольно зыркнул на капитана.

– Баллантайн, я хочу, чтобы вы немедленно вернулись в Хартум. – Он впервые обратился к Пенроду с тех пор, как тот переступил порог его кабинета.

– Разумеется, сэр, – мгновенно отреагировал тот. – Я отправлюсь туда через час. – Он прекрасно понимал, что единственным словом, ласкающим слух этого всемогущего властителя Египта, было «да».

Беринг позволил себе слабо улыбнуться, что означало безусловное одобрение. Его ум простирался до неведомых пределов и предугадывал всевозможные последствия, коренившиеся в самых потаенных глубинах египетского общества – от верхних правительственных чинов и военных кругов до тайных помыслов фанатично религиозных мулл в мусульманских мечетях и христианских епископов в кафедральных соборах и монастырях коптской церкви. Он имел

⁹ *Кемт*, Кемет – так в древности называли свою страну египтяне.

своих агентов во дворцах хедива и гаремах пашей, на шумных базарах, в уютных чайных и в самых разнообразных общинах как крупных городов и мелких селений.

Пенрод был всего лишь крошечным головастиком в гнилом болоте интриг, в мутной воде которого сэр Эвелин Беринг ловил крупную рыбу искусно расставленными сетями. Однако с некоторых пор он начал ощущать некоторую симпатию к этому парню. За аристократической внешностью красивого человека он обнаружил яркий, чрезвычайно живой ум и необыкновенно развитое чувство долга – его собственный портрет в этом возрасте. Его семейство было безупречным во всех отношениях. Старший брат – баронет проживал в большом поместье на границе с Шотландией. Сам же Пенрод Баллантайн имел весьма значительный доход из семейного трастового фонда, а пурпурная лента на его груди свидетельствовало о храбрости. Более того, этот парень успел уже продемонстрировать недюжинные способности разведчика. Нет никаких сомнений, что он медленно, но настойчиво создает себе репутацию весьма ценного сотрудника – разумеется, не незаменимого, поскольку таковых просто нет в природе, а именно ценного. Возможно, единственная слабость, которую Беринг успел обнаружить в этом человеке, таилась в его брюках.

– По известным причинам я не могу дать вам письменных распоряжений, – сказал он.

– Разумеется, сэр.

– Одно сообщение предназначено генералу Гордону, а другое – Дэвиду Бенбруку, британскому консулу. Эти послания вы ни в коем случае не должны перепутать. Они могут показаться вам в высшей степени противоречивыми, но вас это не должно волновать.

– Да, сэр. – Пенрод давно понял, что Беринг всецело доверял Бенбруку, считая его довольно бесхитростным и не слишком умным, и вовсе не доверял Китайцу Гордону, видя в нем совершенно противоположные качества.

– Вот что вы должны передать им обоим... – И Беринг в течение получаса говорил, не заглядывая в бумаги и останавливаясь лишь для того, чтобы перевести дыхание. – Вы все поняли, Баллантайн?

– Понял, сэр.

«Одно из бесценных качеств этого парня, – подумал Беринг. – Никому и в голову не придет, что за холеной внешностью и аристократическими чертами скрывается столь глубокий ум, позволяющий ему с первого раза запомнить весьма пространное и довольно сложное сообщение, а потом практически дословно передать его нужному человеку месяц спустя».

– Очень хорошо, – спокойно произнес он. – Но вы должны непременно доказать генералу Гордону, что правительство ее величества не имеет намерений вновь завоевывать Судан. В настоящее время британская армия поднимается вверх по Нилу и не располагает достаточными силами для подобной операции. Это не оккупационная армия, а спасательное подразделение, обладающее минимальной вооруженной силой. Главная цель этого формирования – внедрить передовой отряд регулярных войск в Хартум и взять под контроль защитников города, чтобы своевременно эвакуировать оттуда наших людей. Как только эта задача будет выполнена, мы немедленно покинем этот город дервишей и уберемся восвояси.

– Я понимаю, сэр.

– Передав сообщение Бенбруку и Гордону, вам надлежит вернуться на север и присоединиться к отряду Стюарта. Вы проведете его через излучину Нила к тому месту, где в Метемме вас будут ждать пароходы Гордона, чтобы переправить отряд вверх по реке. При этом постарайтесь поддерживать со мной постоянный контакт, используя наши обычные коды.

– Разумеется, сэр Эвелин.

– Очень хорошо. Майор Адамс из штаба генерала Уолсли ожидает вас на втором этаже. Насколько я знаю, вы уже знакомы.

– Да, сэр. – Конечно, Беринг хорошо знал, что Пенрод получил свой крест Виктории за спасение Сэмюэла Адамса во время кровопролитного сражения под Эль-Обейдом.

– Адамс предоставит вам более подробную информацию и снабдит всем, что может понадобиться в пути. Сегодня вечером вы можете сесть на пароход Кука, и во вторник в полдень будете в Асуане. Далее вам придется продолжить путь самостоятельно. Как далеко оттуда до Хартума, Баллантайн? Вы уже не раз проделывали столь опасное путешествие.

– Это зависит от условий в пустыне Матерь Камней. Если колодцы еще сохранились, сэр, – сухо ответил Пенрод, – я могу сократить извилистый путь вдоль реки и достичь Хартума через двадцать один день. В противном случае путешествие может растянуться на двадцать шесть дней.

Беринг молча кивнул.

– Постарайтесь уложиться за двадцать дней, а не за двадцать шесть. Сделайте все возможное. – С этими словами консул отпустил его, даже не пожав на прощание руку.

Не успел Пенрод дойти до двери, как тот уже полностью погрузился в свои депеши. Берингу было совершенно безразлично, нравится он людям или нет. Главное, чтобы они хорошо делали свою работу.

Полковник Сэм Адамс рад был снова увидеть Пенрода. Сейчас он передвигался с помощью только одной палки.

– Хирург-костоправ говорит, что к Рождеству я снова смогу играть в поло. – При этом он даже словом не обмолвился о долгом и мучительном путешествии с поля боя под Эль-Обейдом. Все, что можно было сказать по этому поводу, давно сказано. И тем не менее Адамс с нескрываемым восхищением смотрел на бронзовый крест на груди Пенрода.

Капитан быстро составил зашифрованную телеграмму офицеру-разведчику, который находился в авангарде отряда, направлявшегося к месту сбора в Вади-Хальфе, что в восьмистах милях вверх по Нилу. Адьютант Адамса отнес ее телеграфисту на первый этаж и вскоре вернулся с подтверждением, что телеграмма отправлена и получена адресатом. После этого майор Адамс пригласил Пенрода отобедать в отеле «Шепардс», но тот деликатно отказался, сославшись на срочные дела. Он ушел сразу, как получил все необходимые для путешествия бумаги. Конюх держал его боевого коня у ворот, и через полчаса быстрой езды по берегу реки он уже был в Гезира-клубе.

Леди Агата ждала его на «Женской веранде». Она была младшей дочерью герцога и в свои двадцать лет имела ежегодный доход в размере двадцати тысяч, а ее крестным отцом являлся виконт Уолсли – главнокомандующий британской армии в Египте. Помимо всего прочего, она была весьма симпатичной блондинкой, изящной и в высшей степени утонченной особой, но в то же время несносным существом для любого претендента на ее руку.

– Я бы предпочел иметь дело с какой-нибудь трипперной француженкой, нежели с леди Агатой, – услышал Пенрод сальную шутку в баре отеля «Шепардс» и не знал, как реагировать на эти слова – рассмеяться в ответ или вызвать шутника во двор для выяснения отношений. В конце концов он просто угостил его выпивкой.

– Вы опоздали, Пенрод, – сказала она, покачиваясь в кресле-качалке и недовольно хмуря брови, когда он поднимался из сада вверх по ступенькам. Капитан поцеловал ей руку и посмотрел на большие настенные часы, висевшие над входом в столовую. Она перехватила его взгляд. – Иногда десять минут кажутся вечностью.

– К сожалению, дела, моя дорогая. Интересы королевы и государства.

– Какая жуткая тоска. Дайте мне бокал шампанского.

Пенрод поднял голову, и в тот же миг, как джинн из волшебной лампы, откуда-то появился слуга в длинном белом одеянии – галабее – и феске с кисточкой.

Агата пригубила шампанское.

– В эту субботу Грейс Эверингтон выходит замуж.

– Так неожиданно?

– Ничего неожиданного, как раз вовремя. Пока все еще не слишком заметно.

– Надеюсь, она с радостью ожидает этого момента.

– Нет, сказала мне, что очень недовольна, но отец просто озверел и требует непременно пройти через это. Честь семьи. Разумеется, торжество готовится втайне, без лишнего шума, но мне удалось получить для тебя приглашение, так что сможешь меня сопровождать. Полагаю, будет чрезвычайно любопытно понаблюдать, как она станет его дурачить и изворачиваться.

– Мне очень жаль, но, боюсь, к этому времени я буду очень далеко.

Агата мгновенно выпрямилась в кресле, как стальная пружина.

– О господи! Нет! Только не сейчас. Не так быстро.

Пенрод пожал плечами:

– Мне не оставили выбора.

– Когда же ты должен уехать?

– Через три часа.

– И куда они посылают тебя на этот раз?

– Вы и сами хорошо знаете, куда именно.

– Ты не можешь уехать, Пен. Завтра вечером в австрийском посольстве большой прием, и по этому случаю я приготовила новое платье.

Пенрод снова пожал плечами.

– И когда же ты вернешься?

– Это известно только здешним ветрам.

– Три часа, – тихо сказала она и поднялась с кресла. Это движение привлекло к себе внимание всех слуг, находившихся на веранде. – Идите! – скомандовала Агата.

– Обед? – удивился он.

– Вовсе нет. – Она направилась в апартаменты, которые ее семейство постоянно снимало в отеле «Шепардс», и Пенрод послушно пошел следом. Когда дверь номера закрылась за ними, она бросилась к нему на шею, как кошка на клубок с шерстью, – игриво, грациозно и искренно. Он легко подхватил ее на руки и понес в спальню.

– Живо! – приказала она. – Но не слишком быстро.

– Я офицер ее величества, а приказ есть приказ.

...Леди Агата, соблазнительно растянувшись на постели, словно приглашая полюбоваться собой, молча наблюдала, как он одевается. – Ты все равно не найдешь ничего лучше этого, Пенрод Баллантайн, – игриво улыбнулась она, приподнимая упругие груди – белоснежные и несоразмерно большие по сравнению с осиной девичьей талией, – и сжала пальцами соски, отчего он застыл на мгновение, наблюдая за ней. – Видишь? Они действительно тебе нравятся. Когда ты на мне женишься?

– О! Неужели мы не можем обсудить этот вопрос чуть позже?

– Ты невыносимое чудовище... – Она соблазнительно теребила кудряшки внизу живота. – Мне погладить себя в этом месте? Арабские девушки так делают.

– Ваша осведомленность в таких вещах, несомненно, превосходит мои скромные познания.

– Я слышала, тебе нравятся арабские девушки.

– Иногда вы просто обворожительны, леди Агата, но порой такой не кажетесь. То ведете себя как истинная леди, то являетесь ее полной противоположностью. – Он набросил на плечо доломан, пристегнул к краю мундира, поправил золотую цепь и повернулся к двери.

Она взлетела с кровати как раненый леопард, и он едва успел защитить лицо от острых ногтей, готовых вонзиться ему в глаза, но, к счастью, вовремя перехватил ее руки. Тогда она попыталась укусить его, щелкнув зубами возле самого носа, но Пенрод отпрянул и уберечь важную часть своего облика. Ухватив за плечи, он оттолкнул ее, но Агата попыталась ударить его коленом в пах, и тогда он повернул ее к себе спиной и согнул пополам. Женщина оказалась

бессильной что-либо предпринять и пошла на хитрость. Крепко прижавшись упругим задом, она ощутила его нарастающее возбуждение и томно застонала, празднуя победу над противником. Она больше не сопротивлялась и, медленно опустившись на колени, высоко подняла ягодицы, подобные половинкам полной луны. Раздвинув бедра, Агата явила розовые тайники своего тела и иступленно прошипела:

– Ненавижу тебя!

Пенрод опустился на колени позади нее – в сапогах, полном обмундировании и с саблей на боку, судорожно расстегнул военные бриджи, и Агата невольно вскрикнула, когда он резко вошел в нее. Едва все закончилось, капитан вскочил на ноги, а она осталась лежать на полу, цепляясь за его сапоги.

– Почему ты всегда знаешь, что я хочу получить от тебя? Откуда тебе известно, что нужно сказать и когда именно? Те ужасные слова, которыми ты обозвал меня минуту назад, действовали как острый перец, посыпанный на сладкие кусочки манго. И просто свели меня с ума. Откуда ты все это знаешь?

– Кто-то назвал бы это гениальной прозорливостью, но я слишком скромнен, чтобы согласиться с подобным утверждением.

Она посмотрела на него снизу вверх – волосы спутаны, щеки горят лихорадочным румянцем.

– Скажи мне это еще.

– Вы заслужили эти грязные слова, но на первый раз достаточно. – Он снова направился к двери.

– Когда ты вернешься?

– Может, скоро, а может, и никогда.

– Ты скотина, ненавижу тебя! Ненавижу больше всего на свете!

Но он уже скрылся за дверью.

Три дня спустя Пенрод сошел с трапа быстроходного парохода, причалившего к пристани Асуана. Он был в тропической униформе цвета хаки без каких бы то ни было знаков различия и своих многочисленных наград. Гусарский кивер он благоразумно поменял на пробковый шлем с широкими краями. Поблизости толкались еще около пятидесяти солдат и офицеров примерно в таком же облачении, поэтому он не вызвал к себе никакого внимания. Оборванный носильщик в замасленном тюрбане подхватил его багаж и побежал впереди по узким и грязным улочкам старого города. Пенрод старался не выпускать его из виду, энергично работая длинными ногами.

Когда они приблизились к воротам, врезанным в загаженную стену в самом конце узкой извилистой аллеи, Пенрод бросил носильщику пиастр и подхватил сумку. Затем потянул вниз длинный шнур звонка и прислушался к знакомым звукам. Через некоторое время за воротами послышались мягкие, почти беззвучные шаги и хриловатый голос:

– Кто там трезвонит? Мы бедные, забытые Богом вдовы и ничем не можем помочь.

– Отрывай дверь, привратница рая, – шутливо сказал Пенрод, – да поживее, пока я не вышиб ее ногой.

На мгновение за воротами воцарилась мертвая тишина, неожиданно взорвавшаяся смехом и лязгом металлических засовов. Через секунду ворота с треском распахнулись и на пороге появилась древняя, похожая на черепашью, голова, наполовину прикрытая вдовьей вуалью. Широкая ухмылка обнажила два кривых зуба.

– Эфенди! – радостно воскликнула старая женщина, и от улыбки морщины на ее лице обозначились глубже. – Господин тысячи достоинств!

Пенрод переступил порог и обнял ее.

– Ах ты, бесстыдник, – игриво запротестовала старушка, не скрывая удовольствия. – Подвергаешь опасности мою добродетель.

– Я опоздал лет на пятьдесят, чтобы насладиться этим плодом. Где же твоя госпожа?

Старая Лайла многозначительно посмотрела в другой конец двора, где в самом центре сада небольшой фонтан струил воду Нила в крохотный бассейн. Вокруг этого маленького водоема величественно возвышались статуи древних египетских фараонов – Сети, Тутмоса и великого Рамзеса, извлеченные из вековых гробниц какими-то разорителями могил еще в незапамятные времена. Пенрода всегда удивляло, что эти бесценные сокровища выставлены здесь в таком неприглядном окружении.

Капитан быстро зашагал через двор, с трудом подавляя охватившее его волнение. Сердце стучало так часто, что только сейчас он понял, с каким нетерпением ожидал этой встречи. Приблизившись к изрядно потрепанной шторе, отделявшей жилое помещение от двора, он застыл на мгновение, пытаясь взять себя в руки, затем решительно отдернул ее и вошел внутрь. С первого шага его окутал сумрак внутреннего пространства, но когда глаза привыкли к темноте, из дальнего конца дома выплыла смутная фигура необыкновенно стройной женщины в легкой, почти прозрачной накидке, украшенной золотым шитьем. Ее руки и ноги сверкали золотыми украшениями. Она грациозно приблизилась к нему, тихо ступая по ковру босыми ногами, и учтиво поклонилась, коснувшись кончиками пальцев губ, а потом сердца.

– Господин мой! – прошептала она, низко склоняя голову в рабской покорности. – Повелитель моего сердца.

Он поднял вуаль и пристально посмотрел ей в глаза.

– Ты прекрасна, Бахита!

Она засияла от этих слов всеми красками своего восточного великолепия, в сотни раз приумножая природную красоту, медленно подняла голову и посмотрела на него такими ясными, искрящимися глазами, что, казалось, осветила мрачную комнату.

– Прошло всего лишь двадцать шесть дней, но мне казалось, будто вся моя жизнь, – тихо молвила она столь мелодично, что голос ее зазвенел подобно струнам волшебной арфы под умелыми пальцами опытного музыканта.

– Ты считала все эти дни? – удивился он.

– Не только дни, но и часы, – потупила она взор. Ее щеки мгновенно окрасились румянцем, а длинные ресницы на мгновение прикрыли стыдливо опущенные глаза.

– Ты знала, что я приеду? – еще больше удивился он. – Каким образом, если я и сам ничего не ведал?

– Мне подсказало сердце – подобно ночи, предсказывающей наступление рассвета. – Она коснулась его лица, как обычно делают слепые от рождения люди, чтобы кончиками пальцев запомнить важные для себя детали. – Ты голоден, мой господин?

– Я изголодался по тебе, – ответил он.

– Испытываешь жажду, мой господин?

– Да, как затерявшийся в пустыне странник, неожиданно наткнувшийся на благословенный источник после семи дней палящего солнца и изнурительной жары.

– Пойдем, – прошептала она и, взяв его за руку, повела в дальнюю комнату, посреди которой стоял ангареб.

Пенрод заметил, что лежавшая поверх кровати простыня выстирана, тщательно отутюжена и бела, как соленое озеро Шокра. Женщина опустилась перед ним на колени и медленно сняла с него униформу. А когда он остался в чем мать родила, поднялась и отступила назад, чтобы полюбоваться его обнаженным телом.

– Ты принес мне бесценное сокровище, мой господин, – сказала Бахита, прикоснувшись к нему рукой. – Скипетр из слоновой кости, увенчанный твоим мужским достоинством.

– Если это сокровище, то покажи, что ты приготовила для меня взамен.

Ее обнаженное тело отливало лунным светом, а упругие груди тяжело покачивались при каждом движении. Соски, большие, как налившийся соком виноград, и такие же темные. На бедрах лишь тонкая золотая цепочка, а живот округлый, удивительно гладкий, как тщательно отполированный кусок гранита, вырубленный из глубокой каменоломни. Ее руки и ноги украшал причудливый орнамент, выполненный хной.

Она распустила темные локоны и легла рядом с ним на толстый матрас. Какое-то время он жадно пожирал ее глазами, а потом стал поглаживать упругое тело кончиками пальцев. Она медленно двигалась, повинаясь его приказам, и вскоре не осталось ни единой части тела, скрытой от него.

– Твое лоно настолько прекрасно, настолько бесценно, что Аллаху следовало бы поместить его на лбу ревущего льва, чтобы только самый храбрый и достойный мог обладать им. – В его голосе не слышалось удивления. – Оно похоже на созревшую смоковницу, раскрывшуюся под лучами теплого солнца и истекающую сладким соком.

– Оно готово к пиршеству твоего сердца, как сладчайший плод моей любви, дорогой господин, – нежно прошептала она.

Вскоре они уже спали, крепко обнявшись и охлаждая друг друга собственным потом. Старая Лайла принесла им вазу с финиками и гранатами и кувшин с лимонным шербетом. Они уселись на кровати лицом друг к другу, скрестив ноги, и Бахита начала свой рассказ. Ей многое предстояло поведать ему, поскольку немало важных событий произошло за это время на юге, в Намибии и далеко за ее пределами. Почти все арабские племена находились в постоянном движении, когда назревшие перемены способствовали формированию новых союзов и разрывали веками существовавшие связи. А в центре всей этой межплеменной сумятицы восседали сам Махди и его халиф – два ядовитых паука в сердцевине свитой ими паутины.

Бахита была старше Пенрода на три года и успела побывать первой женой одного процветающего торговца зерном, но так и не смогла родить ему ребенка. Тогда ее муж взял себе еще одну жену, помоложе, – невзрачное существо с широкими бедрами, словно специально приспособленными для производства детей. Через десять месяцев она родила ему сына и с тех пор стала помыкать мужем, всю используя свое положение в семье. Правда, поначалу он пытался противиться, не без оснований считая Бахиту более умной и рассудительной женщиной, благодаря которой фактически удвоил свои доходы за последние пять лет. Однако в конце концов мать его сына взяла верх, и тогда с нескрываемым сожалением он произнес страшные для нее слова: «Талак! Талак! Талак! Я развожусь с тобой». Таким образом, Бахита была выброшена мужем в ужасное пекло исламского мира, населенного стареющими вдовами и разведенными молодыми женщинами.

Единственным способом выжить в этом страшном мире было найти себе старого мужа с многочисленными женами, нуждавшимся в покорной рабыне, которой не требовалось платить деньги. Или продавать себя в качестве игрушки всем желающим мужчинам. Но за то короткое время, что Бахита провела с мужем, помогая ему в торговых делах, она приобрела необходимые навыки и на сэкономленные деньги стала скупать у бедуинов и бездомных сирот разнообразные керамические изделия и поврежденные временем изображения древних божеств, которые те находили на старых развалинах и в песках высохших рек. Затем приводила весь этот хлам в порядок и продавала белым туристам, которые поднимались сюда на пароходах вверх по реке из дельты Нила.

А поскольку она всегда устанавливала справедливую цену, довольствовалась весьма скромным доходом и никогда не нарушала обещаний, то вскоре многочисленные копатели древних могил стали приносить ей старинные изделия из фарфора и керамики, религиозные статуэтки, разнообразные амулеты и изображения жуков скарабеев, которые и по прошествии четырех тысяч лет выглядели на редкость совершенными произведениями искусства. Кроме того, она научилась расшифровывать иероглифы древних египетских жрецов, украшавшие

многие антикварные предметы, а также замысловатые древнегреческие и древнеримские надписи, появившиеся после них. Это была эпоха Александра Великого, царей династии Птолемеев, Юлия Цезаря и Октавиана Августа.

Вскоре она приобрела репутацию знатока древностей, и многие люди приходили к ней, чтобы продать какую-нибудь вещь или просто поболтать в небольшом, но уютном саду. Некоторые гости, совершавшие трудные путешествия из верховьев Нила за пределами Экваториальной Гвинеи и Суакина, приносили с собой массу интересных сведений, не менее ценных, чем многочисленные экзотические товары и антикварные вещи. При этом люди говорили гораздо больше, чем следовало, но были настолько очарованы ее красотой и умом, что мгновенно теряли осторожность и делились самыми сокровенными мыслями. Разумеется, ее женские чары пленяли их, но заполучить красавицу никто не мог, поскольку она больше никому не доверяла после того, что сделал с ней некогда верный и преданный муж.

Бахита хорошо знала, что происходит в селениях на побережье великой реки и в окружающих ее пустынях. Она знала, когда шейх арабского племени джаалин напал на деревню Бишарин и сколько верблюдов там украл; сколько рабов отослал в Хартум Зубейр-паша и сколько пошлин и взятков он дал египетскому губернатору этого города. Она пристально следила за интригами при дворе императора Иоанна в горной Абиссинии и за торговыми рынками в портах Суакина и Адена.

А в один прекрасный день в ее саду появился мальчуган в грязной оборванной одежде и предложил странную монету, завернутую в такую же грязную тряпку. Ничего подобного Бахита никогда прежде не видела. Монета была массивной и приятно отягощала ладонь высококачественным золотом. На лицевой стороне ее была изображена женщина с короной на голове, а обратную сторону украшала фигура возничего с лавровым венком. Поверхность монеты была настолько ровной и чистой, что казалось, ее отчеканили только вчера.

Бахита без особого труда прочитала сопровождавшие изображения надписи. На лицевой стороне оказалась Клеопатра, а на обратной – Марк Антоний. Она оставила у себя эту драгоценную монету и никому ее не показывала, пока в ее магазин не пришел один человек. Это был европеец, в профиль настолько похожий на изображенного на монете Марка Антония, что Бахита дар речи потеряла от неожиданности. А когда пришла в себя, они немного поговорили в присутствии Лайлы, которая зорко присматривала за гостем, словно опытная няня, сопровождающая невинную девушку. Незнакомец прекрасно говорил на литературном арабском языке и вскоре уже не казался ей чужестранцем. Она почему-то доверилась этому человеку, даже толком его не зная.

– Я слышал, вы мудрая женщина, обладающая многими достоинствами, – осторожно начал он. – И у вас могут быть для продажи редкие и прекрасные вещи.

Бахита под каким-то предлогом отослала Лайлу и, налив гостю еще одну чашку крепкого черного кофе, наконец-то сняла вуаль, чтобы он мог видеть ее лицо. Он вздрогнул от неожиданности и долго смотрел на нее, словно узнавая знакомые черты. Они продолжали неторопливый разговор, но в воздухе повисло странное напряжение, словно первое дуновение хамсина, предвещающего грозу.

Бахита долго боролась с искушением продемонстрировать незнакомцу свое сокровище и в конце концов решилась. Положив на ладонь тяжелую монету, он разглядывал ее, взвешивал на руке, всматриваясь в изображения на обеих сторонах, а потом тихо сказал:

– Это наша монета. Ваша и моя. – Она молча наклонила голову, а он продолжил: – Простите великодушно, я вас обидел.

Она подняла голову, убрала вуаль, чтобы он видел ее глаза, и едва слышно прошептала:

– Вы не обидели меня, эфенди.

– Зачем же эти слезы?

– Я заплакала, потому что вы сказали истинную правду. И я плачу от радости.

- Вы хотите, чтобы я ушел?
- Нет, я хочу, чтобы вы оставались здесь столько, сколько пожелает ваше сердце.
- Это может быть очень долго.
- Пусть так, если на то будет воля Господня, – смиренно согласилась она.

В последовавшие после первой встречи годы она дала ему все, на что способна женщина в ее положении, в ответ не требуя больше, нежели он мог дать ей по доброй воле. Разумеется, она прекрасно понимала, что рано или поздно он оставит ее, будучи намного моложе и прибыв из другого мира, куда она не могла за ним последовать. А он ничего ей не обещал. Во время их первой встречи он сказал: «Это может быть очень долго», но не сказал «навсегда». Поэтому Бахита даже не пыталась обременять его бессмысленными клятвами и обещаниями. Неизбежность конца добавляла страсти ее любви, и без того сладкой, как мед, и горькой, как дикая дыня в знойной пустыне.

В тот день она поведала ему обо всем, что узнала за те двадцать шесть дней, что прошли с момента их последней встречи. Он внимательно слушал, иногда задавал вопросы, а потом все тщательно зафиксировал на пяти страницах своей дорожной записной книжки. При этом он даже не заглядывал в шифровальную тетрадь, поскольку наизусть выучил код, предоставленный в его распоряжение сэром Эвелином Берингом.

Старая Лайла набросила на голову вдовью накидку и выскользнула на улицу, спрятав под нижним бельем текст зашифрованного послания. Сержант охраны британской военной базы давно уже знал ее и имел строгий приказ офицера разведслужбы незамедлительно препроводить в здание командования. В течение часа послание передали по телеграфу в Каир. На следующее утро оно было расшифровано чиновником консульства и легло на серебряный поднос генерального консула, когда тот вошел в свой кабинет после завтрака.

Отправив Лайлу с секретным донесением на военную базу, Бахита вернулась к Пенроду, опустилась рядом с ним на колени и стала подстригать его бакенбарды и усы. Она работала легко, быстро, с ловкостью опытного парикмахера, и вскоре модные бакенбарды исчезли, придав ему вид бедного арабского феллаха. Затем она перешла к пышной шевелюре и со слезами на глазах обкорнала ее до неузнаваемости.

– Ничего страшного, голубка моя, – пытался успокоить ее Пенрод, проводя рукой по стриженной голове, – они скоро снова отрастут.

– Это словно убийство собственного ребенка, – прошептала Бахита сквозь слезы. – Ты был так прекрасен.

– И непременно таковым и останусь, – заверил он.

Бахита направилась в дальний угол комнаты и собрала лежавшую на полу униформу.

– Я даже Лайле не позволю прикасаться к твоей одежде и постираю ее своими руками, – пообещала она. – Одежда будет ждать твоего возвращения, но, конечно же, не так страстно, как я.

После этого женщина принесла из чулана большую дорожную сумку, в которой хранила мятые и покрытые жирными пятнами лохмотья – в них он недавно путешествовал на юг. Вынув из сумки грязный тюрбан, она осторожно надела его на стриженую голову Пенрода. А тот тем временем повесил на пояс кожаный кошелек, сунул в легкую кобуру служебный револьвер, а под одеждой скрыл острый кинжал с изогнутым лезвием. Осталось лишь сунуть ноги в грубые сандалии из верблюжьей кожи и отправиться в путь.

– Да хранит тебя Господь, добрая женщина, – шутливо сказал он и отвесил низкий поклон.

И Бахита в который раз с удивлением обнаружила, как быстро и легко он превратился из бравого гусара в покорного крестьянина, из эфенди – в феллаха.

Портовый мастер скользнул взглядом по военному пропуску и записал его в группу портовых грузчиков, ожидавших следующего на юг страны судна с боеприпасами. Это навело Пенрода на мысль, стоит ли предпринимать такие меры предосторожности, если его столь легко узнать. Впрочем, практически все темнокожие грузчики в этих грязных портах так или иначе симпатизировали дервишам. Кроме того, он был слишком заметным и известным человеком в этих краях, поскольку его героические похождения под Эль-Обейдом обросли всяческими слухами и легендами, стали притчей во языцех и фактически единственным позорным пятном на блестящей победе Махди и его халифов. Бахита успела предупредить, что одно только упоминание его имени по всему побережью вызывает у местных жителей ярость и проклятия.

Пароходный груз состоял преимущественно из военных запасов, предназначенных для нужд армии, которая дислоцировалась в городке Вади-Хальфа, готовясь к дальнему походу вверх по реке. Загрузка судна продолжалась всю ночь и большую часть следующего дня. Давно уже Пенроду не приходилось так каторжно трудиться. Малейшая остановка, чтобы перевести дух, расправить ноющую от боли спину или просто смахнуть пот с лица, немедленно вызвала резкий удар кнута одного из надсмотрщиков. От него потребовались немалая выдержка и мужество, чтобы терпеливо сносить побои и не дать волю сжатым до боли кулакам. По мере загрузки большим количеством армейской амуниции судно все ниже опускалось в воду, а когда на рассвете медленно покинуло порт и вышло на водную гладь реки, упрямо рассекая невысокие волны, на его борту оставалось не более пары футов свободного пространства.

Пенрод нашел местечко между ящиками и растянулся там во весь рост, сунув под мышки ноющие от боли ладони. Тело пронизывала острая усталость, а мышцы, казалось, вот-вот лопнут от напряжения. Порт Вади-Хальфа находился не очень далеко, но идущее против течения с тяжелым грузом судно вряд ли доберется туда менее чем за двадцать часов. Большую часть пути Пенрод проспал, и когда на следующее утро пароход наконец пришвартовался в порту назначения, хорошо отдохнул и полностью восстановил свои силы. В акватории порта уже стояли на якорях четырнадцать более крупных пароходов. На южном берегу реки был разбит большой лагерь с длинными рядами белых палаток и высокими грудями армейских ящиков. Лодки и катера уже доставляли на пароходы одетых в армейскую форму солдат.

Сэр Эвелин Беринг весьма детально описал ему план спасательной операции. В этом месте река как бы раздваивалась, уходя обеими рукавами на юг. Пароходная флотилия готовилась к длительному переходу вдоль западного побережья реки. На этом пути ей предстояло преодолеть три сложных и весьма опасных участка, и все это время пароходы должны продвигаться с максимальной осторожностью, чтобы не напороться на острые скалы в бурлящем потоке мутной воды.

А по берегу Нила до Метеммы должна двигаться воинская колонна, где ее посадят на четыре небольших парохода Китайца Гордона и доставят в Хартум, чтобы усилить оборону города до подхода основных спасательных сил.

Грузовое судно протиснулось к берегу, и портовые грузчики сразу же спустились вниз, чтобы приступить к разгрузке. Пенрод сошел на берег одним из первых и в очередной раз удивился, когда офицер охраны незамедлительно пропустил его, бросив быстрый взгляд на пропуск. Он пересек лагерь и вскоре оказался перед контрольно-пропускным пунктом на военную базу спасательного отряда.

Четыре подразделения под командованием генерала сэра Герберта Стюарта уже всю занимались военными упражнениями, готовясь на плацу к весьма длительной экспедиции вглубь страны. Но до окончательного решения из Лондона о сроках отправки могло пройти несколько недель, а то и месяцев.

Вероятно, сержант охранного отряда уже был надлежащим образом проинформирован о прибытии Пенрода, поскольку ничуть не удивился, когда к нему обратился араб в грязной

одежде портового грузчика и на понятном армейской жаргоне потребовал немедленно препроводить его в палатку адъютанта.

– А, Баллантайн! – радостно воскликнул майор Кенвик, пожимая ему руку, но при этом стараясь не прикасаться к грязному арабскому облачению. – Я получил телеграмму от майора Адамса из Каира, но ожидал, что вы доберетесь к нам через три-четыре дня.

Как и большинство старших офицеров, он был в восторге от легендарного коллеги, но при этом с трудом скрывал зависть к его быстрой карьере. Такие люди обычно не боятся высываться там, где свистят пули, если, конечно, это сулит им быстрое продвижение по службе.

– Благодарю вас, майор, – сдержанно ответил Пенрод. – Вы, случайно, не знаете, где сейчас находятся мои люди?

– Еще бы мне не знать! Тем более что ваш сержант без колебаний принял от меня пять самых лучших верблюдов. Если бы я не настоял на этом, он бы отправился в пустыню без необходимых припасов.

– В таком случае, сэр, я должен незамедлительно тронуться в путь, если вы, конечно, не против.

– Так быстро? А я-то надеялся составить вам компанию и посидеть немного сегодня вечером.

Пенрод видел, что собеседник просто сгорает от любопытства по поводу столь загадочного визита.

– Сожалею, сэр, но у меня слишком мало времени.

– В таком случае, может, увидимся в Хартуме? – продолжал настаивать адъютант.

– О, сомневаюсь, – отмахнулся Пенрод. – Предлагаю встретиться в Гезира-клубе после завершения этой маленькой операции.

Сержант аль-Саада уже ждал его в колонне верблюдов. Их встреча была прохладной и подчеркнута официальной, поскольку в этот момент за ними могли следить десятки любопытных глаз. Должна же существовать хоть какая-то социальная дистанция между сержантом Королевских вооруженных сил и арабским феллахом в грязном тюрбане! Они оседлали верблюдов и направились в пустыню, причем Пенрод следовал за сержантом на весьма энергичной верблюдице серой масти. Она так и рвалась из-под него, а сердце радостно замирало – ведь сержант выбрал самое быстроходное животное. Как только лагерь скрылся за высокими дюнами, сержант аль-Саада придержал своего верблюда, повернулся к Пенроду и, радостно улыбаясь, ткнул кулаком ему в грудь.

– Я видел тебя на палубе парохода, когда он только еще огибал Рас-Индер. Ты быстро продвигаешься, Абадан Риджи! – Он назвал его человеком, который никогда не сворачивает с пути. – Я сообщил Якубу, что ты будешь здесь дней через пять.

– Да, я спешил, – согласился Пенрод, – но нужно продвигаться еще быстрее.

Якуб ждал их примерно в миле от этого места и держал наготове пару верблюдов за черной скалой. Их силуэты казались еще более гротескными из-за огромных баулов с водой, прикрепленных на двугорбых спинах словно злокачественные опухоли. Каждый верблюд мог спокойно перевозить свыше пятисот фунтов груза, но в пустыне Матерь Камней человеку требовалось не менее двух галлонов воды в день, чтобы сохранить жизнь. Как только они спешили, Якуб поприветствовал Пенрода. Он опустился на одно колено и приложил руку сначала к губам, а потом к сердцу.

– Верный Якуб ждет вас с начала праздника Курбан-байрам.

– Не сомневаюсь в этом, благословенный Аллахом, – улыбнулся Пенрод. – Но неужели ты забыл о моем пакете?

Якуб, досадливо поморщившись, бросился к одному из верблюдов, отвязал сумку и принес Пенроду. Тот раскрыл ее на опаленной солнцем земле и увидел, что его галабея тщательно выстирана и аккуратно сложена. Он быстро сбросил грязные лохмотья и надел одежду из пре-

красной шерсти, которая надежно защитит его от палящего солнца. Затем покрыл голову черной накидкой, закрывавшей почти все лицо, как у кочевников-бедуинов, и прикрепил к поясу небольшую кожаную сумку, куда сунул острый кинжал и револьвер «уэбли», а на другую сторону повесил кавалерийскую саблю. Вынув саблю из кожаных ножен, он провел пальцем по острию, проверяя лезвие, отточенное до такой степени, что можно было побриться. Пенрод удовлетворенно кивнул Якубу и взмахнул пару раз саблей, рассекая воздух. Клинок словно прикипел к его руке и, казалось, жил собственной жизнью. В эпоху быстро заряжающихся винтовок и тяжелых орудий Пенрод по-прежнему испытывал ни с чем не сравнимый восторг от старого рукопашного боя.

Почти каждый араб вооружен длинным клинком с широким лезвием, и Пенрод внимательно наблюдал, как они используют его во время сражения, сравнивая с собственным мастерством. Это тяжелое оружие совершенно не соответствует физическим данным арабов. В отличие от мощных и сильных крестоносцев, у которых они его позаимствовали, арабы не отличались физической силой и больше напоминали терьеров, чем мастифов. Они были сущими дьяволами во время сражений и наносили ощутимый урон противнику этими клинками, но слишком медленно управляли оружием, фактически ничего не понимая в фехтовании, а свои круглые кожаные щиты использовали исключительно для самозащиты. Именно поэтому они были крайне уязвимыми при встрече с искусным бойцом, прекрасно владеющим саблей или шпагой. В минуты опасности арабы инстинктивно поднимали щит, закрывая себе обзор и становясь легкой добычей ловкого противника, который, используя свое преимущество, наносил им молниеносный роковой удар. Во время сражения под Эль-Обейдом, когда и без того нестройные ряды дервишей были рассеяны хорошо организованными войсками, Пенрод именно таким образом убил за несколько минут пятерых воинов. Он еще раз посмотрел на клинок, сунул его в ножны и повернулся к Якубу.

– Матерь Камней все еще открыта?

– Воду можно найти в источнике Марбад-Тегга. – На языке местных племен така это означало «убийца верблюдов». – Ее там немного, и она горьковатая, но для верблюдов вполне достаточно, – пояснил Якуб.

Выходец из арабского племени джаалин, он был изгнан из родных мест в результате кровавой вражды, возникшей из-за покушения на честь и достоинство его сестры. Якуб был ловок и быстр, прекрасно владел холодным оружием и в конце концов убил соперника, но тот, к несчастью, оказался сыном влиятельного шейха. В результате Якубу пришлось покинуть родные места и скрываться всю оставшуюся жизнь.

Один глаз его косил, из-под тюрбана свисали грязные волосы, а улыбка обнажала кривые и желтые зубы, не ведавшие зубной щетки. Он хорошо знал пустыню и горы, чувствуя их всем своим естеством, как дикий осел. Еще до вынужденного бегства из своего племени он получил сильный ножевой удар в ногу во время драки и с тех пор заметно прихрамывал. Именно из-за этой раны ему отказали в военной службе во благо королевы и хедива. Таким образом, он оказался за пределами своего племени, без средств к существованию, и Пенрод был его единственным спасением. Якуб любил своего хозяина, как отца, и преклонялся перед ним, как перед божеством.

– Значит, мы все еще можем обрубить змею?

Когда Пенрод задал этот важный вопрос, Якуб отнесся к нему с максимальной серьезностью и должным уважением. Он заправил полы своего арабского халата между ног и ручкой верблюжьего кнута нарисовал на песке большую букву S, верхняя часть которой была вдвое меньше нижней, – примитивная схема Нила от того места, где они сейчас находились, до порогов Шаблука. Этот извилистый путь отнимет немало дополнительных недель, но именно так должна пройти речная флотилия экспедиционных войск. А колонна двинется по пустыне на верблюдах, сократит дорогу и вскоре достигнет реки возле Метеммы. Это короткое направле-

ние отмечено иссушенными костями людей и животных на всем протяжении караванного пути еще в древние времена. И здесь было всего лишь два колодца со скудными запасами вполне подходящей воды, чтобы продолжить путь и пересечь знойную пустыню. А добравшись до Метеммы, они смогут пойти по правому рукаву Нила, не теряя из виду реку, когда та снова повернет на запад, а потом опять вернется на прежний южный путь и направится прямо к Хартуму. Это нелегкая стезя даже для местных жителей, но была еще более тяжкая, которой владельцы караванов дали меткое название «обрубить змею».

Якуб размашисто провел ручкой кнута по земле, прочертив ровную линию от их места пребывания до Хартума и на две равные части разрезав букву S. Этот путь мог сэкономить сотни миль невероятно сложного странствия, но не был обозначен на карте и малейшее отклонение грозило потерей источника Марбад-Тегга, без которого путешественника ждала страшная смерть в безводной пустыне. Колодец был скрыт от посторонних глаз и располагался в самом чреве знойной пустыни Матерь Камней. Неискушенный странник мог пройти мимо него на расстоянии сотни шагов и не заметить. Верблюды спокойно пили эту воду, но человека едкая каустическая соль сводила с ума. Если не напоить верблюдов в источнике Марбад-Тегга, то до следующего придется шагать еще сотню миль, вплоть до берега Нила в районе Корти, чуть ниже четвертого водопада. Причем питьевая вода в бурдюках закончится задолго до того, как они доберутся до реки. Таким образом, они могут оказаться без капли воды в течение почти двадцати четырех часов, прежде чем снова увидят Нил, а может, и дольше, если всемогущие джинны пустыни не будут к ним благосклонны.

А благополучно добравшись до берега, им придется пересечь полноводную реку, причем в месте наиболее бурного течения. Ширина реки здесь составляет не менее мили, а верблюды, как известно, лезут в воду с большой неохотой. Правда, неподалеку есть брод, о котором мало кто знает. Как только они переберутся на другой берег, придется запастись провиантом, наполнить свежей водой бурдюки и без промедления возвратиться, чтобы окунуться в не менее знойную пустыню Монассир. А значит, преодолеть еще две сотни миль по безводной местности. Якуб напомнил об этом Пенроду, иллюстрируя сказанное схемой на песке. Тот слушал внимательно, не прерывая, хотя уже три раза «обрубал змею» и столько же перебирался на другой берег Нила возле Корти. Однако не упустил возможности услышать от Якуба что-то новое об этом мрачном маршруте.

Закончив свой пространный рассказ, араб торжественно объявил:

– Под руководством бесстрашного и хитрого Якуба и под защитой милосердных ангелов нам, вероятно, удастся «обрубить змею» и значительно сократить путь. – И он присел на корточки, терпеливо ожидая решения Пенрода.

Капитан спокойно обдумал сложившуюся ситуацию, тщательно взвешивая все шансы. Он ни за что не решился бы на такое путешествие без Якуба, а с его помощью и под непосредственным руководством игра стоила свеч. Он мог значительно сократить путь и тем самым сэкономить время, чтобы добраться до Хартума. Но было одно обстоятельство, которое непременно следовало обсудить.

Бахита сказала ему, что Махди и его халиф хорошо осведомлены о подготовке англичан к спасению Гордона. Их разведчики постоянно докладывают о концентрации значительных сухопутных сил и речной флотилии в районе Вади-Хальфы. Она также сообщила, что Махди приказал своим наиболее влиятельным эмирам покинуть осажденный Хартум и отвести племена на север вдоль реки, чтобы встретить там противника в самом неблагоприятном для него месте в районе городов Метемма, Абу-Клеа и Абу-Хамед. При этом она добавила, что оба берега реки вниз от Хартума до первого большого изгиба уже заняты арабскими всадниками на лошадях и верблюдах.

– Махди понимает, что должен во что бы то ни стало остановить франков на подступах к городу, – сказала она напоследок, используя слово, которым местные жители называли

всех европейцев. – Он также знает, что их армия немногочисленна и к тому же плохо оснащена лошадьми и верблюдами. Поговаривают, будто он послал на север двадцать тысяч воинов, чтобы те достойно встретили англичан и взяли под контроль всю береговую линию вплоть до Нижнего Нила. А сам в это время намерен захватить Хартум, казнить генерала Гордона и отослать королеве его голову. – Бахита выдержала паузу и посмотрела на Пенрода. – Будь осторожен, мой господин. Они отрезали телеграфную связь с севером и понимают, что генералы в Каире непременно пошлют своих курьеров в Хартум, чтобы хоть как-то поддержать сообщение с Гордоном. Махди наготове и попытается помешать тебе проникнуть в город, а его люди будут рыскать по пустыне, чтобы перехватить тебя.

– Да, они станут искать нас в пустыне, – вслух рассуждал Пенрод, – но интересно, смогут ли контролировать весь путь до Марбад-Тегга?

Якуб покачал головой, поскольку ничего не понимал по-английски, и Пенрод снова перешел на арабский:

– Именем Аллаха, храбрый Якуб, отведи нас к этому горькому источнику под названием Убийца Верблюдов.

* * *

Они взобрались на высокие деревянные седла. Пенрод проверил винтовку в чехле под правой ногой, нащупал рукой патронташ с боеприпасами, прикрепленный к задней части седла, и пнул пятками свою серую верблюдицу. Та стала медленно подниматься на ноги, громко ворча и разбрызгивая слюну.

– Поехали с Богом, – пропел аль-Саада.

– Да откроет Аллах нам глаза, чтобы чистым и ясным был наш путь, – произнес Якуб. – И да поможет он нам благополучно добраться до Убийцы Верблюдов.

– Бог всемогущ, – добавил Пенрод. – Нет Бога, кроме Аллаха.

Каждый из них вел за собой выючного верблюда, на спине которого мерно покачивались кожаные бурдюки с водой. Поначалу свободно привязанный груз сильно раскачивался и бил верблюдов по бокам, пришлось остановиться и крепче привязать сумки и бурдюки. А заодно и выпустить из бурдюков воздух, чтобы вода не плескалась, мешая животным. Они ехали молча, в странной тишине на фоне невыносимого зноя и бескрайнего пустынного горизонта. Ноги верблюдов тихо ступали по песку, издавая едва уловимый шорох. Мужчины обернули головы арабскими платками, оставив лишь узкие прорезы для глаз, и, не утруждая себя лишними разговорами, размеренно покачивались в деревянных седлах, всецело подчиняясь ритму верблюжьей поступи.

Древний караванный путь шел через песчаные дюны оранжевого цвета, блестящие на солнце до боли в глазах. Этот путь был помечен лишь белыми костями и наполовину засыпанными скелетами некогда погибших верблюдов. Высушенные палящими лучами солнца, они столетиями лежали на обочине, напоминая путникам о бренности всего сущего. Горячий воздух пустыни обжигал горло нестерпимым зноем. Линия горизонта смутно искажалась в серебристом мареве миражей. Иногда казалось, будто наездники зависли в пустом пространстве и лишь покачиваются на спинах неторопливых животных на фоне застывшей линии горизонта. Единственным признаком движения был извилистый караванный путь, но даже он словно медленно парил над землей, как извивающаяся струйка дыма.

Пенрод позволил себе немного расслабиться и погрузиться в гипнотический транс пустынного странника. Время словно утратило свое значение и как бы повисло в раскаленном воздухе. Сознание стало совершенно свободным, и он в который раз подумал, как легко поверить в существование сверхъестественных сил, населяющих эти бескрайние пространства. Именно такие чувства обычно испытывают бедуины в знойной пустыне. Он живо представил

себе бесчисленных джиннов и призраков, оставшихся от погибших в этих песках армий. И хотя Якуб находился на расстоянии половины пистолетного выстрела, он тоже порой казался Пенроду неким призраком, расплывчатым миражом, который покачивался на верблюде в халате с развевающимися полами, будто воробей с распростертыми от жары крыльями. А в другое время виделся сказочным гигантом, восседающим на слоноподобном существе и многократно увеличенным обманчивой игрой света. Они двигались вперед, медленно и совершенно беззвучно.

Постепенно перед ними замаячили очертания величественной пирамиды, перед которой меркли творения человеческих рук в дельте Нила. Она мерцала в серебристом мареве миража, словно отделенная от земли, над смутной линией горизонта, неустойчиво балансируя верхушкой на южном небосклоне. Пенрод с восхищением смотрел на это чудо, которое мягко подрагивало, то исчезая за горизонтом, то возникая вновь словно из воздуха и застывая в своей высшей точке, упершись основанием в землю.

Они продолжали путь, и через некоторое время пирамида обрела более четкие очертания, напоминающие остроконечный холм с двумя меньшими собратями позади. Не переставая удивляться этому чуду, Пенрод подумал, что такие природные образования, вероятно, послужили образцом для древних строителей пирамид, поражающих воображение людей уже много столетий. Караванный путь шел прямо к ним, но Якуб резко свернул в сторону, оставив проторенную дорогу слева. Вскоре он привел их в дикую пустыню, не содержащую даже намека на присутствие человека. Это и был тот самый тайный путь к Марбад-Тегга.

Пенрод снова погрузился в гипнотическое состояние остановившегося времени и в течение нескольких часов умиротворенно наблюдал, как солнце, поднимаясь вверх, застыло в зените, а потом неуклонно покатилося к земле. Он очнулся от гипнотического сна, почувствовав легкий сбой в движении своей верблюдицы, и, оглядевшись вокруг, с удивлением обнаружил, как резко изменился окружающий ландшафт. Песок был уже не оранжевым, а пепельно-серым, похожим на увядшие листья. Все пространство до горизонта покрывал древний вулканический пепел и комья давно застывшей лавы, словно в пустыне прошел величественный обряд кремации всего окружающего мира, несгоревшие останки которого заботливо погребли на этом потустороннем кладбище вечности. Дыхание древнего вулкана преобразило даже безмолвную пустыню. Среди голых камней и пепла не было и признаков жизни, кроме трех странников и их медленно шагающих животных.

Пенрод понял, почему так неожиданно изменилась походка верблюда. Землю вокруг обильно устилали камни и куски скал, причем некоторые из них были настолько большими и круглыми, что напоминали ядра для гигантской пушки, а другие походили на снаряды для средневековых мушкетов. Из-за этого пространство казалось давно забытым и заброшенным полем битвы. Но Пенрод знал, что это отнюдь не последствия странной войны. Круглые камни оказались здесь в результате мощного извержения вулкана, в результате которого жидкая лава была выброшена из гигантского жерла в небо, а потом упала на землю дождем из остывших камней и пепла. Именно поэтому умные верблюды сменили шаг, выбирая удобный путь между камнями и скалами, что неизбежно сказалось на скорости их продвижения.

Солнце уже садилось за горизонт, и коснувшись земли, буквально взорвалось мириадами зеленых и кремовых лучей, после чего обессиленно покатилося вниз, оставляя безутешную землю во власти внезапно наступившей ночи.

— Славная ночь! — прошептал Пенрод пересохшими губами. — Благословенная прохладная ночь!

Они сделали привал, покормили и напоили верблюдов, проверили поводья, седла и упряжь, а когда мужчины вынули свои коврики для молитвы и опустились на них, повернувшись в сторону Мекки, Пенрод решил прогуляться по пустыне, чтобы размять онемевшие за время путешествия ноги и сделать несколько физических упражнений. Он прислушивался к

тишине ночи, но лишь ветерок гулял среди песчаных дюн, перешептывавшихся между собой тихими голосами джиннов.

Когда он вернулся, Якуб уже варил кофе в небольшом медном чайнике. Они выпили по три чашки и съели немного тонко нарезанного хлеба с хурмой. Затем смазали ароматным жиром губы и увлажнили кожу специальной смесью, предохранявшей ее от шелушения и обильной потливости. Когда все процедуры были закончены, они улеглись рядом со своими животными и мгновенно уснули. Якуб разбудил всех через пару часов, после чего они взобрались на верблюдов и снова отправились на юг, в ночную мглу.

Небо полыхало от мерцания звезд так ярко, что порой с трудом удавалось обнаружить нужное созвездие, служившее главным ориентиром. Воздух был прохладным и чуть сладковатым, но настолько сухим, что Пенрод ощущал жжение в носу и постоянно сжимал его пальцами.

Час за часом верблюды медленно шагали по пустыне, и время от времени Пенрод соскакивал с седла и шел пешком, чтобы немного размять онемевшие ноги. Следующий привал они сделали незадолго до рассвета, выпили по чашке горячего кофе без сахара, поспали около часа и продолжили путь, когда солнце только-только показалось слева от них. А с первыми лучами укутали головы длинными арабскими платками.

Пустыня стала совершенно другой. Изменилась так же быстро, как прекрасная куртизанка, но все равно осталась чрезвычайно опасной и обманчивой. Временами песчаные дюны становились мягкими и вязкими, цвета слоновой кости, словно грудь и живот танцовщицы, а потом вдруг походили на спелый абрикос. Они перекатывались по пустыне, как океанские волны, но иногда сбивались в кучу, будто спаривающиеся змеи. А наталкиваясь на острые скалы или большие валуны, мгновенно рассыпались на части.

Позади остались многие мили пути и часы палящего солнца. Когда они останавливались, чтобы немного передохнуть в тени огромных бурдюков, то даже глаз не могли сомкнуть от невыносимой жары и лежали на земле, тяжело дыша, как загнанные псы, а потом медленно вставали и вновь трогались в путь. Даже верблюды стонали и рычали от усталости, когда их снова запрягали и заставляли подняться, чтобы продолжить этот безумный марш. Их огромные ноги ныли от боли, а на пятый день путешествия они отказались от предложенной Якубом пищи, которую тот услужливо разложил на соломенных подстилках.

– Это первый признак, что они на грани физического истощения, – предупредил Якуб Пенрода. – Если мы не достигнем источника завтра вечером до наступления сумерек, они начнут умирать.

Не стоило даже объяснять, что случится с людьми, если погибнут верблюды. На следующее утро, когда они сделали привал в небольшой яме на пятачке твердой земли, Пенрод указал рукой на темные силуэты газелей, видневшиеся впереди. Они казались крошечными в дневном мареве, напоминая призраков пустыни, но кремовый окрас, изогнутые в форме лиры рога и белые морды указывали на их реальное существование. Через мгновение газели бесшумно исчезли за высокими валунами, будто их никогда и не было.

– Они пьют воду в оазисе Марбад-Тегга, – сказал Якуб, разлепив иссохшие губы впервые за последние несколько часов. – Осталось немного. Думаю, мы доберемся туда до заката солнца. – Он удовлетворенно хмыкнул и украдкой посмотрел на Пенрода.

В полдень верблюды отказались подниматься на ноги, громко стонали, дергали головами и издавали угрожающие звуки.

– Чувствуют запах воды, – радостно пояснил Якуб, – и желают поскорее добраться туда. Поведут нас, как охотничьи собаки к дикому зверю.

Они сделали небольшой привал, выпили по чашке кофе, с трудом подняли верблюдов и незамедлительно тронулись в путь. Животные ворчали от возбуждения, ускоряли шаг и жадно вдыхали ноздрями запах воды. А когда поздно вечером наконец остановились, Пенрод узнал

ландшафт, который врезался в память во время его последнего посещения этого места – фантастическое нагромождение невысоких скал и холмов, обожженных за многие столетия солнцем и высушенных ветром. Сама природа создала эти узкие лабиринты и извилистые проходы среди скал, напоминавшие то армию шагающих каменных воинов, то мрачных крадущихся львов. Иногда попадались фигуры, похожие на огнедышащих драконов, крошечных гномов или джиннов пустыни. А над ними возвышалась высокая каменная колонна, отдаленно напоминающая женщину в длинном одеянии и с вдовьей накидкой на голове – застывшая в камне невыразимая скорбь.

– Это Вдова Ахаба, – сказал Якуб. – Смотрит в сторону источника, где якобы умер ее муж. – Он ударил верблюда плетью, и они поспешили к воде, причем животные торопились больше, чем наездники.

– Пойдите! – неожиданно остановил Пенрод Якуба и аль-Саада и предупреждающе поднял руку, когда те удивленно повернулись к нему.

Он направил верблюда в неглубокую лошину-вади и жестом позвал за собой спутников, которые без колебаний последовали его примеру, чего нельзя было сказать о животных. Они отчаянно мотали головой, издавали хриплые звуки и недовольно фыркали, разбрызгивая слюну. Наездникам с большим трудом удалось уложить их на землю и крепко привязать ремнями, чтобы те не вскочили на ноги. Аль-Саада остался сторожить их, а Пенрод повел Якуба к каменным изваяниям, где они нашли укромное место и скрылись за невысокими скалами. Пенрод улегся на живот, вглядываясь в покрытое камнями пространство перед Вдовой Ахаба. Якуб послушно лег рядом, морщась от вечернего, но все еще безжалостно палящего солнца.

– Здесь нет ничего, кроме песка и скал, – недовольно проворчал он, устав от затянувшегося ожидания. – Тебе померещилась какая-то тень, Абадан Риджи. В этом месте не могут жить даже джинны пустыни, – добавил он, поднимаясь.

– Ложись на землю, недоумок! – зашипел Пенрод. Прошло полчаса, и капитан протянул Якубу полевой бинокль. – Можешь полюбоваться на своих джиннов.

Араб уставился в бинокль, вздрогнул всем телом и даже вскрикнул от неожиданности, увидев вдали смутную фигуру человека. Он был почти незаметен в тени каменного монолита, и только яркий отблеск солнца на широком клинке выдавал его присутствие. Именно этот блеск и заметил Пенрод, проезжая неподалеку. Человек вышел из тени, ярко выделяясь на фоне однообразного ландшафта.

– Я вижу его, Абадан Риджи, – возбужденно прошептал Якуб. – У вас острый взгляд. Он одет в джиббу, которую обычно носят махдисты. Интересно, есть здесь еще кто-нибудь?

– Естественно, – недовольно пробурчал Пенрод. – В этих местах люди не путешествуют в гордом одиночестве.

– Группа разведчиков? – догадался Якуб. – Шпионы, которых послали на поиски британских солдат?

– Они хорошо знают, что источник Убийца Верблюдов слишком мал, чтобы напоить целый полк, а горькая вода не утолит жажду солдат. Нет, они пришли сюда, чтобы перехватить посланника, который должен доставить донесение генералу Гордону в Хартум. И хорошо знают, что другого пути туда нет и мы должны пройти именно этой дорогой.

– Значит, они поджидают у источника нас, – заключил Якуб, – прекрасно понимая, что мы не сможем продолжить путь без воды для верблюдов.

– Да, – согласился Пенрод. – Мы должны убить их всех, чтобы никто не предупредил остальных о нашем присутствии. – С этими словами он осторожно поднялся и, скрываясь за скалами, направился к месту, где аль-Саада сторожил верблюдов.

Пенрод со спутниками решили дожидаться ночи, отказавшись от идеи сварить немного кофе, поскольку дым от костра мог их выдать. Вместо этого они выпили теплой воды из бур-

дюков и слегка перекусили, оттачивая клинки и готовясь к бою. После чего арабы расстелили на земле свои коврики и усердно помолились Всевышнему.

Темнота накрыла холмы, как горячее и тяжелое шерстяное покрывало, но Пенрод все же решил подождать, пока созвездие Ориона не окажется в высшей точке южного небосклона. После этого они оставили верблюдов и бесшумно двинулись вперед. Первым шел Пенрод с револьвером «уэбли» и обнаженной саблей в правой руке. Они проделывали это уже не раз и двигались на расстоянии друг от друга, но все же не теряя связи. Пенрод обошел стороной то место, где они обнаружили постового дервишей, и благодарил Бога за легкий ветерок, заглушавший самые слабые звуки их шагов. Он первым учуял запах небольшого костра, разведенного из кучи вонючего верблюжьего навоза, и щелкнул пальцами, предупреждая Якуба и аль-Саада, которые послушно пригнулись к земле.

Пенрод снова пополз вперед навстречу ветерку, скрывавшему его присутствие. Остановился он лишь уловив утробное сопение и едва слышное чавканье верблюдов. Капитан прижался к земле, глядя вперед с азартом заядлого охотника и тщательно исследуя небольшое пространство, усыпанное камнями и пеплом, стараясь запомнить каждую деталь, каждую возвышенность и едва приметную кочку, и вдруг заметил какое-то движение. В темноте на расстоянии не более двадцати шагов едва виднелся округлый предмет, и Пенрод узнал в нем человеческую голову. Часовой сидел на краю неглубокой наллы – сухого русла – и покачивал головой, хотя было уже далеко за полночь. Он явно не спал и был настороже. Пенрод ощутил рядом запах Якуба, состоявший из причудливой смеси человеческого и верблюжьего пота и грязной одежды.

– Я видел его, – прошептал Якуб на ухо Пенроду, обдавая горячим дыханием. – Думаю, ему пора умереть.

В ответ Пенрод крепко сжал его руку, и Якуб пополз вперед, бесшумно извиваясь, как степная гадюка. Он был великим мастером короткого кинжала и владел им отменно. Его тело сливалось с темными скалами, растворяясь на фоне звездного неба. Пенрод пристально следил за головой часового и увидел, как рядом появилась еще одна голова. На мгновение они слились в единое целое, затем послышался глубокий вздох, и обе исчезли. Пенрод дождался несколько секунд, но все было тихо. Через минуту из сумрака ночи возник Якуб.

– Там еще пять человек, – прошептал он. – Спят вместе с верблюдами на самом дне наллы.

– А верблюды в упряжке? – спросил Пенрод, хотя и так было ясно, что это опытные воины, готовые вскочить в седло в любую минуту.

– Да, верблюды под седлами, а люди спят с оружием в руках.

– Других часовых нет?

– Я их не видел.

– А где находится источник?

– Они не настолько глупы, чтобы устроить засаду у самого источника. Он в трехстах шагах от этого места. – Якуб показал в сторону скрытого от посторонних глаз русла.

– Значит, если у них есть еще один часовой, он должен находиться у источника, чтобы наблюдать за ним. – Пенрод задумался на мгновение, потом снова щелкнул пальцами. В тот же миг к нему быстро приблизился аль-Саада. – Я буду ждать вас между этим лагерем и источником, а вы вдвоем ползите туда и подготовьте сыночкам Махди надлежащее место в раю. – Капитан похлопал их по плечу, подбадривая и благословляя на ратный подвиг. В ближнем бою эти люди намного превосходили его и хорошо знали свое дело. А он всегда испытывал тошноту, когда приходилось убивать спящих. – Только подождите, пока я не доберусь до нужной позиции.

Пенрод быстро пополз вправо, достиг края наллы и посмотрел вниз. На дне лежало тело часового, только что убитого Якубом, – на боку, с поджатыми ногами. Якуб накрыл его лицо

тюрбаном, чтобы казалось, будто он просто уснул на посту. Неподалеку безмятежно спали остальные воины, а рядом сипло похрапывали оседланные верблюды, и поначалу Пенрод не мог отличить людей от животных. Должно быть, Якуб подполз совсем близко, чтобы пересчитать их. Капитан укрылся за большой скалой, откуда мог видеть все, что происходит в долине, и одновременно контролировать доступ к этому месту со стороны источника.

Нервы были напряжены до предела, а когда к спящим стали подбираться Якуб и аль-Саада, чуть не лопнули. В следующую минуту тени обоих мужчин смешались с телами спящих воинов, и Пенрод мог только догадываться, какая кровавая резня началась там в этот момент. А когда прозвучал хриплый крик, нервы разорвались, как натянутая струна. Значит, кто-то нанес неточный удар, но, конечно же, не Якуб. Внизу послышалась шумная возня, за которой последовал громкий крик. Верблюды мгновенно проснулись, захрипели, раздались возгласы проснувшихся людей и звон клинков. Пенрод видел, как один из них вскочил на спину верблюда и помчался из лагеря, направляясь вверх по узкой тропинке в дальнем конце долины. Другой дервиш тоже попытался вскочить на верблюда, потом бросился наутек, но успел пробежать лишь несколько шагов, когда за ним метнулась темная фигура и в то же мгновение обе тени исчезли на дне высохшего русла реки.

Пенрод испытывал страстное желание выскочить из засады и вмешаться в кровавое месиво, но вдруг услышал глухой топот ног и остался лежать на земле. В свете звезд он увидел еще одну фигуру, быстро приближавшуюся к лагерю от источника, – это был второй часовой, коротавший время у колодца. В его правой руке поблескивала кривая сабля, а левой он прижимал к плечу кожаный щит. Когда он приблизился, Пенрод бросился ему под ноги. Дервиш без колебаний вступил в единоборство, грозно размахивая саблей. Капитан сражался легко, прекрасно ориентируясь в темноте и прислушиваясь к металлическому звону стали. Как только дервиш закрылся от его сабли щитом, Пенрод провел обычный прием и нанес удар снизу. Лезвие его клинка пронзило неприятеля, после чего он выдернул его, а дервиш рухнул на землю как подкошенный, не издав ни единого звука.

Пенрод оставил убитого и быстро спустился в русло. Аль-Саада взмахнул рукой и острым клинком перерезал горло поверженному противнику. Черная кровь брызнула из поврежденной артерии. Аль-Саада выпрямился и спокойно огляделся. Три человека остались лежать там, где уснули.

– Плохо! – сердито проворчал Пенрод. – Двоим удалось бежать. Якуб погнался за одним, но другой ускакал на верблюде. Надо во что бы то ни стало догнать его.

Аль-Саада шагнул к Пенроду, и окровавленный кинжал выпал из его руки. Сержант медленно опустился на колени, и в слабом свете звезд Пенрод увидел застывшее удивление на его перекошенном от боли лице.

– Он был слишком ловок, – с трудом промолвил аль-Саада, убрал руку с груди и посмотрел на рану. Кровь хлынула из-под ребер и мгновенно окрасила его арабскую рубашку до колен. – Догоните его, Абадан Риджи, а я догоню вас... – добавил он слабеющим голосом и рухнул на землю ничком.

Пенрод мгновение раздумывал, как поступить – оказать помощь раненому товарищу или броситься в погоню за противником? Однако судя по тому, как тяжело упал несчастный аль-Саада, ему вряд ли можно чем-то помочь, а если упустить сбежавшего дервиша, вся их операция окажется под угрозой срыва и им вряд ли удастся добраться до осажденного города.

– Уходи с Богом, Саада, – тихо сказал Пенрод и бросился к верблюду одного из дервишей.

Быстро перерубив саблей ремень на его длинных ногах, он вскочил на верблюда и ударил пятками по бокам. Тот громко закричал, резво поднялся и галопом поскакал к пустыне. Пенрод с трудом различал смутный силуэт верхового, похожий при свете звезд на мелкую мошку. Несколько сотен метров было достаточно, чтобы Пенрод уловил ритм движения верблюда. Животное оказалось достаточно сильным и к тому же отдохнувшим возле источника Мар-

бад-Тегга, где его, судя по всему, хорошо напоили и покормили. Пенрод понуждал верблюда к быстрому бегу, как обычно делают умелые жокеи во время скачек. Звезды подтвердили предположение, что беглец направляется на юг, очевидно желая как можно скорее добраться до Нила.

Примерно через милю Пенрод заметил, что дервиш заметно сбавил скорость и перешел на рысь. Значит, он либо ранен во время нападения и не замечает погони, либо бережет силы верблюда для долгого и опасного для обоих пути. Ведь до Нила очень далеко. Пенрод прищипорил своего верблюда и стал быстро сокращать расстояние.

Он надеялся, что сумеет догнать беглеца до того, как тот осознает грозящую ему опасность, и тут увидел бледное лицо дервиша, обернувшегося через плечо. Заметив Пенрода, тот издал громкий воинственный клич и стал хлестать верблюда плетью. Животные помчались вниз, пересекли вади, а затем бросились вверх по каменистому склону, словно связанные невидимой нитью. Из-под копыт летели песок и мелкие камни. Верблюд Пенрода сокращал расстояние, демонстрируя превосходство в физической силе и запасе энергии. Капитан решил обойти дервиша слева, рассчитывая, что тот будет сражаться правой рукой и окажется в невыгодном для себя положении.

Но противник вдруг изменил свои планы, неожиданно свернув вправо и резко остановив верблюда в сотне шагов от Пенрода. Тот пригнулся к высокому деревянному седлу и увидел, что дервиш вынул винтовку из чехла позади себя и целится в него. Пенрод совсем забыл о прикрепленном к седлу чехле с винтовкой, считая, что у беглеца осталась только сабля.

– Ну что ж, давай, пожиратель свинины! – закричал ему Пенрод и выхватил револьвер «уэбли».

Расстояние было слишком большим для меткой стрельбы, да и седло бегущего верблюда не самое удачное место для прицельного огня. Но он должен опередить противника и приблизиться настолько, чтобы использовать саблю.

Араб выстрелил со спины неподвижно стоявшего верблюда. По характеру вспышки и звуку выстрела Пенрод понял, что имеет дело с карабином «мартини-генри», возможно захваченным после сражения под Эль-Обейдом или Суакином. Через долю секунды свинцовая пуля вонзилась в тело верблюда, и тот споткнулся. Но пока дервиш лихорадочно перезаряжал винтовку, Пенрод налетел на него слева с саблей в руке. Дервиш понял, что не успеет зарядить карабин, и, швырнув его на землю, потянул из ножен свой широкий клинок. При этом он бросил быстрый взгляд на Пенрода и даже отпрянул, узнав его.

– Я знаю тебя, неверный! – злобно заорал он. – Видел в Эль-Обейде! Ты – Абадан Риджи! Проклинаю тебя и твоего трехглавого бога!

Он взмахнул клинком и сильно ударил по голове верблюда, но Пенрод успел дернуть за уздечку, и клинок лишь задел ухо животного. Верблюд закричал и пошатнулся, но Пенроду удалось удержать его, хотя и с большим трудом, поскольку он был серьезно ранен пулей большого калибра. Дервиш оставался неуязвим для его сабли. Пенрод сделал выпад вперед, но не достал противника и приготовился к следующему удару, однако в этот момент верблюд зашатался и рухнул на землю, подмяв под себя передние ноги. Капитан успел отскочить в сторону, чтобы не оказаться придавленным грузным телом животного.

За это время дервиш развернул верблюда и помчался прочь. Пенрод прицелился из револьвера и опустошил весь магазин вслед удаляющемуся противнику, однако понял, что промахнулся, и через минуту тот исчез в темноте. Капитан прислушался, но уловил только легкий шум ветра.

Его верблюд стал медленно подниматься, но вдруг издал душераздирающий рев и рухнул на спину, судорожно задергав в воздухе длинными ногами. Еще через мгновение он распластался на сухом песке и хрипло засопел. Пенрод видел, что при каждом выдохе из его ноздрей вытекали темные струйки крови. Он перезарядил револьвер, подошел к верблуду, приставил

ствол к затылку несчастного животного и выстрелил. Еще несколько минут ему понадобилось, чтобы отыскать в темноте прикрепленную к седлу сумку и вынуть оттуда все, что могло пригодиться в пути. К сожалению, там не оказалось ни карты местности, ни документов, лишь изрядно потрепанный Коран, который он решил взять с собой. Кроме того, прихватил кусок сухого мяса и немного хлеба, что было весьма кстати при их скудных запасах.

Последний раз взглянув на бездыханное тело верблюда, Пенрод быстро зашагал назад к источнику Марбад-Тегга. Но не успел пройти и половину мили, как послышался топот копыт. Приглядевшись, он увидел всадника на верблюде и спрятался за выступом небольшой скалы, но вскоре узнал быстро приближавшегося Якуба и окликнул его.

– Хвала Аллаху! – радостно воскликнул тот. – Я слышал выстрелы и подумал, с вами что-то случилось.

Пенрод молча взобрался на спину верблюда, и они поехали обратно к источнику.

– Дервишу удалось сбежать, – горестно признался он. – Он убил моего верблюда из винтовки, о существовании которой я даже не подозревал.

– А мой дервиш не сбежал, – гордо объявил Якуб, – но умер достойно. Он был настоящим воином, и я отдаю ему должное. И аль-Саада тоже скончался. Но он заслужил эту печальную участь из-за своей неловкости.

Пенрод благоразумно промолчал, зная, что между мужчинами не было особых симпатий. Правда, оба исповедовали ислам и говорили на одном языке, но аль-Саада был египтянином, а Якуб – арабом из племени джаалин.

Спустившись в сухое русло, Пенрод нашел узкую расселину неподалеку от лагеря дервишей и захоронил там тело погибшего аль-Саада, обернув его голову накидкой, а на грудь положив трофейный Коран. Затем они засыпали тело покойника сланцевой глиной. Эта примитивная могила вполне соответствовала его религии. Они работали молча и вскоре закончили печальную процедуру.

Похоронив товарища, они вернулись в лагерь дервишей и стали готовиться к продолжению своего путешествия.

– Если будем продвигаться достаточно быстро, то, возможно, успеем проскочить опасный участок до того, как сбежавший дервиш поднимет тревогу.

Верблюды были сыты, напились воды и хорошо отдохнули. Пенрод и Якуб перенесли свои седла на новых животных, а своих, измученных жаждой и длительным походом, отпустили к источнику. В бурдюках дервишей оказалось достаточное количество воды, а в сумках – необходимого для путешествия провианта, включая хлеб из дурры и сушеное мясо.

– У нас есть все необходимое, чтобы благополучно добраться до Хартума, – удовлетворенно заметил Пенрод.

– Да, они думают, что мы пойдем к броду через Нил возле селения Корти, – добавил Якуб, – но я знаю еще один путь через реку. Мы двинемся дальше на запад и переправимся на другой берег чуть ниже водопада.

Они оседлали верблюдов, привязали к своим трем животным дополнительные бурдюки с водой и взяли курс на юг.

Они отдыхали в полдень, укрываясь от палящего солнца в узкой полоске тени, отбрасываемой верблюдами. Эти животные находились под палящими лучами стоящего в зените светила и, казалось, не испытывали никаких неудобств, хотя любой другой зверь и уж тем более человек давно бы изжарились на такой сковородке. Порой казалось, что кровь закипит на невыносимой жаре. А как только полуденный зной немного спадал, они садились на верблюдов и продолжали свой путь вечером и ночью. На рассвете третьего дня, когда утренняя звезда еще светила на небосклоне, Пенрод оставил Якуба с верблюдами и взобрался на вершину небольшого холма конической формы, единственного в этой ровной и выжженной дотла пустыне.

День уже начался, и перед ним открылось изумительное зрелище. В двух милях сверкало нечто белое, как соляной столб, и изящное, словно расправленное крыло чайки, сверкающее на фоне безжизненного океана песка и скал. Он знал, что это такое, еще до того, как поднес к глазам бинокль. Пенрод долго смотрел на одинокий парус, казавшийся совершенно неуместным в этом пустынном мире, наслаждаясь приятным облегчением, которое охватило его измученную долгим путешествием душу: это было белое крыло одномачтового арабского судна, проплывавшего по темной воде Нила.

Они приближались к реке с особыми предосторожностями. Ужасы пустыни Матерь Камней остались позади, но их могли ждать еще большие опасности – люди. Тем временем судно с высоким белым парусом исчезло из виду. Берег показался им совершенно безлюдным и лишенным даже признаков человеческого существования. Только белые цапли большой стаей низко пролетели над темной водой Нила, устремившись острым клином на восток. Вдоль реки тянулась узкая полоска прибрежной зелени, прерываемая редкими пальмами и другими тропическими деревьями. Издалека казалось, что корни их погружены в воду и питаются грязной прибрежной жижей. А посреди этого бедного растительного мира возвышалась величественная крона могучего платана, господствующего над окрестностями. Под его ветвями виднелась древняя гробница, выложенная из сырой глины. Ее стены потрескались от времени, а пересохшая на палящем солнце штукатурка облупилась и пластами осыпалась со стен. С тонких веток свисали разноцветные ленты, давно выгоревшие на солнце и утратившие свой первоначальный блеск.

– Это дерево аль-Маула, святого отшельника, который жил в этих местах сто лет назад, – пояснил Якуб. – Многочисленные паломники оставляют здесь свои ленточки в его честь, чтобы святой всегда помнил о них и вознаграждал благословением их дела и помыслы. Сейчас мы в двух лье к западу от водопада и примерно на таком же расстоянии до деревни Корти, которая находится на востоке.

Они отошли подальше от берега, чтобы их не заметили с проходящих мимо судов, и направились на запад по каменистой почве, временами возвышающейся невысокими холмами. Вскоре они подошли к скалистому обрыву, нависавшему над широкой водной гладью Нила, и остаток дня терпеливо наблюдали за рекой с высокого обрыва.

Нил был главной торговой и транспортной артерией для территории, превосходящей площадью всю Западную Европу, однако за все это время на реке не появилось ни единого судна и никаких признаков жизни. И это обстоятельство насторожило Пенрода. По всей вероятности, что-то нарушило привычную суету оживленного торгового пути. Бахита была права, предупреждая его об этом. Значит, действительно где-то поблизости идет интенсивная передислокация войск дервишей. А ему нужно как можно скорее перебраться на другой берег и скрыться в пустыне Монассир, избегая нежелательной встречи с ними, и успеть в Хартум, чтобы помочь осажденному в городе генералу Гордону. А на берегу Нила его постоянно подстерегала опасность.

Солнечные лучи высветили воду, обнаружив удобные для переправы отмели. Затопленные камни явственно отмечали путь через реку, противоположный берег которой обозначался полосой вязкого ила. Река здесь была темно-зеленой, но достаточно узкой – не более ста пятидесяти шагов в поперечнике. Пенрод постарался запомнить это место. Если они используют пустые бурдюки в качестве надувных подушек, то смогут переправиться вместе с верблюдами. Разумеется, в ночное время. Днем на этом участке реки можно стать легкой добычей неприятеля в случае неожиданного нападения дервишей. А перебравшись на другой берег, они тут же наполнят бурдюки водой и скроются в пустыне Монассир.

Пенрод оставил Якуба с верблюдами на вершине крутого обрыва, а сам отправился на берег, чтобы осмотреть спуски и почву. Пройдя вдоль реки, он с удовлетворением констатировал, что за последнее время войска неприятеля здесь не проходили.

Когда сгустились сумерки, Якуб спустил вниз верблюдов, опустошил бурдюки, надул их воздухом и прикрепил к животным. Затем придирчиво осмотрел их и удовлетворенно хмыкнул – у каждого было по два огромных мешка с воздухом, и, связанные друг с другом тугим ремнем, они не могли разделиться в воде.

Верблюды не хотели заходить в реку, но Пенрод с Якубом загнали их туда кнутами, и они медленно поплелись по выступам скал. В середине пути вода дошла мужчинам до подбородка, и им пришлось ухватиться руками за ремни верблюдов. Высокий рост животных и длинные ноги позволили им передвигаться над водой, и только у самого берега они перестали доставать до дна и неохотно поплыли. Пенрод и Якуб плыли сзади и постоянно подстегивали их кнутами, направляя к нужному месту. Верблюды легко преодолели быстрое течение, поддерживаемые огромными кожаными бурдюками с воздухом. Как только животные коснулись дна, Пенрод и Якуб вывели их на илистый берег и отвели подальше от реки, чтобы они как следует просохли. Пока верблюды наслаждались теплым воздухом, мужчины наполнили бурдюки водой и вдоволь напоили животных перед дальней дорогой. Затем уничтожили следы своего пребывания на берегу и двинулись дальше.

Переправа отняла больше времени, чем рассчитывал Пенрод, и когда они снова тронулись в путь, на востоке уже появилась светлая полоска, предвещающая скорый рассвет. Верблюды важно покачивали наполненными водой животами и охотно откликались на нетерпеливое постегивание седоков. Несмотря на свои старания, они так и не смогли устранить все следы и надеялись, что ветер и речная вода помогут им оставаться незамеченными, пока их не обнаружат разведчики дервишей.

Однако как только они вышли на караванную тропу в пустыне Монассир, Пенрода охватило дьявольское предчувствие беды, не отпускавшее ни на минуту. С каждым часом оно возрастало и в конце концов привело его к нерадостному решению вернуться назад к реке и проверить обстановку. Недолго думая, он выбрал самого низкорослого и послушного верблюда, поскольку успел уже ознакомиться со всеми животными, оседлал его и повернул назад, приказав Якубу следовать намеченным маршрутом. За несколько миль до реки он свернул в сторону и поехал вдоль высоких холмов, которые приметил еще во время переправы. Они нависали над гладью воды и позволяли незаметно подобраться к берегу. Он спешил, стреножил верблюда и ползком приблизился к обрыву, откуда открывался вид на реку. То, что он увидел на берегу, потрясло его до глубины души. Сердце чуть не выскочило из груди, а нервы напряглись, как натянутая струна.

На берегу Нила находился небольшой отряд спешившихся дервишей, которые уже обнаружили на покрытой толстым слоем ила поверхности следы верблюдов и людей. В бинокль он хорошо рассмотрел неприятеля. Одним из шестерых, по всей вероятности, был тот самый дервиш, которому удалось избежать горькой участи своих товарищей в пустыне возле оазиса Марбад-Тегга. Правда, он не был до конца уверен в этом. Поджарые и чрезвычайно выносливые арабы пустыни, вероятно принадлежавшие к племени беджа, были в цветастых джиббах, которые обычно носили сторонники Махди, вооруженные длинными изогнутыми саблями, остроконечными копьями и небольшими круглыми щитами. Опершись на рукоятки своих копий, они оживленно размахивали руками, то и дело показывая на следы и энергично обсуждая план дальнейших действий. Один из них махнул рукой на юг, в направлении возвышавшихся холмов. Остальные посмотрели туда же, и Пенрод больше не сомневался – они смотрят в его сторону.

Капитан инстинктивно отпрянул и, укрывшись за скалой, стал лихорадочно обдумывать сложившуюся ситуацию. Совершенно очевидно, что дервиш, ускользнувший от него в пустыне, первым добрался до реки и предупредил передовой отряд. Даже если его нет среди этой группы, он все равно рассказал им о нападении и, возможно, указал нужное направление. По всей видимости, один из полевых командиров выслал вперед этот небольшой отряд, чтобы

осмотреть берег в районе переправы и перехватить их. Пенрод с первого взгляда определил аггагиров, то есть лучших и храбрейших воинов дервишей. Соотношение сил было один к трем, к тому же эти люди начеку и готовы сражаться до последнего. Он даже думать не хотел о вооруженном столкновении. Единственным их шансом на спасение была скорость верблюдов и надежное укрытие.

Пенрод снова посмотрел в бинокль. Каждый дервиш имел превосходного арабского скакуна, и только один верблюд нес на спине кожаные сумки с боеприпасами и запасами еды на несколько дней. Но у них не было бурдюков с водой – следовательно, это передовой отряд разведчиков, которые могли обследовать узкую прибрежную полосу, но не углубляться далеко в пустыню. Значит, чтобы перехватить караван Пенрода, им придется сделать большой круг вдоль берега и выйти на противоположную от Хартума сторону. Этот путь был почти на двести миль длиннее предстоящего им с Якубом. Пенрод облегченно вздохнул, прикинув, что даже самые быстрые арабские лошади не смогут добраться до Хартума раньше их.

– Все в руках милосердного Аллаха, – усмехнулся он и хотел было вернуться к верблюду, чтобы нагнать Якуба и поделиться с ним новостью, но в последний момент краем глаза заметил какое-то странное движение среди дервишей и снова припал к скале, настроив бинокль. Два дервиша, подбежав к груженому верблюду, заставили его опуститься на колени, открыли кожаную сумку и вернулись назад. Один из них уселся на землю, скрестив ноги, и стал что-то писать в небольшом блокноте, причем делал это с усердием, старательно выводя буквы.

Другой араб в это время вынул из сумки маленькую клетку, отбросил хлопчатобумажную накидку и вытащил на свет божий птицу с круглой головой и белым оперением. У Пенрода даже дыхание перехватило от волнения. Это был почтовый голубь.

К этому времени дервиш закончил писать, свернул листок, и они, немного повозившись с птицей, высоко подбросили ее в воздух. Голубь захлопал крыльями и стал кругами подниматься все выше и выше над рекой. Дервиши молча наблюдали, запрокинув головы, а потом закричали хором, так громко, что Пенрод без труда разобрал слова.

– Лети голубка на крыльях ангелов Господних!

– Лети быстро к груди святого Махди!

Голубь тем временем превратился в крошечную точку на голубом небе и вскоре исчез в южном направлении, где находилась ставка Махди в Омдурмане.

Пенрод отполз в сторону и побежал к верблюду. Вскочив в седло, он пришпорил животное и помчался назад к Якубу, то и дело поглядывая туда, где только что исчез почтовый голубь с донесением дервишей. Этой птице придется преодолеть расстояние не менее пятидесяти миль, но она все равно будет в Омдурмане до наступления ночи, а им с Якубом предстоит двести пятьдесят миль по безводной пустыне. Только сейчас Пенрод осознал всю трагичность их положения и ту ужасную гонку, которую придется выдержать, чтобы благополучно добраться до Хартума и доставить секретное послание Китаю Гордону.

Осман Аталан шел в огромной толпе правоверных к большой мечети Омдурмана. Над его головой развевался личный флаг, подаренный самим Махди. Он был украшен словами из Корана, а несли его два аггагира. Люди вокруг стучали в огромные военные барабаны и громко возносили хвалу Аллаху, Махди и его халифу. Жара давила на толпу, обволакивала с ног до головы, напитанная плотной пеленой пыли, поднимавшейся в раскаленный воздух от множества ног. По мере приближения к мечети возбуждение нарастало, поскольку все знали, что сегодня хвалу Аллаху и его пророку вознесет сам Махди – светоч ислама. Ансары начали традиционный танец. Когда-то их называли просто дервишами, но Махди запретил это название, считая его унижительным.

– Благословенный пророк разговаривал со мной несколько раз и строго-настрого предупредил, что если кто-нибудь назовет моих последователей дервишами, то будет семь раз бит

колючими прутьями и разжалован. Неужели я не дал гордое название и обещание рая моим самым преданным и храбрым воинам, одержавшим триумфальную победу на поле битвы под Эль-Обейдом? Разве я не приказал называть их ансарами – моими верными помощниками и последователями? Пусть они будут известны как ансары и да прославят в веках это гордое имя.

Ансары исполняли свой ритуальный танец на палящем солнце, кружась, как пыльные дьяволы, все быстрее и быстрее, и порой казалось, что их босые ноги не касаются земли. А сомкнувшиеся вокруг тесные ряды фанатичных поклонников громко визжали и выкрикивали все девяносто девять имен Аллаха: «аль-Хаким – Мудрый, аль-Маджид – Славный, аль-Хакк – Истинный...» Один за другим танцующие ансары входили в состояние священного транса, падали на землю, бились в судорогах, закатывали глаза и натужно хрипели перекошенными ртами.

Осман вошел в ворота мечети, представлявшей собой большое открытое пространство, отгороженное от остального мира стеной из глинобитного кирпича высотой не менее двадцати футов. Площадь мечети превышала восемьсот шагов в одну сторону, и всю эту громадную территорию заполняли стоявшие на коленях верующие, облаченные в традиционную джиббу. А в самом дальнем конце мечети оставалось небольшое свободное пространство, огражденное от людей плотным кольцом ансаров в черных одеждах – личных палачей Махди.

Осман медленно прошествовал к этому почетному месту сквозь густую толпу правоверных, которые услужливо расступались, давая ему дорогу, и награждали молитвами, как самого важного из всех великих эмиров. В первом ряду верующих его аггагиры расстелили на земле молитвенный коврик из прекрасно обработанной шерсти, а рядом положили шесть больших бивней слонов, добытых во время охоты в долине Атбара. Осман не спеша опустился на коврик и повернулся к узкой двери в стене, ведущей в личные покои Махди.

Постепенно дикий галдеж верующих перешел в тихий ропот, сменившийся гулкой тишиной, за которой последовали торжественные звуки омбейи, и через открывшуюся дверь в стене на площадь вышла небольшая процессия. Во главе ее величественно шествовали три халифа. Предварив таким образом свое появление, Махди всецело следовал древнему обычаю, установленному еще первым пророком Мухаммедом.

Правда, здесь должен был быть еще и четвертый халиф – аль-Сенусси, правитель Киренаики, но тот отказался признать святость Махди. Некоторое время назад он послал своего эмиссара в Судан, чтобы тот навел справки о человеке, которого все называют Махди. Посланник прибыл на место в самый разгар резни в Эль-Обейде. Он с ужасом наблюдал, как ансары казнили людей, подвергая их чудовищным пыткам, как кромсали маленьких детей и насиловали женщин. Посланник так и не решился навестить Махди, а просто сбежал оттуда и, благополучно добравшись домой, сообщил халифу о зверствах, которые видел своими глазами.

– Это чудовище не может быть истинным Махди, – заключил аль-Сенусси. – Я не хочу иметь с ним ничего общего.

Таким образом, в распоряжении Махди оказались лишь три халифа, первым из которых был, разумеется, Абдуллахи. По сравнению с ним двое других являлись полным ничтожеством. Абдуллахи повел их к молитвенным коврикам, расстеленным на небольшом возвышении. После того как они заняли свои места, наступила еще одна томительная пауза. Служитель мечети крикнул в очередной раз, и на площадь вышел главный оруженосец Махди, несший в руках символ могущественной власти своего хозяина – длинный меч, сверкающий на солнце. Его золотая рукоятка, украшенная многочисленными бриллиантовыми звездами и полумесяцами, завершалась золотым двуглавым орлом Священной Римской империи, под которым виднелась выгравированная надпись «Vivat Carolus»¹⁰. Эта вовсе не исламская реликвия, принадлежавшая христианским крестоносцам и являвшаяся фамильным достоянием одного из

¹⁰ «Да здравствует Карл» (лат.).

европейских монархов, через несколько столетий каким-то образом оказалась в руках Махди. А за оруженосцем на площадь вышел и сам пророк Аллаха собственной персоной.

Махди был в белоснежной джиббе, искусно украшенной замысловатым золотым шитьем. Голову венчал золотой шлем с цепочкой драгоценных камней, которая могла принадлежать одному из военачальников легендарного Саладина. Он величественно ступал по дорожке между склонившимися перед ним правоверными, и многие шейхи, эмиры, муллы и воины припадали к земле и пытались подползти поближе к своему кумиру и поцеловать его ноги, оставляя перед ним священные дары. Постепенно возле пророка вырастала гора золотых украшений, драгоценных камней, бесценного жемчуга и искусных изделий из серебра. Махди подносили рулоны шелка и дорогой парчи, украшенной золотым шитьем. Он отвечал ангельской улыбкой и прикасался рукой к склоненным головам, благодарно принимая каждый подарок. А пока преданные ансары следовали за ним по пятам и собирали подношения, он читал молитву и благословлял дарителей.

– Аллах беседовал со мной много раз и постоянно напоминал, что вы не должны носить дорогую одежду и драгоценные украшения, поскольку они отвлекают вас от истинной веры и порождают гордыню. Надевайте традиционную джиббу, которая подчеркивает вашу любовь к пророку и Махди. Вы поступаете мудро, отдавая мне на хранение свои побрякушки и погремушки.

Многие верующие не слышали этих слов, поэтому стоящие на коленях в первых рядах громко повторяли их, передавая откровения Махди, и воздавали хвалу Богу за то, что им выпала большая честь приобщиться к мудрости пророка.

А правоверные тем времен сыпали под ноги Махди золотые и серебряные монеты, сверкающие на солнце талеры Марии Терезии, золотые мухуры¹¹ и английские соверены.

Осман Аталан пополз вперед, таща за собой самый большой бивень, а его слуги волокли остальные. Махди улыбнулся Осману и даже остановился, чтобы обнять его.

Позади послышался удивленный шепот, вызванный таким знаком внимания со стороны божественного пророка.

– Ты знаешь, что эти богатства не обеспечат тебе достойного места в раю, – глубокомысленно заявил Махди. – Если кто-то укрывает дома сокровища и не приносит их мне по доброй воле и без принуждения, Аллах сожжет его священным огнем, а земля поглотит брненное тело. Слушайте мои слова и повинуйтесь им. Верните мне все то, что припрятали для себя. Пророк, да благословенно имя его, неоднократно говорил мне, что любой человек, который пытается скрыть от меня все, что портит его душу и мысли, будет безжалостно уничтожен. Покоритесь благословенным словам пророка.

Верующие снова закричали от радости, что услышали слова Господа, его пророка и божественного Махди, и заспешили в первые ряды, чтобы вручить последнему свои драгоценные подношения.

Закончив обход мечети, Махди вернулся на самое почетное место и уселся на свой шелковый молитвенный коврик. Один за другим к нему подходили халифы, опускались на колени и подносили свои дары. Первый из них хлопнул в ладоши, и его слуги ввели на площадь резвого жеребца черной масти, сиявшего на солнце как тщательно отполированный обсидиан. Его седло было вырезано из эбонита, а уздечки и поводья сделаны из золотых ремней, украшенных перьями марабу и орлов.

Второй халиф преподнес пророку королевский ангареб – широкую кровать с пышными подушками и покрывалами, каркас которой был искусно вырезан из слоновой кости и инкрустирован золотом.

¹¹ Золотые индийские монеты достоинством 16 рупий.

Абдуллахи лучше других знал своего хозяина и преподнес божественному Махди женщину, но не совсем обычную. Он сам ввел ее на территорию мечети и подвел к хозяину. Она была покрыта арабской накидкой с ног до головы, но даже это просторное одеяние не могло скрыть прекрасные формы, делающие ее похожей на юную газель, а босые ноги поражали изяществом и красотой. Халиф подвел женщину к Махди и открыл переднюю часть накидки, так чтобы скрыть ее от глаз посторонних.

Она была совершенно голой. Махди подался вперед и придиричиво осмотрел это прекрасное дитя эфиопского племени оромо. В свои четырнадцать лет она имела черные как смоль глаза, нежную, словно масло, кожу и двигалась грациозно, будто только что проснувшаяся самка оленя. Ее груди были упругими, по-детски миниатюрными, но при этом созревшими, как налитый соком финик. На самой интимной части ее шоколадного тела не осталось ни единого волоска, и розовые края внутренних губ стыдливо выпирали, будоража воображение, – еще одно свидетельство ее нежного и непорочного возраста. Махди сладострастно ухмыльнулся, а она скромно потупила взор и захихикала, застенчиво прикрывая пухлые губы ладонью.

Халиф Абдуллахи опустил накидку, а Махди удовлетворенно кивнул:

– Отведи ее в мои покои. – Он встал, торжественно распростер руки и снова обратился к верующим: – Пророк много раз говорил мне, что мои ансары – избранные и благословенные люди. А еще он строго-настрого запретил вам курить и жевать табак. И ни в коем случае не употреблять алкоголь. Кроме того, правоверным непозволительно играть на музыкальных инструментах за исключением барабанов и омбейи. Вы не должны танцевать, если, конечно, это не танец во славу Аллаха, не смеете допускать супружескую измену, вступать во внебрачные половые отношения и воровать. И пусть вам будет наглядным уроком незавидная участь тех, кто нарушает мои законы.

Махди хлопнул в ладоши, и через заднюю дверь его покоев личные палачи вывели пожилого человека. Он был босым, изможденное тело прикрывала лишь грязная накидка, редкие седые волосы слиплись от пота и грязи. Он выглядел несчастным и совершенно беспомощным, а его шею охватывала петля. Когда старик остановился у первых рядов верующих, один из палачей сильным ударом поверг его на землю, к ногам еще четверых палачей с длинными плетями в руках.

– Этого человека застали за курением табака. Теперь его ждет наказание в виде ста ударов плетью.

– Во имя Аллаха и победоносного Махди, – простонал обвиняемый хриплым голосом, пока палачи готовились к исполнению наказания.

Первый удар был настолько сильным, что на спине несчастного появилась багровая полоса, а после второго брызнула кровь. Жертва громко визжала и билась, а верующие поддерживали его глухими стонами. С последним ударом он уже не мог шевелиться и пластом лежал на окровавленной земле. Палачи оттащили бездыханное тело в ту самую дверь, откуда недавно вывели, оставляя позади темный кровавый след.

Вторую жертву привели в мечеть на веревке, и Махди презрительно усмехнулся:

– Этот человек украл весло в хижине своего соседа. По заветам пророка, ему нужно отрубить руку и ногу.

В тот же миг один из палачей взмахнул саблей и отсек несчастному ногу на уровне лодыжки. Тот рухнул на землю и простер руки к Махди с мольбой о пощаде. Палач наступил на его правую кисть и уверенным движением отсек ее. После этого культы погрузили в чан с кипящей водой, подняли с земли окровавленные обрубки, привязали их веревкой к шее преступника и потащили его обратно в боковую дверь.

– Хвала справедливости и милосердию Махди! – завопили правоверные. – Аллах велик, и нет Бога, кроме Аллаха!

Осман Аталан наблюдал за этой сценой со своего почетного места в первом ряду, не переставая восхищаться мудростью и проницательностью Махди. Он инстинктивно чувствовал, что новые религиозные общины устанавливаются не обещаниями роскоши или прощением грехов, а жестким внедрением моральной чистоплотности и безграничной преданностью слову Господа. Никому из присутствующих, своими глазами видевших правление этого нового пророка, и в голову не придет усомниться в истинности его божественного откровения.

Махди тем времен снова обратился к правоверным:

– Мое сердце сжимается от печали, поскольку сейчас перед нами предстанут два человека – мужчина и женщина, совершившие тяжкий грех прелюбодеяния.

Собравшиеся загудели от возмущения, вскидывая руки и громко выкрикивая:

– Они должны умереть! Они должны умереть!

Сначала палачи выволокли на небольшую площадку перед Махди женщину, похожую на ребенка с тонкими руками и ногами. Длинные спутанные волосы свисали на плечи, прикрывая заплаканное лицо. Пока палачи привязывали ее руки и ноги к вкопанному неподалеку столбу, она все время плакала, повизгивая от ужаса.

Затем палачи привели мужчину. Он тоже был совсем юным, но высоким, крепким и необыкновенно гордым.

– Будь мужественной, любовь моя! – крикнул он своей любовнице. – Скоро мы окажемся в лучшем месте, чем это.

Несмотря на сдерживавшую веревку на шее, он решительно направился к самому краю площадки, словно пытаясь обратиться к божественному Махди. Однако палач дернул его назад.

– Не приближайся к Непобедимому, грязное животное! Ты можешь запачкать своей кровью его белоснежную одежду.

– Наказанием мужчине за супружескую неверность будет отсечение головы, – произнес Махди, и слова гулким эхом разнеслись по мечети, повторенные десятками верующих. В тот же миг один из палачей подошел к парню сзади, приставил к его шее острую саблю, словно примериваясь к удару, и, размахнувшись, со свистом опустил сверкающее лезвие на шею несчастной жертвы. Девушка у столба громко вскрикнула, когда голова ее возлюбленного отделилась от тела и покатилась по пыльной земле, разбрызгивая тонкие струйки крови. Из шеи парня в воздух с шумом вырвался темный фонтан, окрасив тело, пока он все еще стоял, словно не веря в случившееся. Махди благоразумно отступил, запахивая полы белоснежной джиббы. Через секунду голова парня застыла в липкой кровавой грязи, а тело рухнуло на землю. Девушка отчаянно билась у столба, пытаясь разорвать путы и броситься к любимому.

– Наказанием для женщины за супружескую неверность будет побивание камнями, – провозгласил свой приговор Махди.

Халиф Абдуллахи первым встал с почетного места, подошел к привязанной девушке и со странной нежностью убрал с ее изможденного лица слипшиеся волосы. Вероятно, для того, чтобы правоверные видели выражение лица грешницы в момент мучительной смерти. Затем отошел к большой груде заблаговременно приготовленных камней, выбрал самый крупный, удобно легший в его ладонь, и снова повернулся к девушке.

– Во имя Аллаха и божественного Махди, да помилуют они твою грешную душу. – С этими словами он широко размахнулся и бросил камень с силой и ловкостью опытного метателя копья, попав ей прямо в глаз.

Даже со своего места Осман Аталан услышал глухой удар, после которого глаз вывалился и повис на щеке, удерживаясь окровавленным нервом, словно сгнивший на ветке плод.

За Абдуллахи последовали другие халифы, эмиры и шейхи, которые так же старательно выбирали камни и швыряли в окровавленную юную женщину. Когда настал черед Османа Аталана, ее лицо уже превратилось в кровавое месиво, а хрупкое тело, не подавая признаков

жизни, беспомощно обвисло на крепких веревках. Камень Османа попал ей в плечо, но она даже не вздрогнула и висела у позорного столба, пока Махди не закончил свою проповедь.

– Пророк, да будет он милостив в своей вечной жизни, неоднократно напоминал мне во время нашей беседы: усомнившийся в том, что я истинный Махди, является вероотступником. Тот, кто противится мне, – изменник и неверный. Объявившие мне войну будут лишены жизни и уничтожены в загробном мире, а их имущество и дети станут собственностью ислама. Моя битва против турок и неверных ведется по приказу самого пророка. Он посвятил меня в ужасные тайны, и одна из самых важных гласит, что все страны Турецкой империи, а также европейцы и прочие неверные, восставшие против Аллаха и его пророка, рано или поздно покорятся нашей священной религии и его законам. Они станут пылью на грязной дороге, мелкой вошью на нашем пути, абсолютным ничтожеством, жалко ползущим в сумраке ночи.

Осман Аталан вернулся в свой шатер, раскинутый в тенистой пальмовой роще на живописном берегу Нила, посмотрел на противоположный берег, где находилась захваченная неверными крепость, и вдруг ощутил страшную физическую усталость, хотя в душе испытывал необыкновенный подъем, будто победу в предстоящем сражении ему гарантировал сам Аллах и божественный Махди. Он устало опустился на дорогой шелковый ковер из Самарканда, а жены принесли ему кувшин прохладного молока. Когда он сделал несколько глотков, первая жена наклонилась и прошептала на ухо:

– Один человек ожидает тебя, мой господин.

– Пусть войдет, – разрешил Осман. Через порог палатки робко переступил старик с необыкновенно ясными глазами. – А, это ты, голубятник. Рад видеть тебя, – доброжелательно приветствовал его Осман. – Да пребудет с тобой милость Аллаха.

– И я рад видеть тебя, всемогущий эмир, – низко поклонился тот. – И молю пророка, чтобы он ниспослал тебе удачу. – И протянул Осману серого голубя, которого прижимал к груди обеими руками.

Эмир взял птицу и нежно погладил по голове. Та тихо заворковала в ответ, а он быстро развязал шелковый шнурок на ее лапке и снял свернутый трубочкой клочок рисовой бумаги. Развернув его на коленях, прочитал и злорадно ухмыльнулся, ощутив, как свалилась с плеч тяжелая усталость. Немного подумав, он более внимательно перечитал последнюю строчку короткой записки. «Я видел его лицо при свете луны, – говорилось в ней. – Это тот самый франк, которому удалось избежать вашей мести в битве под Эль-Обейдом. Тот самый, известный под именем Абадан Риджи».

– Позовите всех моих аггагиров и оседлайте Хулуймаю, – решительно приказал он. – Мы отправляемся на север. Мой давний враг сам пришел к нам. – Слуги опрометью бросились исполнять приказ хозяина.

– Слава Аллаху, что не придется прочесывать пустыню Монассир вдоль и поперек, – поделился Осман своими мыслями с Хасаном бен Надиром и аль-Нуром, которые стояли у входа в палатку и ждали, когда слуги приведут им лошадей. – Нам известно, когда и где он переправился через брод, и осталось только одно место, куда он стремится.

– От переправы до того места, куда он сейчас направляется, чтобы добраться до Хартума, не меньше двухсот пятидесяти миль, – резонно заметил аль-Нур.

– Это хороший и выносливый воин, – добавил Хасан бен Надир. – Мы видели его во время сражения под Эль-Обейдом и знаем, на что он способен. Он постарается ехать как можно быстрее и в конце концов погубит своих верблюдов.

Осман кивнул в знак согласия, поскольку хорошо знал человека, за которым так долго охотился. Конечно, Хасан прав: тот ни перед чем не остановится и до смерти загонит своих животных.

– Дня через три, максимум четыре этот человек сам попадет в нашу сеть, как маленькая рыбешка.

Конюх привел ему Хулумайю, и та радостно замотала головой, узнав хозяина. Осман нежно похлопал ее по морде и дал пожевать немного хлеба, пока поправлял уздечку и проверял седло, рассуждая вслух:

– Он очень осторожен и будет держаться подальше от берега, пока не выберет место для переправы. Интересно, где он собирается это сделать? – И, не дожидаясь ответа, снова похлопал лошадь по морде. – К югу от Омдурмана или к северу? Нет, вряд ли он пересечет реку к северу – там очень сильное течение и всех его верблюдов вместе с багажом отнесет прочь от города. Он должен переправиться южнее Омдурмана, чтобы течение Бахр-эль-Абьяда, – употребил он арабское название Белого Нила, – отнесло его вниз к Хартуму.

В этот момент кто-то кашлянул, переступив ногами по пыльной земле. Только один из его помощников мог осмелиться прервать своего хозяина. Осман недовольно зыркнул на аль-Нура – самого надежного и преданного воина.

– Говори, Нур. Пусть твоя мудрость ублажит нас, как прекрасное пение небесного херувима.

– Мне кажется, что этот франк умен и хитер, как степной шакал. Он может рассуждать примерно так же, как это только что сделали вы, и поэтому, хорошо понимая вашу логику, сделать нечто совершенно противоположное. Например, переправиться через реку далеко на севере, а потом быстро добраться до горной гряды и попытаться переплыть Бахр-эль-Абьяд, а не Бахр-эль-Азрак.

Осман покачал головой:

– Он не дурак, как ты сам только что сказал, и неплохо знает эти места. Он знает, к примеру, что самая большая опасность подстерегает его не в безводной пустыне, а вдоль берега реки, где сосредоточены все наши племена. Неужели ты считаешь, что он отважится дважды пересечь реку, вместо того чтобы сделать это один раз? Нет, он будет переправляться через Бахр-эль-Абьяд и именно южнее города. Вот там-то мы и будем его ждать.

Осман легко запрыгнул в седло, и аггагиры последовали за ним.

– Мы едем на юг.

Они окунулись в приятную вечернюю прохладу, оставляя за собой длинный шлейф красноватой пыли. Осман Аталан скакал во главе отряда, постоянно прищипывая свою быстроногую лошадь. Проехав несколько миль, он резко натянул поводья и приподнялся на стременах, оглядывая раскинувшуюся перед ним полосу земли. Слева едва виднелись верхушки пальм, обозначающих береговую линию, а справа до горизонта тянулась мрачная пустыня Монаассир, через две тысячи миль незаметно переходившая в еще более жаркую и безлюдную Сахару.

Осман спрыгнул с лошади и похлопал ее по загривку. Верные воины последовали его примеру.

– Абадан Риджи сделает большой круг на запад, чтобы держать в поле зрения реку и добраться на другой берег в удобном месте, – заключил эмир. – Затем выйдет из дикой пустыни и попытается проскользнуть через охраняемую нами территорию под покровом ночи. А мы оставим посты наблюдения вон там и там, – показал он на обширную территорию береговой линии. Воины молча кивнули в знак согласия, хорошо понимая поставленную перед ними задачу. – Нур, возьми своих людей и поедешь вон туда, а ты, Хасан бен Надир, отправишься в другую сторону.

Пенрод гнал верблюдов с такой скоростью, что далеко не каждый человек мог выдержать, не говоря уже про животных. Они преодолевали не менее восьми миль в час и ехали без отдыха и остановок более восемнадцати часов. Однако даже для выносливых животных есть свой предел. Оба всадника также совершенно обессилели, и Пенрод решил сделать при-

вал. Они отдыхали часа четыре, если верить карманным часам Пенрода, но когда стали поднимать верблюдов, один из них – самый старый и слабый – наотрез отказался продолжить путь. Недолго думая, Пенрод пристрелил загнанное животное, и, распределив его груз по остальным верблюдам, они помчались дальше с прежней скоростью.

В конце следующего восемнадцатичасового этапа Пенрод прикинул, что до Нила в десяти милях от Хартума им предстоит преодолеть еще как минимум девяносто, а может, и все сто миль. Якуб с ним согласился, хотя его расчеты строились по совершенно другим критериям. Судя по всему, они уже прошли половину пути, но это стоило им слишком дорого – тридцать шесть часов напряженной езды и только четыре часа отдыха. Они попытались накормить верблюдов, но те решительно замотали головами, отказываясь принимать скудную пищу да еще в таком мизерном количестве.

Когда верблюды отдыхали от второго перехода, Пенрод осмотрел каждое животное и проверил содержимое кожаных бурдюков, определяя запасы воды. Обдумал соотношение груза, длину предстоящего пути и физическое состояние каждого животного и в конце концов решил испробовать другой план. Он тут же изложил его Якубу, на что тот тяжело вздохнул и почесал бок, высоко задрав длинную арабскую рубашку. Это означало, что его одолевают серьезные сомнения. После долгих раздумий он неохотно кивнул, но так и не подтвердил согласие словами.

Они выбрали двух самых молодых и крепких верблюдов, отвели их подальше, чтобы не видели остальные, и щедро напоили из прихваченных бурдюков. Верблюды жадно глотали воду, и казалось, никогда не утолят жажду. Пенрод прикинул, что каждый из них выпил как минимум по тридцать галлонов бесценной в пустыне жидкости. И это мгновенно принесло свои результаты. Животные взбодрились и с жадностью набросились на еду, от которой отказались их ослабевшие и истощенные долгим переходом собратья. Наконец они полностью восстановили силы и готовы были продолжать путь. Наблюдая за ними, Пенрод не переставал поражаться физической выносливостью этих чудесных творений природы.

Через четыре часа отдыха они отвели их к остальным, неподвижно лежавшим на горячем песке. Оседлав ослабевших животных, они переложили на их спины оставшийся груз, освободив двух самых крепких от какой бы то ни было ноши, кроме седел. Таким образом, слабые верблюды несли на себе не только груз, но и седоков, а окрепшие бежали рядом налегке. Первый верблюд рухнул на землю уже через три часа напряженного пути, и Пенрод без колебаний пристрелил загнанное животное. Затем они с Якубом напились до отвала, а оставшуюся воду распределили между двумя крепышами.

Они продолжали продвигаться вперед с прежней скоростью и в течение следующих десяти миль потеряли еще двух слабых верблюдов. Один из них упал замертво, когда они поднимались на высокий склон песчаной дюны, причем рухнул так неожиданно, словно ему выстрелили в голову. А через полчаса другой верблюд хрипло застонал, издал предсмертный вопль и тяжело опустился на задние ноги. Он умирал медленно, закрыв глаза длинными ресницами. Пенрод, стоя над обреченным животным с револьвером, тихо сказал:

– Спасибо, старик. Надеюсь, твое путешествие в вечность будет не столь мучительным. – И выстрелил ему в голову.

Они снова вволю напоили двух оставшихся верблюдов и сами выпили сколько могли. Верблюды казались бодрыми и готовыми к долгому пути. Якуб остановился рядом с ними и посмотрел вдаль. Вплоть до горизонта тянулись небольшие дюны, а за ними виднелись вершины горной гряды.

– Еще восемь миль до реки, – подытожил он.

– Если моя задница выдержит такой долгий путь, – устало проворчал Пенрод, с трудом взбираясь в седло.

У него ныли все кости, болели мышцы, а иссушенные солнцем и ветром глаза закрывались от усталости. Пришпорив верблюда, он полностью отдался во власть животного и вскоре задремал, покачиваясь в такт размеренного бега. Ровное пространство пустыни осталось далеко позади, а однообразные песчаные дюны и голые вершины холмов были настолько похожими друг на друга, что невольно создавалось впечатление, будто они топчутся на месте в этом жутком и бесконечном пространстве.

В своем деревянном седле Пенрод неожиданно провалился в бездну тяжелого, как свинец, и мрачного, словно сумрак ада, сна. В какой-то момент он утратил контроль над собой и чуть не свалился наземь, но твердая рука преданного Якуба поддержала его в последнюю минуту. Пенрод поднял голову, виновато посмотрел на друга и бросил взгляд на солнце. Они ехали не более двух часов.

– Еще шесть часов, – сказал он и тряхнул головой, отгоняя сонливость.

Он знал, что в любую минуту может снова провалиться в забытие, и поэтому соскочил на землю и какое-то время бежал рядом с верблюдом, пока не вспотел от невыносимой жары и физической нагрузки. После чего спокойно поскакал за Якубом, не опасаясь, что снова уснет. Правда, ему еще дважды приходилось проделывать этот трюк, а в самом конце пути он заметил, что животное резко сменило ход.

– Они почувствовали реку! – закричал ему Якуб, радостно взмахнув рукой.

– Ну и сколько же до нее?

– Час, а может, чуть дольше! Потом свернем на восток и выедем прямо к реке.

Этот час тянулся очень медленно, но верблюды резво продвигались вперед, пока в сгустившемся от жары воздухе не появилась еще одна возвышенность из сланцевой глины. Пенроду она показалась такой же, как и сотни других, встреченных на пути после переправы через реку, но Якуб радостно улыбнулся и показал на холмы:

– Я хорошо знаю это место!

Он повернул верблюда, и животное охотно ускорило шаг. Яркий диск солнца уже находился на полпути к западному небосклону, и их длинные тени весело подрагивали на голой песчаной земле.

Вскоре они подошли к невысокой горной гряде, и Пенрод жадно вгляделся в даль в надежде увидеть долгожданную зеленую полоску, но впереди лежала голая земля без всяких признаков прибрежной растительности. Но Якуб был полон энергии и бодро тряс на горячем ветру своими длинными, слипшимися от жары кудрями. А верблюды так же бодро отмеривали шаг за шагом по песчаной равнине.

Через некоторое время впереди показалась еще одна голая вершина, возвышавшаяся над пустыней, как голова сказочного чудовища над поверженными врагами. Якуб пришпорил верблюда и пустился к Пенроду с бешеной скоростью.

– Теперь ты сам удивишься в мудрости Якуба, повелителя пустыни. Храбрый Якуб видит землю, как стервятник с огромной высоты, а мудрый Якуб знает все скрытые места и потаенные дорожки.

– А если этот храбрый Якуб ошибется в своих предсказаниях, – сдержанно откликнулся Пенрод, – я просто-напросто оторву его мудрую голову.

Якуб весело ухмыльнулся и, пустив верблюда в галоп по песчаной пустыне, вырвался вперед на пятьдесят шагов, остановился на вершине холма и драматическим жестом показал вперед.

Далеко на горизонте они увидели темную полоску пальмовой рощи, растянувшейся вдоль реки, но в неверном свете было трудно определить истинное расстояние. Лохматые верхушки пальм, выстроившихся в темную линию, напомнили Пенроду знаменитую прическу воинов племени хадендова. Он прикинул, что до ближайшей пальмовой рощи чуть меньше двух миль.

– Немедленно уложи верблюдов! – приказал он и прыгнул на землю, с удивлением обнаружив, что чувствует себя необыкновенно бодрым и полным сил.

При первом же взгляде на Нил всю накопившуюся за изнурительный путь усталость как рукой сняло. Они укрыли верблюдов за скалистыми выступами холма, чтобы их никто не заметил со стороны реки.

– В какой стороне находится Хартум? – спросил Пенрод.

Якуб без колебаний показал налево.

– Там можно своими глазами увидеть дым от кухонных костров Омдурмана.

Линия горизонта была настолько размытой и туманной, что Пенрод принял видневшуюся вдали дымку за пыльную бурю или водные испарения Нила. Но теперь он понял, что Якуб прав.

– Значит, мы находимся примерно в пяти милях от Хартума, – заключил он, довольный, что они наконец-то добрались до места, к которому стремились все это время.

Пенрод спешился и осторожно подошел к краю скалы с биноклем в руке. Только сейчас он понял, что ошибся, определяя расстояние до реки. На самом деле до нее оставалось меньше мили. Берег был ровным, без особых примет и каких-либо природных укрытий. Ему даже показалось, что под растущими у воды пальмами кто-то возделывал землю, поскольку тут и там виднелись более темные полосы.

– Вероятно, на этом поле выращивают хурму, – обескураженно пробормотал он, – но поблизости нет ни одной деревни.

Он снова взглянул на солнце. До наступления темноты осталось часа два, не больше. Что же делать? Попробовать добраться до реки или подождать сумерек? Размышляя над этой задачей, он продолжал смотреть в бинокль. Берег реки мог находиться далеко за пальмовой рощей или совсем рядом.

В этот момент странное движение привлекло его внимание, и он насторожился. Из пальмовой рощи в воздух поднялось какое-то облачко и двинулось в противоположном направлении от Омдурмана. Сначала он подумал, что это, возможно, пыль от торгового каравана, шедшего по дороге вдоль берега. Но потом сообразил, что караван не может продвигаться так быстро. Стало быть, это всадники на верблюдах или лошадях. Неожиданно пыльное облако остановилось, повиснув над пальмами, и стало медленно растворяться в воздухе. Кто бы это ни был, он помог Пенроду принять правильное решение. Теперь ему оставалось только дождаться темноты. Он вернулся к Якубу, ожидавшему его с верблюдами, и сообщил:

– На берегу какие-то всадники. Думаю, лучше дождаться темноты, чтобы проскользнуть.

– Сколько их?

– Точно не скажу. Довольно много, если судить по облаку пыли. Человек двадцать.

В бурдюках осталось несколько галлонов воды. Близость реки сулила пополнение запасов, поэтому они позволили себе насладиться животворной влагой. К этому времени вода успела протухнуть, отдавала плесенью и высушенной кожей. Но для Пенрода и Якуба не было ничего дороже этой вонючей жидкости. Остатки они отдали верблюдам, а пустые кожаные бурдюки надули. Это было делом нелегким: приходилось зажимать бурдюк ногами и изо всех сил вдувать туда воздух, зажимая отверстие во время передышки. Наполненные воздухом бурдюки они привязали к спинам верблюдов. Когда все было готово к переправе, Якуб посмотрел на Пенрода:

– Неутомимый Якуб останется на страже, а вы немного отдохните. Я разбужу вас на закате солнца.

Пенрод хотел было возразить, но передумал. Его друг был прав – силы почти истощились, энтузиазм заметно поубавился, и если не поспать хотя бы часок, успех операции окажется под большим вопросом. Кроме того, Якуб действительно неутомим и выдержит все испытания. Он вручил ему бинокль, растянулся в тени верблюда, замотав голову шарфом, и мгновенно уснул.

– Эфенди, – прошептал Якуб и потряс Пенрода за плечо.

Увидев его взволнованное лицо, тот сразу понял, что случилось нечто необычное. Похоже, у них возникли проблемы. Лицо Якуба перекошилось от волнения, один глаз смотрел на Пенрода, второй был устремлен куда-то вдаль.

Капитан резко приподнялся, сжимая рукоять револьвера.

– Что стряслось?

– Всадники! – Якуб показал в ту сторону, откуда они недавно пришли. Далеко на пустынной равнине виднелся конный отряд, быстро приближавшийся к горной гряде. – За нами. Они идут по нашим следам.

Пенрод вырвал бинокль из его рук и припал к окулярам. Всадники были в джиббах. Девять человек скакали во весь опор, быстро приближаясь. При этом передние пригибались в седле, вглядываясь в следы на песке.

– Они ждали нас, – заметил Якуб. – Это тот голубь принес им весточку.

– Да, голубь, – кивнул Пенрод и взглянул на солнце, уже коснувшееся линии горизонта. Значит, до наступления темноты еще много времени. Верблюды давно стремились к воде, готовые к последнему рывку, и вскочили после первого же удара хлыстом.

Пенрод взлетел в седло и, направив верблюда к пальмовой роще, пустился в галоп. Позади послышался выстрел, и слева в воздух взметнулся столб пыли. Пуля рикошетом отлетела от каменной почвы, но, к счастью, в пятидесяти ярдах от него. Это был плохой выстрел, но расстояние быстро сокращалось. Дервиши не жаловали огнестрельное оружие, предпочитая более привычные дамасские клинки и храбро вступая в рукопашный бой.

За несколько секунд верблюды перемахнули через горную гряду и стали спускаться, оставаясь на какое-то время вне досягаемости для пуль. Пенрод, зная, что они значительно уступают лошадям на короткой дистанции, стегал своего верблюда кнутом, пинал его пятками и громко кричал: «Ха! Ха!» Якуб был гораздо легче и немного опередил его.

Приближаясь к пальмовой роще, Пенрод вглядывался в темную полосу берега, где недавно видел всадников на лошадях, надеясь, что те уже ускакали к Омдурману и берег свободен. «Даже самым отчаянным людям требуется хоть немного удачи», – думал он. Сзади раздались громкие крики преследователей. Пенрод обернулся и увидел, что девять всадников уже показались из-за горной гряды и мчатся к берегу. Послышались винтовочные выстрелы, но пули легли далеко от них. Пальмовая роща тем временем быстро приближалась, и Пенрод с облегчением увидел, что берег чист и безлюден.

– Живее, эфенди! – торопил Якуб. – Смотрите на меня и учитесь, как нужно управлять верблюдом.

Этот маленький и храбрый всадник племени джаалин любил пошутить в самый неподходящий момент и остался доволен своим остроумием. Они мчались галопом на пределе возможностей, но Пенрод все подстегивал верблюда, плотно прижавшись к его спине.

Внезапно послышались другие выстрелы, более громкие и точные. Из пальмовой рощи справа от них на открытое пространство вырвалась та самая группа всадников, которую они недавно видели из-за гор. По всей вероятности, те отдыхали в тени деревьев, а услышав выстрелы, решили перехватить беглецов. Это были дервиши в длинных джиббах, вооруженные саблями, кинжалами, копьями, круглыми щитами и винтовками. Они быстро мчались вдоль пальмовой рощи, явно намереваясь отрезать им путь к реке.

Пенрод прищурился, пытаясь на ходу определить их скорость и расстояние до точки пересечения, и успел подумать, что они первыми достигнут берега, если им ничто не помешает, как вдруг пуля сорок пятого калибра, выпущенная из винтовки «боксер-генри», поразила в голову верблюда под Якубом, и тот рухнул наземь, перевернувшись вверх ногами. Якуб взлетел в воздух, грохнулся вслед за верблюдом и застыл.

Пенрод подумал, что друг либо убит наповал, либо потерял сознание от удара о землю. Он не имел права останавливаться, чтобы оказать ему помощь. Секретное донесение Беринга

было гораздо важнее жизни одного человека. Но его бросило в дрожь при мысли, что верный товарищ может оказаться в руках жестоких дервишей. Он хорошо знал, как они поступают со своими пленниками – отдают для жестоких утех своим женам. Женщины племени хадендова сначала кастрируют бедолагу, а потом начнут медленно срезать с него кожу узкими полосками, стараясь, чтобы он не потерял сознание и не умер преждевременно.

– Якуб! – что есть мочи заорал Пенрод. – Приготовься!

Тот очнулся, вскочил на ноги и бросился в том же направлении, а Пенрод наклонился и, нагнав его, подхватил правой рукой. Якуб подпрыгнул, и капитан взвалил его на спину своего верблюда. Он часто проделывал этот трюк, готовясь к сражению или во время охоты, поэтому ничего необычного здесь не было. Якуб вцепился в него обеими руками и оглянулся, оценивая обстановку. Верблюд тем временем скакал галопом, с каждой секундой приближаясь к реке. Правда, и дервиши не теряли времени зря, и первый из них находился уже ярдах в двухстах от них. Он скакал на прекрасном коне кремовой масти с развевающейся по ветру золотистой гривой. На голове всадника был зеленый тюрбан эмира, но он умело управлял конем и выглядел не седовласым хилым стариком, а весьма опытным и храбрым воином.

– Абадан Риджи! – донесся до Пенрода полный ненависти голос эмира. – После Эль-Обейда я каждый день ждал, когда ты вернешься в Судан.

И Пенрод вспомнил этого человека. Его злобное лицо и худощавую фигуру невозможно было забыть. Это был Осман Аталан, эмир племени беджа.

– А я думал, что убил тебя! – крикнул в ответ Пенрод.

В тот день эмир преследовал его по пятам, когда он скакал на лошади с раненым Адамсом, пытаясь спасти соратника от неожиданно напавшей на них разъяренной толпы дервишей. Тогда у Османа был другой конь, не такой красивый, как сейчас, а у Пенрода – чрезвычайно сильный жеребец. Эмиру понадобилось почти полмили, чтобы нагнать его. Какое-то время они мчались бок о бок, плечом к плечу, словно азартные игроки в поло, гонящиеся за мячом. Осман размахивал саблей, а Пенрод успешно отражал удары гусарским клинком, пока, уловив момент, не нанес противнику последний удар. Он сделал вид, что метит в голову, а когда эмир прикрывшись щитом, ударил в незащищенный живот. Он хорошо помнил, что сталь клинка вошла в тело противника, после чего Осман тяжело осел, а его лошадь свернула в сторону и мгновенно потеряла скорость.

Пенрод помчался с раненым товарищем вперед и краем глаза видел, что эмир отстал, неуверенно покачиваясь в седле. И Пенрод решил, что нанес ему смертельную рану, от которой тот уже не оправится.

Но оказалось, что это не так.

– Клянусь пророком, – снова закричал Осман, – сегодня у тебя будет еще одна возможность убить меня!

Люди эмира мчались с той же скоростью, и Пенрод знал, что они опасны, как стая свирепых волков. Один из агтагиров поднял карабин и выстрелил. Черный дым вырвался из ствола, и пуля просвистела так близко от щеки Пенрода, что он ощутил слабый ветерок, инстинктивно пригнулся и услышал строгий приказ Османа:

– Не стрелять! Только сабли. Я хочу разрубить его своим мечом – он покусился на мою честь!

Пенрод неслся вперед, выжимая все силы из своего верблюда. Они быстро приближались к пальмовой роще, но топот копыт слышался все отчетливее, сливаясь в одно мощное крещендо. Подскакав к роще, Пенрод понял, что ошибся и под деревьями не засеянное поле дурры, а молодая поросль карликовых пальм, отличавшихся жестким стеблем и острыми колючками, что служило серьезным препятствием для лошадей, но не для верблюдов. Недолго думая, он резко свернул в самую гущу зарослей.

Позади послышалось громкое ржание лошадей, на полном скаку влетевших в колючие заросли, и истошные проклятия всадников. Боковым зрением он заметил быстро догонявшую его золотистую гриву.

– Это твой последний шанс, Абадан Риджи! – приближаясь, заорал Осман. Тот наклонился и ударил саблей по покрытой тюрбаном голове эмира. Осман ловко отпрыгнул и злорадно ухмыльнулся: – Хитрая лиса никогда не попадает дважды в одну и ту же ловушку.

– Ты быстро научился...

Пенрод, отражая удар огромного меча крестоносцев своим изящным клинком, продолжал отчаянно бить верблюда пятками, направляя в самую гущу пальмовой поросли. Тот легко преодолел препятствие, а Осману пришлось свернуть в сторону, чтобы сберечь ноги своей чудесной лошади. Он мчался вдоль зарослей, не спуская глаз с Пенрода, но все же отстал шагов на сто и всеми силами старался наверстать упущенное.

Пенрод уже видел раскинувшуюся впереди широкую гладь Нила, ярко поблескивавшую в лучах заходящего солнца. Верблюд тоже неудержимо рвался вперед, чувствуя близость воды. Капитан держал поводья левой рукой, а правой крепко сжимал гусарский клинок.

– Якуб, возьми мой пистолет! – крикнул он сидевшему позади товарищу. – И ради милосердного Аллаха, постарайся на сей раз хорошо прицелиться и не промахнуться.

Якуб выхватил из кобуры огромный револьвер «уэбли».

– Ловкий Якуб свалит фальшивого эмира одним выстрелом! – Он тщательно прицелился и нажал спусковой крючок, предварительно закрыв глаза.

Осман Аталан не дрогнул, но при этом видел, что противники вот-вот достигнут берега, и, еще сильнее прищпорив лошадь, привстал на стремянах, изготовившись к удару.

Пенрод понял, что эмир изменил тактику и решил покалечить верблюда, разрубив подколенное сухожилие. Он резко натянул поводья и ударил плетью животное, которое дернулось в сторону и сильно толкнуло лошадь. Стоявший на стремянах Осман не успел среагировать, пошатнулся и потерял равновесие. Какое-то время верблюд и лошадь мчались рядом, тесня друг друга. Однако верблюд Пенрода был почти вдвое выше лошади и столь же массивнее, поэтому исход поединка был предрешен. Лошадь, не выдержав натиска, рухнула на передние ноги, швырнув седока себе на шею. Однако тот успел сгруппироваться, удержался в седле и восстановил равновесие, не выпустив из руки меча. Почувствовав его неукротимую волю, лошадь вскочила и рванулась к реке.

Пенроду хватило мгновения, чтобы оглядеть берег. Он был довольно крутым, футов десять высотой, а вода внизу казалась темно-зеленой. До противоположного берега было не меньше мили, а по реке в сторону Хартума медленно проплывали небольшие островки плотно сплетенных водорослей и папируса. Вот и все, что он успел заметить. Подгоняемый криками дервишей и бешеной скачкой Османа, капитан без колебаний направил верблюда к обрыву.

– Ради всего святого! – заорал Якуб. – Я не умею плавать!

– Если останешься здесь, женщины дервишей с огромным удовольствием отрежут тебе яйца, – напомнил ему Пенрод.

– Нет-нет, я умею плавать, – быстро согласился тот.

– Какой сговорчивый Якуб, – ухмыльнулся Пенрод и сильно ударил верблюда кнутом по шее, когда тот уперся у края обрыва.

Животное так резко бросилось в воду, что Пенрод с трудом удержался в седле, а Якуб свалился и выронил пистолет. В следующее мгновение они взорвали водную гладь, подняв в воздух столб брызг высотой с обрыв. Дервиши сгруппировались на краю обрыва, беспорядочно стреляя из винтовок по бултыхавшимся в воде мужчинам.

– Стойте! – сердито скомандовал Осман и прицелился из карабина аль-Нура, однако его вмешательства уже не требовалось, поскольку пуля одного из дервишей попала в верблюда, раздробив ему позвоночник.

Бедное животное в ужасе билось в воде, но парализованные задние ноги тянули его ко дну, и верблюд беспомощно кружил на месте, жалобно рыча и разбрызгивая слюну. Однако, несмотря на тяжелое ранение, быстро уходил на глубокую воду, поддерживаемый надутыми воздухом бурдюками.

– Ты думаешь, что снова перехитрил меня? – злобно орал гарцевавший на берегу Осман. – Но не забывай, что я Осман Аталан и твоя жизнь принадлежит мне!

Бравада явно была ложной, и Пенрод быстро понял, что эмир, как и большинство пустынных арабов, не умеет плавать. Несмотря на всю свою безумную храбрость на земле, он ни за что не полезет в воду, подвергая себя и своего прекрасного скакуна опасности со стороны джинов и крокодилов, которые в Ниле достигали иногда чудовищных размеров. Он никогда не бросится за врагом в темно-зеленую стремнину.

С минуту Осман топтался на берегу, мучительно раздумывая, что делать дальше – палить из винтовок или все-таки сразиться с противником в честном поединке, но в другое время? В конце концов жажда мести пересилила гордость, и он отчаянно махнул рукой в сторону беглецов.

– Убейте их!

Его преданные воины мгновенно спешили и, выстроившись в ряд на берегу, открыли ураганный огонь из винтовок по головам плывущих. Пенрод схватил Якуба за руку и дернул к себе, под защиту обессиленного, но все еще подававшего признаки жизни верблюда. Быстрое течение относило их все дальше, а дервиши гнались за ними вдоль реки, отчаянно паля из винтовок. Они медленно отдалялись от берега, но стрельба не прекращалась и в конце концов шальная пуля угодила верблюду в голову, после чего он перевернулся на спину и застыл, как толстое бревно, уносимое течением вниз по реке.

Пенрод вынул кинжал из ножен и обрезал веревку, крепившую один из бурдюков к седлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.